

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ МЕЖВУЗОВСКИЙ ЖУРНАЛ

**АСПИРАНТСКИЙ
ВЕСТНИК**

Поволжья

ISSN 2072-2354

eISSN 2410-3764

<http://aspvestnik.com/index.html>

SCIENTIFIC-PRACTICAL INTERCOLLEGIATE JOURNAL

ASPIRANTSKIY VESTNIK

Dovolzhniya

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

3-4

2020

**Учредитель журнала — Ассоциация вузов Самарской области
«Самарский региональный научно-образовательный комплекс»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Г.П. Котельников, академик РАН, д-р мед. наук, профессор (Россия, Самара)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

(серия Философские науки)

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор (Россия, Самара)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т.В. Борисова, д-р филос. наук,
профессор (Россия, Самара)

Е.Я. Бурлина, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

С.В. Занин, д-р ист. наук, профессор
(Россия, Самара)

Л.Г. Иливицкая, канд. филос. наук, доцент
(Россия, Самара)

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

В.И. Ионесов, д-р культурологии
(Россия, Самара)

А.Ю. Нестеров, д-р филос. наук, доцент
(Россия, Самара)

С.В. Соловьёва, д-р филос. наук, доцент
(Россия, Самара)

Р.И. Таллер, д-р филос. наук, профессор
(Россия, Самара)

Е.Ю. Шиллинг, доктор философии,
профессор (Германия, Гёттинген)

Ответственный секретарь

Ю.С. Пышкина, канд. мед. наук, доцент (Россия, Самара)

Ответственные редакторы номера

Ю.С. Пышкина, канд. мед. наук, доцент (Россия, Самара)

Н.Ю. Кувшинова, канд. психол. наук, доцент (Россия, Самара)

Редактор английского текста

С.С. Барбашева, канд. пед. наук, доцент (Россия, Самара)

Свидетельство Роскомнадзора
о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-13193 от 10.07.2002 г.

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий для публикации основных научных результатов
диссертаций на соискание ученой степени кандидата
и доктора наук по философским наукам по следующим
группам специальностей научных работников:

09.00.00 — Философские науки

09.00.01 — Онтология и теория познания

09.00.08 — Философия науки и техники

09.00.11 — Социальная философия

09.00.13 — Философская антропология, философия
культуры

Журнал включен в Российский индекс научного
цитирования: www.elibrary.ru

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России»: 42023

Адрес редакции: 443099, Россия, г. Самара,
ул. Чапаевская, 89. Тел.: +7(846)333-30-86.

E-mail: aspvestnik@list.ru, aspirantura_samgmu@mail.ru

Адрес сайта в сети «Интернет»: www.aspvestnik.com

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Оригинал-макет изготовлен ООО «Эко-Вектор Ай-Пи».

Подписано в печать 25.06.20. Формат 60×90¹/₈. Усл. печ. л. 9,0.
Тираж 250 экз. Печать офсетная. Заказ № 0-7590-IV

Отпечатано в типографии Михаила Фурсова.

196105, г. Санкт-Петербург, ул. Благодатная, д. 69,
тел.: (812) 646-33-77, e-mail: lv@express-reklama.ru

**Founder of the journal is the Association of Higher Education Institutions of Samara Region
"Samara Regional Academic Organization"**

EDITOR-IN-CHIEF

G.P. Kotelnikov, RAS Academician, Doctor of Medical Sciences, Professor (Russia, Samara)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF**(Philosophic Sciences)**

V.A. Konev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Samara)

EDITORIAL BOARD

T.V. Borisova, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

E.Ya. Burlina, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

S.V. Zanin, Doctor of Historical Sciences, Professor
(Russia, Samara)

L.G. Ilivitskaja, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor (Russia, Samara)

V.A. Konev, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

V.I. Ionesov, Doctor of Culturology
(Russia, Samara)

A.Yu. Nesterov, Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor (Russia, Samara)

S.V. Solovjeva, Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor (Russia, Samara)

R.I. Taller, Doctor of Philosophical Sciences,
Professor (Russia, Samara)

E.Yu. Shilling, Doctor of Philosophy, Professor
(Germany, Hettingen)

Executive Secretary

Yu.S. Pyshkina, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

Executive editor

Yu.S. Pyshkina, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)
N.Yu. Kuvshinova, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

Editor of English text

S.S. Barbasheva, PhD, Associate Professor (Russia, Samara)

Certificate of Federal Service
for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
PI № FS 77-13193 dated 10.07.2002

Higher Attestation Commission includes the journal
in the list of peer-reviewed journals recommended
for the publications of the findings of candidate
and doctoral thesis in Philosophy on the specialties of:

09.00.00 Philosophic Sciences

09.00.01 Ontology and theory of knowledge

09.00.08 Philosophy of science and technology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.13 Philosophical anthropology, cultural philosophy

The journal is included in the Russian Science
Citation Index: www.elibrary.ru

Index of publication in the Union Catalogue
"Press of Russia" 42023

Address of redaction:

89 Chapaevskaya st., Samara, Russia, 443099

Tel.: +7(846)3333086

E-mail: aspvestnik@list.ru,
[aspirantura_samgmu@mail](mailto:aspirantura_samgmu@mail.ru)

Website URL: www.aspvestnik.com

The opinion of the editorial board may not coincide
with the opinion of the authors

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Онтология и теория познания (09.00.01)

Б.В. Кабылинский

Коммерческая репрезентация истуканов острова
Пасхи в конфликтном ракурсе 5

Е.М. Ковшов

Фрактальный и трансдисциплинарный подходы
в исследовании фундаментальных отношений
человека 10

Социальная философия (09.00.11)

А.В. Герасимов

Социально-философские аспекты
образовательной онлайн платформы
российского сегмента интернета 16

М.А. Петина

Социальные контексты музыкальной культуры
в эпоху «текущей современности»:
от алеаторики до переосмысливания
Шостаковича 23

В.Е. Тюриков

К вопросу о существующих стратегиях
противодействия экстремизму и терроризму 29

Философская антропология, философия культуры (09.00.13)

В.Л. Афанасьевский

Преемство византийской церковной традиции
в русской книжной культуре 35

Н.В. Барабошина

Феномен границы в философии
М.М. Бахтина 41

PHILOSOPHIC SCIENCES

Ontology and theory of knowledge (09.00.01)

B.V. Kabylnsky

Commercial representation of graven image
at Easter island in a conflict area 5

E.M. Kovshov

Fraktal and transdisciplinary approaches
in the study of fundamental human
relationships 10

Social philosophy (09.00.11)

A.V. Gerasimov

Social-philosophical aspects
of educational online platform
at the russian internet segment 16

M.A. Petinova

Social contexts of music culture
in the epoch of “current modernity”:
from aleatoric to reflecting
Shostakovich 23

V.E. Tyurikov

On the issue of the existing counter —
extremism and terrorism strategies 29

Philosophical anthropology, cultural philosophy (09.00.13)

V.L. Afanasevsky

The continuity of the byzantine church tradition
in russian book culture 35

N.V. Baraboshina

Boundary phenomenon
Bakhtin's philosophy 41

<i>Е.Я. Бурлина</i>		<i>E.Ya. Burlina</i>	
Д.Д. Шостакович в Самаре — университетский проект	48	D.D. Shostakovich in Samara — university project	48
<i>В.И. Ионесов, Е.А. Слоева</i>		<i>V.I. Ionesov, E.A. Sloyeva</i>	
Ускользящая красота как культурная реальность и опыт переживания	55	Runaway beauty as a cultural reality and empatic experience	55
<i>Р.С. Ярмухаметова</i>		<i>R.S. Yarmuhametova</i>	
Хронотоп в картине мира и музыке эпохи	63	The chronotope in the worldview and music eras	63
Правила для авторов	67	Instructions for authors	67

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ (09.00.01)

УДК 930.85

<https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.5-9>

КОММЕРЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТУКАНОВ ОСТРОВА ПАСХИ В КОНФЛИКТНОМ РАКУРСЕ

Б.В. Кабылинский

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Финансовая Академия Республики Казахстан», Нур-Султан

Для цитирования: Кабылинский Б.В. Коммерческая репрезентация истуканов острова Пасхи в конфликтном ракурсе // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 5–9. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.5-9>

Поступила: 28.04.2020

Одобрена: 12.05.2020

Принята: 29.05.2020

▪ В статье приводятся размышления автора о конфликтном ракурсе коммерческой репрезентации истуканов Рапа-Нуи (остров Пасхи), навеянные впечатлениями от собственного участия в антропологической экспедиции на остров в августе 2019 г. В качестве методологической основы при подготовке данной статьи использованы труды профессора антропологии В. Маллоя, а также записки бесед автора с доктором философии П. Паунэллом, судьба которого связана с Рапа-Нуи уже более 50 лет. В статье предпринимается попытка отделить наиболее популярные заблуждения о Рапа-Нуи в массовой культуре от реальной истории знаменитых островных моаи (истуканов).

▪ **Ключевые слова:** антропология; конфликт; история; археология; миф; остров Пасхи.

COMMERCIAL REPRESENTATION OF GRAVEN IMAGE AT EASTER ISLAND IN A CONFLICT AREA

B.V. Kabylinisky

Financial Academy, Nur-Sultan, Kazakhstan

For citation: Kabylinisky BV. Commercial representation of graven image at Easter island in a conflict area. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhya*. 2020;(3-4):5-9. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.5-9>

Received: 28.04.2020

Revised: 12.05.2020

Accepted: 29.05.2020

▪ The article provides author's reflections on the conflict nature of capitalism at Rapa Nui (Easter Island), inspired by impressions of his own participation in the anthropological expedition to the island in August 2019. As the methodological basis of the study, the author uses the works of Professor V. Malloy, his scientific followers and also own notes of conversations with Doctor P. Pownell, whose fate has been connected with Rapa-Nui for more than 60 years. The article is an attempt to separate the most popular misconceptions about Rapa Nui in mass culture from the real history of the famous moai (monuments).

▪ **Keywords:** anthropology; conflict; history; archeology; myth; Easter Island.

Рапа-Нуи является самым известным из числа удаленных населённых островов в мире. Этот маленький клочок суши, затерявшийся в Тихом океане, притягивает людей со всего мира. Уникальность Рапа-Нуи состоит в том, что на этой земле расположено внушительное число мегалитических изваяний, нетипичных

по своим размерам для полинезийской и мировой культуры. Безусловно, сильное впечатление на приезжих гостей также производит высокая степень концентрации истуканов Рапа-Нуи на небольшой территории.

Каменные исполины не только будоражат умы туристов, но и ставят перед учёными

непростые вопросы. Как древние люди сумели изготовить статуи такого размера? Каким образом осуществлялась транспортировка готовых изделий? В чем состоит сакральное предназначение моаи (коренные жители острова так называли на своем языке истуканов)? Почему возведение циклопических мегалитов неожиданно прекратилось? По какой причине все изваяния были впоследствии сброшены с пьедесталов? Как древние рапа-нуицы исхитрялись увенчивать своих идолов многотонными головными уборами, сделанными из твердых каменных пород? В конце концов, почему именно остров Пасхи (так европейцы прозвали Рапа-Нуи по случаю географического открытия в канун христианского праздника) стал площадкой для возведения уникальных памятников?

В настоящее время ответы на вышеуказанные вопросы нередко формулируются не на основании результатов серьезных научных исследований, а генерируются находчивыми коммерсантами в соответствии с популярными трендами массовой культуры. Иными словами, остров Пасхи существует в современном культурном дискурсе на правах эксклюзивного товара, прежде всего, в туристическом секторе. Итак, при рассмотрении специфики коммерческой репрезентации истуканов острова Пасхи обнаруживается полное несоответствие реального антропогенеза и псевдонаучной выдумки, которая приносит неплохой доход туроператорам, кинематографистам и другим предприимчивым дельцам, зарабатывающим солидную прибыль на древнем культурном наследии. Разумеется, принятие на веру обоснований этих махинаций снижает объективность научной картины исследований на Рапа-Нуи. В этом состоит конфликтный ракурс данной темы.

В контексте вышесказанного, представляется необходимым четко разделить плевелы и зёрна, то есть постараться абстрагироваться от аргументов, придуманных для эффективной коммерческой репрезентации моаи и взамен привести научные свидетельства. Разумеется, методологически некорректно формулировать ответы на загадки острова Пасхи в безапелляционном тоне. Невозможно установить научную истину, например, о происхождении моаи ввиду отсутствия достаточной информации, которая могла бы претендовать на полное соответствие критериям антропологического исследования. В этих условиях мы руководствовались при написании статьи, возможно, наиболее авторитетной и при этом наименее противоречивой научной концепцией американского учёного Вильяма Маллоя. Здесь,

возможно, возникает вопрос, почему в рамках подготовки данного материала оказалась в стороне теория Тура Хейердала. Во-первых, гипотеза знаменитого норвежца общеизвестна и доступна читателю любого уровня подготовки на страницах бестселлера «Аку-Аку». Напротив, работы Маллоя известны гораздо меньше, написаны сугубо академическим языком и в данной связи представляют больший научный интерес. Во-вторых, Хейердал активно отстаивал теорию, что заселение Рапа-Нуи и современной Французской Полинезии осуществлялось переселенцами с нынешней территории государства Перу. Кстати сказать, перуанское правительство симпатизировало норвежцу именно по этой причине и, соответственно, осуществляло финансовую поддержку в отношении проектов Хейердала. Не будем углубляться в эту историю, а лишь отметим, что остров Пасхи интересует Хейердала, прежде всего, в контексте поиска оснований для подтверждения своей миграционной гипотезы, в то время как для Маллоя остров Пасхи стал не просто вехой в научной биографии, а без преувеличения — судьбой. С целью аргументации этого тезиса остановимся несколько подробнее на биографии выдающегося антрополога.

Профессор Маллой родился в Соединенных Штатах Америки в 1917 году. С детства он интересовался археологией и с юных лет принимал участие в научных экспедициях. Вопреки желанию отца, будущий учёный не стал юристом, а получил бакалаврскую степень антрополога в Университете Юты. Впоследствии Маллой продолжил научную деятельность в Университете Чикаго, где и получил учёную степень доктора наук. С 1948 г. он начал преподавать в Университете Вайоминга и до конца своих дней оставался одним из наиболее авторитетных учёных Америки в области антропологии. В 1955 г. Маллой присоединился к экспедиции Тура Хейердала на остров Пасхи. С этого времени и до конца жизни Маллой был неразрывно связан с Рапа-Нуи. В ходе своих экспедиций он не только занимался исследованиями, но также смог организовать работу по восстановлению моаи, находившихся к этому времени в неудовлетворительном, полуразрушенном состоянии. Впоследствии за свои заслуги Маллой был удостоен ряда высоких наград правительства США и Чили. В соответствии с его последней волей, профессор Маллой был похоронен на Рапа-Нуи.

В то время как в массовой культуре развивается идея, что Рапа-Нуи является составным элементом полинезийского мира, по мнению

Маллоя, остров Пасхи является своеобразным микрокосмосом [1]. Соответственно, ответы на загадки этого места необходимо искать не во внешнем мире, а словно прислушиваться к внутреннему голосу артефактов Рапа-Нуи. По свидетельству Маллоя, многие вопросы ему помогли разрешить коренные жители. Например, именно рапануицы устранили его сомнения относительно предназначения моаи.

В процессе изучения логики древних людей, создавших истуканов, Маллой пришёл к выводу, что принципиально неверно рассматривать скульптуры в качестве изолированных объектов научного анализа. По Маллою, гигантские статуи являются частью более широкого замысла создателей [2]. Каждый моаи на острове Пасхи является ключевым элементом аху, то есть постамента и пространства вокруг него. Визуально аху представляют собой каменное возвышение для установки скульптур на территории, оформленной соответствующим образом. Фронтальная часть выглядит как небольшая прямоугольная площадка, огороженная небольшими камнями. С тыльной стороны прорыта маленькая канавка. Важно отметить, что истукан всегда относится к аху, вне зависимости от того, стоит он сам по себе или является частью скульптурной композиции. Заслуга Маллоя в решении загадки о сакральной миссии каменных истуканов состоит в том, что он впервые предложил концептуально соединить моаи и аху в единый смысловой дискурс на основании гипотезы, что с определённого этапа антропогенеза они перестали существовать по отдельности. Действительно, моаи на раннем этапе развития культуры Рапа-Нуи изготавливались в миниатюрных размерах и не устанавливались на аху. При этом древние люди острова Пасхи возводили аху с незапамятных времен, но не украшали постаменты фигурами истуканов. По Маллою, древние рапануицы использовали аху в качестве кремационной площадки. Эта идея осенила учёного после того, как он увидел рапануицких детей, игравших с костями, зарытыми в канавках у тыльной стороны аху [3]. Соответственно, моаи могли изготавливаться для того, чтобы удерживать внутри себя душу сильного человека после его кончины. Жизненная энергия великого предка, заключённая в моаи, по местным верованиям, должна была оберегать род от бед и напастей. По мере развития самосознания аборигены перестали уносить моаи с аху после кремационной процедуры и начали увеличивать их в размерах в соответствии с логикой, что великая сила должна переместиться в истукана аналогичного размера.

В вопросе о происхождении статуй острова Пасхи Маллой решительно отвергает умозаключения сторонников мистических теорий, которые так привлекательны для неискущённого обывателя. Действительно, элементарное здравомыслие указывает, что окрестности вулкана Рано-Параку стали фабрикой для изготовления моаи. В настоящее время в этой области находится более 300 статуй различной степени готовности. Визуально истуканы словно вышли из горы, которая, по замечанию Маллоя, за многие века уменьшилась в размерах ввиду интенсивных работ древних рапануицев в каменоломнях [4]. Технология работы с камнем на Рапа-Нуи, по данным антропологических исследований, не отличается принципиальным образом от технологии возведения мегалитических сооружений в Перу и Боливии в эту же эпоху. Между прочим, на острове есть мистические каменные развалины с типичной инкской кладкой. Поэтому вполне логично предположить, что в ходе работы над моаи аборигены постепенно отсекали будущие статуи от мягкой вулканической породы. Итак, Маллой выдвигает тезис о рукотворном происхождении истуканов Рапа-Нуи. Более того, каменоломни вулкана Рано-Параку подсказывают внимательному исследователю ответ на вопрос, каким образом многотонные изваяния переместились на постаменты, расположенные на значительном удалении от мастерской. По-видимому, некорректно утверждать, что рапануицы перемещали статуи волоком, поскольку некоторые истуканы лежат на середине пути между каменоломней и пустующими аху. Нелогично бросать истукана, которого можно тащить и дальше. Соответственно, напрашивается вывод, что аборигены двигали моаи, по остроумному замечанию Маллоя, как современные грузчики перемещают холодильники, попеременно приподнимая его края [5]. В том случае, если аборигены допускали неаккуратность, то упавший истукан оставался лежать на месте падения, и его уже не представлялось возможным поднять. Заметим, что относительно того, как на головы моаи водружались многотонные головные уборы, ни у Маллоя, ни у других антропологов нет убедительного ответа. О сложности этой инженерной процедуры красноречиво свидетельствует тот факт, что в наши дни в ходе реставрационных работ с этой целью рабочие использовали мощный подъёмный кран.

В концепции Маллоя важное место отводится анализу ситуации с прекращением работы над моаи и последующим низвержением статуй со всех аху на Рапа-Нуи. Между

прочим, к 1955 г. ни один истукан на острове Пасхи не располагался в вертикальном положении. Как правило, в массовой культуре развивается идея, что постепенное исчезновение фауны острова повлекло за собой голод, а заразные болезни, занесённые европейцами, привели к масштабному вымиранию аборигенов. Разочарование коренных жителей острова Пасхи в своих сакральных защитниках выразилось в том, что идолы были сброшены с пьедесталов. По этому вопросу Маллой высказывает интересное предположение. Во-первых, работа над моаи прекратилась спонтанно и задолго до освоения Рапа-Нуи европейцами. Маллой полагает, что это связано с возникновением нового культа человека-птицы [6]. Действительно, на Рапа-Нуи сохранилась удивительная деревня, в которой, по-видимому, ежегодно собирались вожди, готовившиеся к испытанию физической силы и духа. Смелчаки должны были карабкаться по отвесной скале в море ради заветного яйца мигрирующих птиц. Тот, кто первым принесил яйцо в деревню, провозглашался островным лидером на один год. Пентаграммы острова Пасхи в изобилии демонстрируют людей-птиц, и по дате создания эти изображения совпадают с хронологическими рамками прекращения работ над моаи. Маллой предполагает, что на данном этапе развития самосознания базовый фетишизм сменился анималистским тотемизмом. По этой причине идолы прошлого были сброшены рапануицами со своих пьедесталов.

Отдельного упоминания заслуживает гипотеза Маллой о причинах возведения истуканов на острове Пасхи, а не в другом регионе. К слову сказать, в системе коммерческого эксплуатирования моаи этот вопрос не рассматривается в принципе, а является своего рода априори. На этот счёт Маллой отмечает, что на острове удивительным образом совпали уникальные обстоятельства. Во-первых, на Рапа-Нуи для поддержания существования рода требовалось очень мало рабочих часов в сутки. В древние времена остров изобилует рыбой и фруктами, а население было рассредоточено по территории и не имело поводов для конфликтов. При этом на острове не было необходимости куда-то торопиться. Итак, Маллой утверждает, что истуканы острова Пасхи возникли по воле политической и религиозной элиты, опасавшейся войны и конфликтов. Людям было необходимо чем-то занять, и многолетний труд по изготовлению сакральных объектов как нельзя кстати подходил для этой цели. В то же самое время принуждение к труду отсутствовало,

как и сроки изготовления готовых моаи. Мудрость элит, изобилие ресурсов, изобретательность и трудолюбие местных жителей — эти факторы, по Маллой, стали катализаторами формирования уникальной культуры на Рапа-Нуи.

Подводя промежуточный итог нашего размышления, заметим, что концепция Маллой не только содержит остроумные опровержения наиболее популярных заблуждений в сфере массовой культуры, но и позволяет глубже всмотреться в историю антропогенеза в Тихоокеанском регионе, услышать голос древности и отзвуки былых терзаний человеческого духа.

В завершение нашего размышления, представляется важным затронуть тематику мистификаций в современном туристическом секторе на Рапа-Нуи. При разборе этих вопросов мы руководствуемся суждениями одного из двух оставшихся в живых участников экспедиции Маллой, состоявшейся в 1966 г. Доктор антропологии Пол Паунэлл — человек удивительной судьбы. В 16 лет он побывал на острове впервые в жизни и с тех пор возвращался туда на протяжении многих лет, пока не женился на местной королеве красоты и не принял решение о переезде на Рапа-Нуи. Паунэлл — живой свидетель истории острова в XX в. Он помнит первый рейс из Сантьяго на эту землю и не забыл про уныло лежавших, брошенных истуканов, нуждавшихся в немедленной реставрации. Паунэлл видел полное отсутствие растительности на Рапа-Нуи в 50-е годы прошлого столетия и лично знал членов 40 коренных семей, населявших остров Пасхи в то время. Паунэлл старается передавать туристам, которых иногда принимает в своём гостевом доме, знания, унаследованные от профессора Маллой, и по мере сил борется с коммерческими псевдонаучными концепциями, которых с каждым годом становится всё больше. В-частности, выходцы из государств Тихоокеанского региона стараются представить себя коренными рапануицами, поскольку в этом случае вероятность сдачи апартаментов приезжим туристам увеличивается. Другой аналогичный пример коммерческой мистификации связан с наибольшей по размеру статуей, которая была когда-либо доставлена аборигенами древности до своего постамент. Сейчас гигантский истукан лежит на земле, принадлежащей семье рапануицев, которые не дают разрешения международным организациям на проведение реставрационных работ. Рядом с моаи установлена табличка с романтической историей о несчастной любви, которая

не соответствует действительности, зато привлекает большое количество туристов. Между прочим, по замечанию Паунэлла, на этом стенде неправильно указана высота истукана: размер моаи превышен до 11 м, хотя реальная высота не превышает 10 м. Также Паунэлл активно критикует туристические путеводители. Например, в официальном буклете, который туристы получают по прилёту на остров Пасхи, указывается количество моаи: примерно 400 изваяний на острове. На самом деле истуканов более 2 тыс., хотя и не все мегалиты закончены своими создателями, а некоторые находятся в неудовлетворительном состоянии. Вспоминается собственная беседа с Паунэллом в одном из наиболее туристических мест острова — Аху Акиви. Эти монументы пользуются спросом ввиду того, что только они смотрят в сторону океана. По крайней мере эта информация фигурирует в большинстве справочной и туристической литературы. Паунэлл со смехом опровергает данную идею, поскольку за деревьями строго напротив Аху Акиви стоят другие моаи. Соответственно, истуканы по замыслу создателей смотрят не на океан, а на своих «товарищей», ныне скрытых лесным массивом. Паунэлл, вслед за Маллоем, считает, что статуи всегда смотрят на место жительства людей своего племени, которое они призваны охранять, а не куда-либо еще, будь то океан или земли в глубине острова.

Размышляя о судьбе моаи острова Пасхи, хочется отметить, что объективные выводы в работах Маллоя и непредвзятые свидетель-

ства таких старожилов, как Паунэлл, сменяются нечестным пиаром и маркетингом в современной массовой культуре. Из-за этого каменные свидетели антропогенеза становятся площадками для эффектных селфи и неважного отношения туристов. Поэтому так важно вслед за Маллоем и Паунэллом воспринимать остров как место, которое нельзя продать или репрезентировать в коммерческом измерении. Этим общечеловеческим наследием можно только бережно поделиться с теми, кто понимает историческую ценность Рапа-Нуи для наших потомков.

Литература

1. Mulloy WT. World monuments fund and Easter Island Foundation. The Easter Island bulletins of William Mulloy. New York; Houston: World monuments fund; Easter Island Foundation; 1995. P. 13-15.
2. Mulloy WT. Investigation and restoration of the ceremonial center of Orongo, Easter Island. *Bulletin of the International Fund for Monuments*. 1975;(4):118.
3. Mulloy WT. Preliminary report of the restoration of Ahu Vai Uri Easter Island. *Bulletin of the International Fund for Monuments*. 1970;(2):24.
4. Mulloy WT, Figueroa G. The Kivi-Vai Teka Complex and its relationship to Easter Island architectural prehistory. Social Science Research Institute, University of Hawaii at Manoa; 1978. P. 145-146.
5. Mulloy WT. Contemplate the navel of the World. *Americas*. 1974;26(4):25-33.
6. Mulloy WT, Fischer SR. Easter Island studies: contributions to the history of Rapanui in memory of William T. Mulloy. Oxford: Oxbow Books; 1993. 214 p.

■ Информация об авторе

Борис Васильевич Кабылинский — кандидат философских наук, проректор по науке и международному сотрудничеству, АО «Финансовая академия» Республики Казахстан, Нур-Султан. E-mail: vicerektor@fin-academy.kz.

■ Information about the author

Boris V. Kabylnsky — PhD in Philosophy, Vice-Rector for Science and International Cooperation, Financial Academy, Nur-Sultan, Kazakhstan. E-mail: vicerektor@fin-academy.kz.

ФРАКТАЛЬНЫЙ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Е.М. Ковшов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный технический университет», Самара

Для цитирования: Ковшов Е.М. Фрактальный и трансдисциплинарный подходы в исследовании фундаментальных отношений человека // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 10–15. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.10-15>

Поступила: 15.04.2020

Одобрена: 30.04.2020

Принята: 15.05.2020

▪ В статье проводится сопоставление трансдисциплинарного и фрактального подходов при исследовании фундаментальных отношений человека (к себе, к миру, обществу, Абсолюту). При этом анализе наблюдается совпадение методологии обоих подходов как исходящих из общих положений постнеклассической рациональности. Общность данных подходов представлена в новом научном направлении — энергоинформационной медицине. В исследовании указанных отношений человека фрактальный подход можно трактовать как трансдисциплинарный в его предельно всеобъемлющем варианте. Целью исследования является выяснение общности и различия в обоих подходах. Сделаны выводы, что при исследованиях сверхсложных систем (флоры, фауны, человека, общества и др.) фрактальный и трансдисциплинарный подходы могут взаимопересекаться, накладываться друг на друга в зависимости от содержания и конкретных обстоятельств исследования.

▪ **Ключевые слова:** фрактал; самоподобие; синергетика; постнеклассическая рациональность; неклассическая эпистемология; трансдисциплинарность; культура; общество.

FRAKTAL AND TRANSDISCIPLINARY APPROACHES IN THE STUDY OF FUNDAMENTAL HUMAN RELATIONSHIPS

E.M. Kovshov

Samara State Technical University, Samara, Russia

For citation: Kovshov EM. Fraktal and transdisciplinary approaches in the study of fundamental human relationships. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(3-4):10-15. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.10-15>

Received: 15.04.2020

Revised: 30.04.2020

Accepted: 15.05.2020

▪ The article compares the transdisciplinary and fractal approaches in the study of the fundamental human relations (to oneself, to the world, society, the Absolute). The methodology of both approaches proceeding from the general principles of postnonclassical rationality can be noticed in this analysis. The commonality of these approaches is presented in a new scientific direction — energy-information medicine. In the study of these human relationships, the fractal approach can be interpreted as transdisciplinary in its extremely comprehensive version. The aim of the study is to clarify the and commonality and differences in both approaches. The author comes to a conclusion the fractal and transdisciplinary approaches can intersect and overlap depending on the content and specific circumstances in studies of extremely complex systems (flora, fauna, humans, society, etc.).

▪ **Keywords:** fractal; self-similarity; synergetics; post-non-classical rationality; non-classical epistemology; transdisciplinarity; culture; society.

Актуальность

В научном познании при исследовании человека исходной основой является опыт (как осознаваемые показания органов чувств и приборов), в котором человек никогда не дан как целостность, поэтому оно (познание)

предстаёт как множество частных наук и дисциплин, выделяющих свой предмет исследования, используя специфические методы и средства. В философии же всегда стояла проблема отображения человека как сложного многомерного целостного явления, выискивались

возможные пути её решения. Такими путями решения данной проблемы представляются недавно сформулированные трансдисциплинарный и фрактальный подходы, используемые для решения не только естественнонаучных, технических, но и социальных проблем (экологических, экономических, политических и др.), которые способны преодолевать в исследованиях объектов реальности не только отдалённость наук друг от друга, но и от внешних социальных и природных факторов, влияющих на жизнедеятельность человека и общества. Данные подходы направлены на получение по возможности более целостного знания о человеке с учётом взаимодействия науки и общества в коэволюционном процессе, где рациональные аргументы науки дополняются сложностью влияния эмоционально-волевой сферы, детерминированной проблематикой жизни общества. То есть оба подхода интегрируют в себе не только информацию, поступающую от различных наук, но также требуют обязательного учёта циклов обратной связи с субъектами социального действия и оценки.

Сопоставим и сравним оба подхода при исследовании сложных и сверхсложных объектов, к которым относятся человек и общество.

Методология и методы исследования

Значимость осознанного применения трансдисциплинарного подхода определяется обстоятельствами выдвижения проектов решения больших социальных проблем (экологической, сохранения мира и др.), реализация которых во многом определяется характером и содержанием понимания существования человека как целостности в окружающем мире. Адекватное понимание может формироваться лишь в полилогическом пространстве трансдисциплинарного исследования, где создаются принципиально новые модели понимания человека и вырабатывается единая методология исследования. В последнее время в пространстве постнеклассической рациональности целостность мироздания обосновывается в таких концепциях современного естествознания как теория информационного поля Г.И. Шипова, голографическая модель космоса Д. Бома, бутстрапная теория Дж. Чу, концепция глобального эволюционизма Э. Янча. Здесь реальность предстает как системно-сетевой процесс взаимопроникающего единства разнородных взаимосвязей природного и социального мира, в которые включён человек. В это пространство органически

вписывается проблема преодоления предметной раздробленности изучения человека отдельными науками, которая весьма плодотворно решается на основе синтеза теорий систем, синергетики, теории фракталов (как одного из разделов теории хаоса), положения которых стали принципами обоснования системной целостности человека и позволяют выработать адекватную методологию исследования, основанную на принципе самоподобия мелкомасштабных явлений, процессов крупномасштабным, глобальным.

На основе этих положений складывается понимание Вселенной как гигантской саморазвивающейся голограммы, включающей в себя некую последовательность уровней иерархии, в которой каждый вышестоящий уровень включает в себя все нижележащие. Здесь человек представлен как голографический отпечаток Вселенной, обладающий всеми признаками голограммы. На существование во Вселенной направленного номогенеза, в процессе которого создавались условия для возникновения жизни и человека, обратили внимание английские астрофизики (Б. Карр, Э. Рисс), сформулировав антропный принцип в объяснении эволюции Вселенной [4, с. 125], согласно которому, Вселенная изначально запрограммирована на появление жизни и человека.

Синтез положений системно-синергетической парадигмы воплощается в таком новом научном направлении, как энергоинформационная медицина, где человек рассматривается как сложная, многоуровневая система, органически связанная с информационным полем Земли и повторяющая на макроуровне строение Вселенной. Согласно концепции системно-синергетического подхода, существуют всеобщие законы (каноны) мироздания, которым подчиняются все объекты Вселенной, в том числе общество и человек. К ним относятся: закон сохранения энергии и вещества, закон энергообмена, закон комплементарности. Согласно последнему, «природа, как и человек, стремится к равновесию, как к наиболее энергетически выгодному состоянию» [8, с. 118]. Он указывает на фундаментальное свойство Мироздания, благодаря которому все его подсистемы (люди, Природа) взаимодополняют и уравнивают друг друга.

Неоднородная сложность процессов также учитывается при трансдисциплинарном исследовании, когда (в отличие от междисциплинарного подхода) «помимо горизонтальных связей в плоское пространство объектных параметров вводится вертикальное измерение, включающее структурные сопряжения

с человеческой деятельностью, жизненным миром, социальными практиками» [1, с. 30]. Характерным примером трансдисциплинарного исследования является социальная оценка техники, которая, помимо технических характеристик, содержит в себе единство различных уровней оценки: экологического, экономического, социального, биоэтического и др., выражающих требования общества к техническим устройствам.

Методология трансдисциплинарности даёт возможность исследовать сложные явления природной и социальной реальности, исходя из принципов холизма и эмерджентизма. Помимо учёта горизонтальных связей изучаемых объектов, ему также присуще вертикальное измерение, фиксирующее объект в пределах доступной целостности. Также здесь продуцируется знание «второго типа» с присущими ему характеристиками трансдисциплинарности, организационного многообразия, производства знания в контексте его приложений, социальной ответственности и рефлексии, выраженной при оценке и контроле качества [2].

Теория фракталов, возникнув в 70-х годах XX в. как новый раздел геометрии, рассматривала прежде всего математические объекты, в которых идентифицированы структуры всей системы и любого её фрагмента. Математическая теория фракталов, ограничиваясь структурным самоподобием объектов, оставляет их (фракталы) «неподвижными, умертвлёнными, недействующими образованиями. Наряду с изучением самоподобия объектов, возникает потребность изучения фрактальности процессов, различных форм движения, функционирования косных и живых систем, в частности, деятельности человека» [7].

Одной из особенностей фрактала при рассмотрении его в виде точки является его способность дифференцироваться на кластер, как определённую совокупность точек, каждая из которых дифференцируется на свой кластер и т. д. в соответствии с принципами подобия и конгруэнтности. Фрактально-кластерный подход может служить методологическим основанием исследования многих явлений природы, человека и общества.

Обсуждение результатов исследования

При разработке теории фракталов происходит осознание онтологической укоренённости принципа самоподобия в новых областях природной и социальной реальности, расширение возможностей её применения вплоть

до обосновывания фрактальной сущности человеческой культуры. Согласно взглядам А.И. Тишина и Т.М. Эгенбердиева, фрактальная сущность культуры проявляется как самоподобие функциональных расширений человеческой деятельности в процессе освоения окружающего мира.

Как отмечает автор данной статьи, до сих пор в науке мало исследованы «феномены структурного подобия, похожести процессов и перенесения конкретных движений с одних объектов на другие системы в науке. Ещё хуже обстоит дело с выделением и анализом фрактальности символов, смыслов, значений, ценностей и других феноменов жизнедеятельности людей» [7].

Указанная потребность исследования фрактальности процессов, происходящих в различных формах движения материи, в их взаимодействии, функционировании органических и неорганических систем, в системе жизнедеятельности человека и общества — является большой и малоразработанной философской и научной проблемой. В этой связи в современной литературе отмечается тот факт, что наряду с геометрическими фракталами, имеющими пространственную локализованность, фиксируется существование концептуальных фракталов, в которых самоподобие выражено в духовно-информационной сфере жизнедеятельности человека в формах идей, концептов, логических структур и т. п. как элементов общих для некоторой социокультурной реальности, где создаются концептуальные фракталы различного содержания и форм [6, с. 230–231].

Фрактал, как ключевое понятие синергетики, хорошо описывает самоорганизацию самых сложных систем, позволяя выстраивать нелинейный образ человека как иерархического единства духовной, социальной и биологической систем. Методологическая значимость и плодотворность фрактального подхода в изучении отношений человека, состоит в возможности использования «вертикального измерения», позволяющего рассматривать как отдельные отношения, так и их взаимодействия в целостной системе «Вселенная (мир) – человек – общество».

Попытаемся выявить характеристики данного подхода в исследовании таких фундаментальных отношений человека, как «отношение к предметному миру, «отношение к другому человеку» и «отношение к Абсолюту» [5]. Соглашаясь с мнением авторов о фундаментальности указанных отношений, мы полагаем, что наряду с ними первоначально в качестве фундаментального следует рассматривать

«отношение человека к самому себе», от смысла и содержания которого зависят все указанные выше отношения [3, с. 17].

При осмыслении отношения к себе как концептуальному фракталу вертикальное измерение позволяет наблюдать спектры составных частей, элементов, кластеров и т. п. человека как целостности, проводить сравнительный анализ, отделяя главное от второстепенных свойств и качеств, интегрировать главное, существенное во множестве отношений на основе принципов самоподобия и эмерджентности; уяснить во множестве биологических, социальных и духовных отношений коренное отличие человека от животных как существа, обладающего свободой воли, способностью выйти за пределы инстинктов самосохранения и размножения, свободой, реализуемой в различных видах творческой деятельности, производной от принятой системы знаний и ценностей его мировоззрения.

Фрактальный подход помогает осознать в иерархии биологической, социальной и духовной подсистем человека верховенство последней, содержание которой, как системы мировоззренческих смысложизненных убеждений, определяет суть не только познавательного, но и этического, эстетического, и преобразовательно-практического отношений человека к себе, другим людям, обществу и миру. Следует отметить, что «подобие процессам Вселенной человек обретает лишь тогда, когда находится в непрерывном развитии, реализуя потенциально заложенные способности в единстве духовной и материальной сфер деятельности» [3, с. 17].

Использование вертикального измерения позволяет уяснить фрактальный характер «отношения человека к миру». Соотносительная фрактальность человека и мира была осознана ещё в древней философии в представлении человека как микрокосмоса, подобного вселенной по своей структурной сложности. В своей деятельности человек создаёт мир культуры — «вторую природу», органично связанную с «первой природой» на всём протяжении истории — с древности вплоть до компьютерной революции.

Всё развитие культуры можно представить как воплощение человеком в деятельности своей сущности (Маркс). На ранних этапах эволюции общества для человека первыми объектами подражания выступали животные и их действия, что отражено в концептуальных фракталах первобытных религий (тотемизма, фетишизма, анимизма, магии и т. д.). Далее, по мере развития, происходит овеществление деятельности через совокупность

материально-технических средств. Здесь фрактальность проявляется в различных отношениях: а) в создании техники как органопроекции функций человеческого тела в орудиях труда; б) в усилении своих действий, проявляя мастерство («технэ»), последовательность действий с целью достижения запланированного результата; в) усмотрение внешнего сходства в воспроизводстве действия как определенной функции у человека и машины; г) в понимании техники как средства волеизъявления человека, благодаря чему в культурно-историческом процессе что-либо (закономерности, свойства вещей) выводится из «потаенности в открытость» (М. Хайдеггер).

В отношениях человека с обществом фрактальность проявляется также самым различным образом. Так, в сфере производства материальных благ общество уподобляется единому организму, в процессе функционирования которого люди взаимодействуют друг с другом, создавая конечный продукт производства (здания, самолеты, ткани и т. д.). В общественных отношениях на различных ступенях эволюции фрактальность также весьма разнообразна. Например, в рабовладельческом обществе раб нередко низводился до говорящего орудия труда; в Новое время Ламетри называл человека машиной, а в XX–XXI веках государственные организации уподобляются механизмам и машинам (мегамашина Мэмфорда). Подобие процессов, происходящих во Вселенной и в обществе, их противоречивость, можно также усмотреть в наличии не только созидательных, но и деструктивных процессов (гибель звезд и планет в космосе, цивилизаций в истории общества; «черные дыры» в космосе — кризисы в жизни общества и т. п.). Изучение данного подобия является также мало исследованной самостоятельной проблемой в науке и философии.

По аналогии, проецируя закон комплементарности на общество, можно полагать, что приоритет частных интересов перед общественными нарушает нормальное функционирование общества, порождает социальное неравенство, эксплуатацию человека, нарушение принципа социальной справедливости, вызывая кризисы, конфликты, войны различного масштаба.

При трансдисциплинарном исследовании наблюдается осмысление и фиксация черт и моментов самоподобия подсистем сложных систем в структурном, функциональном или процессуальном аспектах, а также в отношениях иерархизации подсистем. Иерархизация системы (как процесс) связана с образованием себе подобных структур (фракталов),

которая задаётся природой этой системы и включает в себя последовательность общих этапов и факторов своей эволюции (бифуркация, аттрактор и др.). Так, при рассмотрении социальной жизни фиксируется иерархия стереотипов и идеалов (концептуальных фракталов) от утилитарных (экономических и политических) до самых высоких (этических, эстетических, мировоззренческих). Своя определенная иерархия складывается в отдельных сферах жизни общества (экономической, политической, социальной, духовной), но общей структурно-процессуальной характеристикой подобия процессов перехода от хаоса к порядку является переход от более простых социальных институтов к интеграции в более сложные объединения вплоть до слияния в качественно новые формы.

Кто Я и откуда, неудовлетворенность короткой земной жизнью, смерть близких — эти и другие вопросы порождают у человека стремление выйти за собственные пределы, обратиться к понятию Абсолюта в формах различных трансцендентных данностей (Космоса, Бога, Творца, высшего Разума и др.), выводящего сознание в «вертикальное измерение» за пределы обыденного и достигнутого обыденного и научного опыта. Осознание ограниченности материального существования порождает у человека желание уподобиться Абсолюту, стремление выйти за пределы материального существования, видов собственной деятельности, благодаря «самотрансцендированию» в актах созидания, творчества, где человек раскрывает свою фрактальную сущность во всё большей полноте. Это стремление аналогично «вертикальному измерению» трансдисциплинарного подхода, позволяя оценивать (и переоценивать) философские теории отношения человека с миром на соответствие достигнутому уровню научного познания, материальной и духовной практики. Новейшие научно-философские теории мироздания свидетельствуют о иерархической многослойности его построения с главенствующей ролью духовного уровня.

Фрактально-синергетическая парадигма, как и трансдисциплинарный подход, исходит из принципов холизма и эмерджентизма с тем лишь различием, что объектами исследования являются не любые сложные системы, а человек, его отношения с миром и Абсолютом, характеризуя многомерность сложнейшей структуры строения человека и как объекта, и как субъекта познания и деятельности. Здесь в познании действуют положения неклассической эпистемологии, согласно которым «субъект и объект, бытие и сознание взаимно

определяют друг друга...», а «реальность — процесс, в котором человек с его когнитивным аппаратом и нормами деятельности — звено и участник» [1, с. 34].

Объект во фрактально-синергетической парадигме конструируется в единой сети взаимодействий в процессе соразмерного бытия внешнего мира и человека. Это задаёт методологические ориентиры на необходимость познания и соблюдения законов мироздания в сознании и творчестве человека в целях обеспечения существования и развития.

Его деятельность как субъекта «изнутри» детерминирована сложностью его системной организации как телесного, социального и духовного существа, её исторической изменчивостью в пространстве сетевых социальных взаимодействий при постановке и реализации различных целей и ценностей, способов познания и методов преобразования реальности с самоопределением на индивидуальном и коллективном уровнях.

С позиций вертикального измерения, также присущего фрактально-синергетическому подходу, становится явной несостоятельность материалистической картины мира, одномерных моделей отображения сущности человека (*homo sapiens*, *homo economicus* и др.), вытекающей из них гедонистической системы ценностей, сводящей сущность человека к чувственным удовольствиям и потреблению. На базе этой картины и соответствующего мировоззрения также становится очевидной невозможность теоретического и практического разрешения глобальных проблем современности и построения оптимистических сценариев будущего человечества. Для преодоления кризисных явлений в жизни современного человечества необходимо формирование нового целостного устойчивого мировоззрения, свободного от антропоцентризма, открытого развитию и заботящегося о будущем. Оно характеризуется примирением противоположностей в процессе коэволюции человека и природы, установлением баланса между индивидуальным и коллективным общим благом, выработке государственных механизмов обеспечения социальной справедливости.

Заключение

В заключение отметим общность и различие трансдисциплинарного и фрактального методов исследования. И тот, и другой опираются на принципы холизма и эмерджентизма при исследовании сложных и сверхсложных систем. Но при трансдисциплинарном подходе

фрактальность объектов может использоваться, а может и не учитываться в исследовании; в то время как при фрактально-синергетическом подходе принцип самоподобия является основополагающим. Это различие становится явным в представленных в статье характеристиках фундаментальных отношений человека. В исследованиях сверхсложных систем (флоры, фауны, человека, общества и др.) оба метода могут взаимопересекаться, накладываясь друг на друга, в зависимости от содержания и особенностей конкретных исследований.

Литература

1. Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Алексеева И.Ю., и др. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии. Материалы круглого стола // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 3–23. [Lektorskiy VA, Pruzhinin BI, Alekseeva IYu, et al. The convergence of biological, informational, nano- and cognitive technologies: a challenge to philosophy. Round table materials. *Voprosy filosofii*. 2012;(12):3-23. (In Russ.)]
2. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире: сб. научных статей. – М., 2004. – С. 29–48. [Knyazeva EN. Transdistsiplinarnye kognitivnye strategii v nauke budushchego. In: *Vyzov poznaniyu. Strategii razvitiya nauki v sovremennom mire: sb. nauchnykh statey*. Moscow; 2004. P. 29-48. (In Russ.)]
3. Ковшов Е.М. Фрактальная сущность человека и общества // XXXVI Международная научная конференция «Тенденции развития науки и образования»; 2018 Март 31. [Kovshov EM. Fraktal'naya sushchnost' cheloveka i obshchestva. (Conference proceedings) XXXVI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya "Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya"; dated 2018 March 31. (In Russ.)]
4. Концепции современного естествознания: учебник для вузов / под ред. В.Н. Лавриненко, В.П. Ратникова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 303 с. [Kontseptsii sovremennoego estestvoznaniya: uchebnik dlya vuzov. Ed. by V.N. Lavrinenko, V.P. Ratnikova. 2nd revised and updated. Moscow: UNITY-DANA; 1999. 303 p. (In Russ.)]
5. Моторина Л.Е., Сытник В.М. Фундаментальные отношения человека к миру // Вопросы философии. – 2017. – № 8. – С. 69–79. [Motorina LE, Sytnik VM. The fundamental relationship of man to the world. *Voprosy filosofii*. 2017;(8):69-79. (In Russ.)]
6. Николаева Е.В. К типологии фракталов в теории культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 226–232. [Nikolaeva EV. On the typology of fractals in the theory of culture. *Bulletin of the Adygea State University*. 2013;(1):226-232. (In Russ.)]
7. Тишин А.И., Эгембердиев Т.М. Фрактальность человека [интернет] // Фракталы и циклы развития систем: материалы пятого Всероссийского постоянно действующего научного семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». [Tishin AI, Egemberdiev TM. Fraktal'nost' cheloveka [Internet]. In: *Fraktaly i cikly razvitiya sistem: materialy pyatogo Vserossiyskogo postoyanno deystvuyushchego nauchnogo seminar "Samoorganizatsiya ustoychivyykh tselostnostey v prirode i obshchestve"*. (In Russ.)]. Доступно по: <https://docplayer.ru/70533410-Fraktalnost-cheloveka.html>. Ссылка активна на 04.04.2020.
8. Энергоинформационная медицина будущего. 2-е изд., доп. Книга XIII. – М.: Науч.-исслед. ин-ты здоровьесберегающих технологий, 2016. – 233 с. [Energoinformatsionnaya meditsina budushchego. 2nd revised. Book XIII. Moscow: Nauch.-issled. in-ty zdorov'esberegayushchikh tekhnologiy; 2016. 233 p. (In Russ.)]

■ Информация об авторе

Евгений Михайлович Ковшов — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: kovshovem@rambler.ru.

■ Information about the author

Evgeniy M. Kovshov — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Philosophy, Samara State Technical University, Samara, Russia. E-mail: kovshovem@rambler.ru.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОНЛАЙН ПЛАТФОРМЫ РОССИЙСКОГО СЕГМЕНТА ИНТЕРНЕТА

А.В. Герасимов

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь

Для цитирования: Герасимов А.В. Социально-философские аспекты образовательной онлайн платформы российского сегмента интернета // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 16–22. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.16-22>

Поступила: 31.01.2020

Одобрена: 06.03.2020

Принята: 10.03.2020

▪ Статья посвящена анализу онлайн-площадок, ориентированных на современного педагога, в пространстве русскоязычного Интернета. Целью статьи является выявление наиболее эффективных онлайн-платформ, комплексное использование которых позволит значительно повысить степень информатизации и дигитализации учебного процесса адекватного нынешнему состоянию информационной культуры. Подобные ресурсы дают возможность транслировать структурированную информацию разного рода, демонстрировать как содержание образовательной деятельности педагогов, так и её творческий компонент, передавать и получать информацию дистанционно, что отвечает требованиям развивающегося информационного общества. Среди методов, применённых в данном исследовании, следует назвать эмпирический, структурно-функциональный и структурно-типологический. Технологический компонент дистанционного обучения обуславливает широкий спектр технических возможностей, достаточное количество существующих интернет-ресурсов, и, в то же время, проблемными остаются вопросы оснащения учебных заведений, наличия лицензионного программного обеспечения и уникальности контента. Вывод с позиций социальной философии — в развивающемся информационном обществе российская сфера образования сталкивается с ситуацией, когда отечественные образовательные онлайн-ресурсы своими возможностями опережают средний уровень информационной культуры учителей.

▪ **Ключевые слова:** информационное общество; сеть Интернет; образовательные онлайн-ресурсы; дистанционное обучение; философия образования.

SOCIAL-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF EDUCATIONAL ONLINE PLATFORM AT THE RUSSIAN INTERNET SEGMENT

A.V. Gerasimov

Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russia

For citation: Gerasimov AV. Social-philosophical aspects of educational online platform at the Russian internet segment. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(3-4):16-22. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.16-22>

Received: 31.01.2020

Revised: 06.03.2020

Accepted: 10.03.2020

▪ The article is devoted to the analysis of online platforms focused on a modern teacher in the space of the Russian-language Internet. The aim of the article is to identify the most effective online platforms, the integrated use of which will significantly increase the degree of informatization and digitalization of the educational process adequate to the current state of information culture. Such resources make it possible to broadcast various kinds of structured information, demonstrate both the content of the educational activities of teachers and its creative component, transmit and receive information remotely, which meets the requirements of a developing information society. Empirical, structural-functional and structural-typological methods were used in the study. The technological component of distance learning determines a wide range of technical capabilities, a sufficient number of existing Internet resources, and at the same time, equipment of educational institutions, licensed software, and content uniqueness remain problematic. From the standpoint of social philosophy, it is concluded that in the developing information society, the Russian education sector is faced with a situation where domestic educational online resources are ahead of the average level of information culture of teachers with their capabilities.

▪ **Keywords:** information society; Internet; educational online resources; distance learning; philosophy of education.

Введение

К современным глобальным процессам, которые оказывают непосредственное влияние на систему образования в целом и на учебный процесс в частности, относятся интенсифицирующиеся информатизация и дигитализация (цифровизация), что находит отражение в разных сферах социальной жизни. Именно поэтому данные процессы и явления вызывают исследовательский интерес у представителей разных отраслей современного гуманитарного знания: философов, социологов, педагогов, культурологов и т. д. Причём с каждым новым витком развития технологий, появляется всё больше и больше новых аспектов для исследования данной сферы.

Так как информатизация общества постоянно предъявляет новые требования к системе образования, данной сфере приходится реструктурировать некоторые её подсистемы с тем, чтобы быть адекватной современным вызовам. Целью образования в XXI веке становится формирование не только компетентного специалиста, но и самореализующейся личности. Более того, с позиции современной науки мы должны говорить о смене образовательных парадигм, что находит отражение и в правовой форме, и в материально-ресурсном обеспечении. Не останавливаясь на первой, мы полагаем необходимым уделить значительное внимание разнообразиям, структуре, возможностям онлайн-платформ российского сегмента Интернета, ориентированных на современного профессионального педагога.

Объектом исследования выступают современные онлайн-ресурсы русскоязычного сегмента сети Интернет, предоставляющие различные возможности для расширения профессиональной деятельности педагогов в условиях цифровизации и информатизации в сфере образования, предметом — эффективные онлайн-платформы Рунета, ориентированные на педагогов среднего и высшего образования.

Целью данной работы является обзор нескольких важнейших для интенсификации процессов информатизации и дигитализации учебного процесса онлайн-площадок, ориентированных на современного педагога, в пространстве русскоязычного Интернета посредством решения следующих **задач**:

— рассмотреть разновидности онлайн-платформ, используемых в современном российском образовании, изучить актуальные технологии дистанционного обучения в сферах среднего и высшего образования с применением структурно-типологическо-

го, а также эмпирических методов исследования;

— проанализировать процесс персонализации российского среднего образования посредством создания личных интернет-ресурсов школьными педагогами, а также процессы информатизации образования с позиций социальной философии с использованием структурно-функционального метода.

Материалы

Неотъемлемым элементом современного образования, как высшего, так и среднего, предстаёт цифровизация и информатизация процесса обучения. Грамотный, структурированный подход к информатизации образования позволит достичь системных результатов в каждом конкретном субъекте Российской Федерации в предельно короткие сроки. Для формирования результативных методик развития среднего и высшего образования на современном этапе необходимо выделить несколько базовых информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), внедрённых и используемых в учебном процессе.

Рассматривая современные электронные информационные образовательные ресурсы в интернет-пространстве при анализе современных учебных информационных ресурсов в сети Интернет следует отметить их существенное многообразие. Однако при детальном рассмотрении таких ресурсов выделяются три основных вида, которые, хотя и выполняют похожие задачи, но делают это совершенно разными техническими методами.

Цифровые образовательные ресурсы (ЦОР) — это «представленные в цифровой форме фото, видеофрагменты и видеоруководства, статические и динамические модели, объекты виртуальной реальности и интерактивного моделирования, графические и картографические материалы, звукозаписи, аудиокниги, различные символные и графические объекты, а также другие учебные материалы, нужные для организации учебного процесса» [3].

Наглядность является ведущей характеристикой цифровых образовательных ресурсов. Зачастую данный вид ресурсов отличается отсутствием методических и учебных материалов, а также тематических предметных рубрикаторов. Очевидно, что основной целью сайтов с ЦОР является размещение наглядного учебного материала.

Электронные образовательные ресурсы (ЭОР) — это «средства программного, информационного, технического и организационного обеспечения учебного процесса» [2].

Многообразие электронных баз учебных данных, специализированных учебных сайтов, онлайн-библиотеки, предметные электронные сборники и другие виды каталогизированной учебной информации также относятся к данному виду ресурсов.

Характерными для ЭОР особенностями являются предметные тематические рубрики, поисковая машина, блок личной аутентификации (личный кабинет пользователя) на сайте. ЭОР формируют базу данных и учебно-методических разработок, созданную педагогами образовательных организаций, и являются общедоступными образовательными предметными онлайн-платформами.

Электронные учебные образовательные ресурсы (ЭУОР) — это онлайн-площадки с представленными программно-учебными модулями по предметам — практическими электронными работами для выполнения обучающимися. Подобные сайты представляют собой систему с двухфакторной аутентификацией обучающего и обучающегося для формирования базы оценочных результатов и ведения электронной отчетности. Для обучающего педагога представлена возможность интеграции учебных данных как на свой персональный интернет-ресурс, так и доступность выгрузки наглядных данных практических работ через облачный сервис.

Однако, несмотря на увеличение количества качественных государственных электронных образовательных ресурсов, а также их внедрение в качестве элементов учебной программы, они не способны решать важнейшую педагогическую задачу. Цифровые ресурсы дают доступ к методическим и учебным разработкам, наглядным материалам, практическим работам, но они не могут заменить роль педагога, куратора учебного процесса.

При переходе на новый государственный стандарт образования педагогу предъявляются требования не только профессионального соответствия, но и уровня компьютерной компетенции, соответствующего современным реалиям.

Важнейшим из таких требований является создание персональной интернет-страницы (профессионально-предметного сайта) педагога, отличного от официального веб-ресурса его образовательной организации.

Прочие, ставшие уже привычными, способы трансляции информации обучающимся посредством, например, электронной почты, или размещения авторских учебных разработок на каком-либо электронном ресурсе не способны в полной мере отразить весь перечень работ, выполняемых современным

педагогом. Очевидно, что необходимо создавать комплексный полноценный сайт или интернет-страницу с целью продемонстрировать разные виды учебной, инновационной, внеаудиторной, организационной работ педагога, его труд и творчество. В Российской Федерации есть несколько сервисов — платформ, являющихся базовыми площадками для размещения разного рода информации и учебных материалов. Выделим некоторые из них и проанализируем процесс персонализации работы педагогов среднего образования.

«Мультиурок — бесплатный конструктор сайтов для учителей» (<https://multiurok.ru/>) — это один из крупнейших в Российской Федерации сайтов для создания интернет-страниц педагогов. Он характеризуется огромным количеством мультимедийного материала, рейтинговой системой, большим количеством проводимых конкурсов, предоставляемых грантов и других активностей.

«Инфоурок — материалы для учителей» (<https://infourok.ru/>) — крупнейший в России как по количеству зарегистрированных пользователей (около 2 млн человек), так и по разнообразию предлагаемых курсов, олимпиад, конкурсов и мультимедиа-материала, представленного учителями.

Социальная сеть работников образования «Наша сеть» (<https://nsportal.ru/>) — одна из самых популярных среди российских педагогов площадок для создания персональных интернет-страниц. Её отличительной особенностью является интеграция на сайте направления дошкольного образования, начальной и средней школы. Содержит большую библиотеку статей и учебных наглядных материалов по указанным направлениям.

Образовательный портал «ПроШколу.ру» (<https://proshkolu.ru/>) — популярный отечественный ресурс для общения педагогов, их участия в научной и учебно-образовательной деятельности, где также возможно создавать персональные интернет-страницы. Содержит большое количество полезной педагогической информации, в том числе обширную коллекцию мультимедиа-приложений.

Рассмотрим, какие виды материалов необходимы для создания сайта, процесс их подготовки к публикации, а также работу с конструкторами специализированных сайтов.

Общей особенностью всех площадок для создания интернет-страницы педагога является структура личного кабинета на конкретном сайте, выделяемая новым пользователям. В таком личном кабинете представлены страницы или модули, в которых на начальном этапе полностью отсутствует информация.

Для оформления полноценного сайта, представления его на аттестацию педагога и для работы с образовательными организациями и коллегами учителю необходимо провести подготовительную работу по сбору материала и заполнению им информационных блоков.

Виды информации, необходимой для полноценного сайта, можно условно поделить на четыре типа:

- 1) тексты (общие и материалы учебных работ);
- 2) фото (для заполнения профиля учителя и галереи);
- 3) видео (демонстрация материала);
- 4) презентации (наглядный учебный материал).

Для текстов, которые будут использоваться в качестве учебных материалов на персональном сайте, рекомендуется пройти проверку на ресурсе «Антиплагиат — российская система обнаружения текстовых заимствований» (<https://www.antiplagiat.ru/>), чтобы исключить вопросы, касающиеся авторского права в отношении определённого текста, публикуемого педагогом.

При загрузке фото- и видеоматериалов стоит помнить об ограничении правового плана, касающихся публикуемых материалов. Запрет пропаганды наркотиков, алкоголя, табакокурения, религиозных и экстремистских организаций, а также контент, содержащий фотографии и видео с раздетыми или оголенными детьми.

Рассмотрим модули структуры персональной интернет-страницы педагога.

При создании персональной страницы педагога после процедуры регистрации пользователь сайта сталкивается с определённой структурой меню, представленной разработчиком. Многие педагогические сайты используют похожие элементы, имеющие одинаковую информационную наполненность. Наиболее часто используемыми блоками или модулями сайта являются:

1. Профиль — информационная анкета педагога. Необходимо заполнить определенное количество пунктов данных «о себе». Для каждого из таких пунктов характерны текстовые подсказки пользователю. Также профиль фактически всегда предполагает размещение портретной фотографии учителя в качестве основной для отображения на сайте.
2. Фотогалерея — страница, выделенная специально для размещения фотографий педагога, коллектива, обучающихся, учебного процесса и внеклассной деятельности.

3. Блог — новостной раздел сайта, содержащий различную актуальную информацию. Также необходимо отметить, что именно в этом разделе сайта наиболее часто размещаются видеофрагменты.

4. Разработки — уроки и презентации школьного педагога.

5. Достижения — модуль сайта, содержащий текстовую и фото-информацию в виде отсканированных копий сертификатов, свидетельств, благодарностей, дипломов и другой наградной документации.

6. Контакты и обратная связь — информация об образовательной организации педагога, что предоставляет гостю сайта или родителю обучающегося возможность оставить учителю текстовое сообщение.

При подготовке материала для создания персональной интернет-страницы большая часть пользователей не имеет достаточной квалификации по ИКТ, чтобы сразу создать правильный сайт и наполнить его качественным контентом. В получении таких навыков могут помочь следующие сайты-конструкторы:

— Jimdo (<https://www.jimdo.com/>) — это «бесплатная система управления сайтом, разработанная в Германии и имеющая восемь языковых локализаций. Уникальность конструктора Jimdo — простота в использовании и полностью редактируемые дизайнерские шаблоны»;

— uKit (<https://ukit.com/ru>) — «российский конструктор сайтов от компании uKit Group. Позволяет без знания программирования собрать сайт-визитку с формой заказа, сайт-одностраничник или небольшой интернет-магазин, самостоятельно оптимизировать ключевые страницы для поиска и опубликовать сайт в сети интернет»;

— uCoz — это «бесплатная система управления сайтом и хостинг для сайтов, созданных с её использованием, разработанная компанией uKit Group. Модули uCoz могут использоваться как в единой связке для создания полнофункционального сайта, так и по отдельности, например, в качестве блог-платформы, интернет-магазина и др.»;

— Setup (<https://www.setup.ru/>) — «конструктор сайтов, автоматизированный сервис для создания и раскрутки сайтов. Основной упор делается на простоту использования. Пользователям не нужно обладать глубокими познаниями в программировании и веб-дизайне».

С помощью таких сайтов возможно создать полноценную интернет-страницу и попрактиковаться с созданием отдельных модулей.

Настройки приватности данных сайтов позволяют сделать отдельные его модули видимыми только для владельца страницы — аккаунта.

Но, даже сформировав полноценную систему информационных ресурсов педагогов образовательных организаций, нельзя представить себе полноценную структуру образовательного процесса с применением информационных компьютерных технологий без использования различных средств, ориентированных на дистанционное обучение.

Самые популярные формы подобного образования повсеместно применяются сегодня в сфере среднего и высшего образования. В Российской Федерации в программы обучения вводят следующие виды дистанционных технологий с использованием ИКТ:

- видеоконференции — они представляют собой организованные посредством видеотехнологий встречи для общения людей, находящихся в разных местах;
- аудиоконференции — разновидность дистанционной конференции, когда её участники используют средства телефонной связи либо иное оборудование, которое специально создано для голосового общения;
- компьютерная телеконференция — подвид видеоконференции, где применяются персональные компьютеры, оснащённые модулем для скоростного интернет-соединения, микрофоном и цифровой веб-камерой. При организации таких телеконференций для дистанционного обучения его субъекты используют двух- или многоканальные видео- и аудиосистемы;
- видеолекции — специфический вид обучения с использованием ИКТ, в ходе которого предполагается применение видеоматериалов, которые могут храниться как на индивидуальных электронных носителях, так и на веб-серверах;
- занятия в чате — образовательные мероприятия, которые проходят с применением специальных чат-технологий. Чат является программой для общения, где двое и больше участников, подключившись к Интернету, в реальном времени коммуницируют посредством текстовых сообщений, отправляемых с персональных компьютеров или гаджетов;
- веб-уроки (веб-занятия) — учебные занятия, осуществляемые дистанционно, которые могут проходить в формате разных форм учебной активности, где используются современные телекоммуникационные средства и прочие ресурсы сети Интернет.

— телеконференции — занятия, проводимые для аудитории, которая собирается, в основном, по принципу рассылки через электронную почту. В сфере образования телеконференции призваны решать определённые образовательные задачи;

— вебинары — особый интерактивный вид обучения, когда обучающиеся имеют возможность взаимодействовать с учителем. Ученики получают ссылку, отправленную по электронной почте, перейдя по которой, они оказываются в «комнате вебинара», то есть раздела специализированного сайта, предназначенного для ведения данного обучения;

— вэб-коучинг — специфическая форма обучения, подразумевающая возможность раскрывать потенциал обучающегося, когда учитель (или коуч — тренер) предоставляет ему практически ориентированную видеоподдержку;

— подкаст — краткая обучающая видеозапись, созданная с использованием контента на конкретную тематику.

Для эффективной реализации применения дистанционных технологий в образовательном процессе техническая подготовка образовательной организации должна соответствовать определенным требованиям.

Во-первых, должен быть создан компьютерный класс под управлением операционных систем, во-вторых, должно быть установлено сетевое оборудование и организован высокоскоростной доступ к сети Интернет (так называемый канал с гарантированной скоростью).

Помимо этого, образовательная организация должна обладать проекционным оборудованием (мультимедийными проекторами, интерактивными досками), лицензионным базовым программным обеспечением, например Moodle, E-СТАДИ, ATutor, Teachbase, и дополнительным — по управлению удалёнными рабочими столами (таким как Microsoft Remote Desktop, Teamviewer, AnyDesk).

Отдельной строкой нужно прописать обязательные требования по информационной безопасности — наличие антивирусного и сетевого программного обеспечения — при работе в сети Интернет (стандартно: программа-антивирус, сетевой брандмауэр, «родительский контроль» и прочее).

Исходя из вышеизложенного, обратимся к анализу процессов информатизации образования с позиций социальной философии.

В условиях глобализирующегося общества и развития новейших информационных технологий особую остроту приобретают проблемы информатизации образования.

Очевидным является то, что данный вопрос, как в практическом, так и в теоретическом аспекте, в настоящий момент предстаёт как один из самых актуальных.

В первую очередь необходимо говорить о смене парадигмы и формировании нового типа информационно-коммуникативно-го мышления, характеризующегося сложностью тенденций модернизации в современном образовании, «для которых характерны демократизация, гуманистическая направленность, вариативность, непрерывность, индивидуализация и, в то же время, массовый характер, а также социальная противоречивость традиций и инноваций» [1, с. 3]. Именно в инновациях, внедряемых в учебный процесс и способствующих реализации творческих возможностей, которые открываются непрерывно в условиях информационного общества, нуждается современная сфера образования.

На данный момент процессы информатизации в образовании осуществляются достаточно неравномерно, что детерминировано их противоречивостью. Актуальная инфраструктура сферы образования в Российской Федерации предполагает вынесение программ информатизации на первое место, однако, как мы знаем, это не подкреплено как минимум технически. Если принять во внимание тот факт, что проводимая номинально — на административном уровне — «информатизация» в значительной степени понижает степень возможностей для развития личности, что имеет свои последствия на уровне качества образования. Это приводит к проявлениям искусственных противоречий в системе в целом.

Сущностные изменения в информатизации образования выявляют необходимость профессиональной подготовки и переподготовки специалистов, которые смогут сделать конструктивный вклад в становление информационно-коммуникативной среды на современном этапе её развития и в будущем; тех, кто будет проводить исследования, работать педагогами в учебных заведениях. Насущная потребность в таких специалистах заставляет по-иному смотреть на уровень информационной грамотности обучающихся и обучающихся. Недооценивая важность грамотной информатизации образования, осуществляя её недостаточную организацию в учебном процессе, допуская существенные пробелы в государственных образовательных стандартах в отношении вопросов информатизации, российское общество уже сталкивается и будет продолжать сталкиваться с серьёзными проблемами подготовки современных специалистов,

которые окажутся неконкурентоспособны и не смогут выстраивать конструктивно свою профессиональную деятельность в постоянно обновляющемся информационном обществе.

Заключение

На основании анализа разновидностей онлайн-платформ, используемых в современном российском образовании, можно сделать вывод, что только комплексное системное использование электронных образовательных ресурсов разных типов позволит значительно повысить степень информатизации и дигитализации учебного процесса в российских учебных заведениях.

Анализ процессов персонализации российского среднего образования посредством создания личных Интернет-страниц учителями позволяет говорить о том, что данные ресурсы характеризуются осуществлением сразу нескольких функций. Во-первых, они позволяют транслировать информацию разного рода, обработанную, структурированную педагогами, с целью закрепления знаний обучающихся, которые могут обратиться к конкретной странице в любое время. Во-вторых, эти ресурсы дают возможность педагогам продемонстрировать не только содержание их образовательной деятельности, но и её творческий компонент. И, в-третьих, Интернет-страница учителя с учебными и наглядными материалами в определенной степени отвечает вызовам развивающегося информационного общества, когда такие ресурсы позволяют получать информацию дистанционно.

Актуальный технологический компонент дистанционного обучения в сфере образования предстает сразу в нескольких аспектах. С одной стороны, мы видим широкий спектр технических возможностей, благодаря которым педагог может работать с разными типами информации и транслировать их практически без потери качества и ценности разработанного им материала. Также мы отмечаем достаточное количество существующих интернет-ресурсов, предназначенных для размещения результатов работы учителя. С другой стороны, насущными проблемами остаются техническое оснащение учебных заведений, наличие лицензионного программного обеспечения, оригинальности и уникальности контента, разрабатываемого педагогами.

Таким образом, анализируя процессы информатизации образования с позиций социальной философии, мы сталкиваемся с ситуацией, когда в информационном обществе на современном этапе его развития оте-

чественная сфера образования встречается с вызовами в связи со сменой парадигм, когда эффективные онлайн-платформы российского сегмента Интернета, ориентированные на педагогов, своими возможностями во многом опережают общий уровень информационной грамотности учителей.

Литература

1. Бородин Н.А. Социально-философский анализ информатизации образования: Автореф. дис. ... канд. философских наук. – Ростов н/Д, 2012. – 26 с. [Borodina NA. Sotsial'no-filosofskiy analiz informatizatsii obrazovaniya. [dissertation abstract] Rostov-na-Donu; 2012. 26 p. (In Russ.)]
2. Гизатова Е.И. Использование ЭОР – одно из средств эффективной организации образовательного процесса в школе [интернет]. – Социальная сеть работников образования, 2012. [Gizatova EI. Ispol'zovaniye EOR – odno iz sredstv effektivnoy organizatsii obrazovatel'nogo protsessa v shkole [Internet]. Sotsial'naya set' rabotnikov obrazovaniya; 2012. (In Russ.)]. Доступно по: <https://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2012/12/06/ispolzovanie-eor-odno-iz-sredstv-effektivnoy-organizatsii>. Ссылка активна на 23.02.2020.
3. Чельшева И.А. Цифровые образовательные ресурсы [интернет]. [Chelysheva IA. Cifrovye obrazovatel'nye resursy [Internet]. (In Russ.)]. Доступно по: http://school18-murom.ucoz.ru/Metod_kopilka/Nachalka/chelysheva-1.pdf. Ссылка активна на 23.02.2020.

▪ Информация об авторе

Антон Валериевич Герасимов — соискатель кафедры философии социально-гуманитарного профиля, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь. E-mail: gersimf@gmail.com.

▪ Information about the author

Anton V. Gerasimov — Applicant for the Department of Philosophy of Social and Humanitarian Profile, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Simferopol, Russia. E-mail: gersimf@gmail.com.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ «ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ»: ОТ АЛЕАТОРИКИ ДО ПЕРЕОСМЫСЛИВАНИЯ ШОСТАКОВИЧА

М.А. Петина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Самарский государственный технический университет», Самара

Для цитирования: Петина М.А. Социальные контексты музыкальной культуры в эпоху «текучей современности»: от алеаторики до переосмысливания Шостаковича // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 23–28. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.23-28>

Поступила: 29.04.2020

Одобрена: 15.05.2020

Принята: 30.05.2020

Динамические процессы, происходящие в обществе, охватывают все меридианы деятельностных форм культуры, включая искусство. Социальная оптика повседневности показывает, что сегодня могут внезапно измениться условия существования институций, ведущие за собой и смену способов существования человека, трансформации его места и привычных форм деятельности, приводя к непредвиденной смене перцепции, разрушая устоявшиеся ожидания и цели. Время в такой новой социальной онтологии теряет процессуальность и связность, превращаясь в разрозненные моменты, импульсы. Процессы творчества либо замирают, уступая место состояниям неясности, прострации, либо переходят в области освоения новой медиареальности, в публичную сферу цифровой среды и социальной коммуникации. Вышеописанные свойства современного социального мира позволили Зигмунду Бауману метафорически описать его как «текучая современность». Но если границы текучи и «проходят повсюду» (М. Бахтин), то встаёт глобальный вопрос о месте и положении культуры и, в частности, искусства.

В статье музыка как форма культуры рассматривается в отношении к социальной теории З. Баумана, а также упоминается Д.Д. Шостакович в контексте двусмысливания его творчества.

Ключевые слова: музыкальная культура; З. Бауман; «текучая современность»; время; пространство; Д.Д. Шостакович; алеаторика.

SOCIAL CONTEXTS OF MUSIC CULTURE IN THE EPOCH OF “CURRENT MODERNITY”: FROM ALEATORIC TO REFLECTING SHOSTAKOVICH

M.A. Petinova

Samara State Technical University, Samara, Russia

For citation: Petinova MA. Social contexts of music culture in the epoch of “current modernity”: from aleatoric to reflecting Shostakovich. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2020;(3-4):23-28. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.23-28>

Received: 29.04.2020

Revised: 15.05.2020

Accepted: 30.05.2020

The dynamic processes taking place in society encompass all the meridians of activity-based forms of culture, including art. The social optics of everyday life shows that today the conditions for the existence of institutions can suddenly change, leading to a change in the way a person exists, transforming his place and habitual forms of activity, leading to an unexpected change in perception, destroying established expectations and goals. Time in such a new social ontology loses its processuality and connectedness, turning into isolated moments, impulses. Creativity processes either freeze, giving way to states of obscurity, prostration, or go into the development of a new media reality, into the public sphere of the digital environment and social communication. The above-described properties of the modern social world have allowed Sigmund Bauman to metaphorically describe it as “fluid modernity”. But if the borders are fluid and “pass everywhere” (M. Bakhtin), then the global question arises of the place and position of culture and, in particular, art. Time in such a new social ontology loses its processuality and connectedness, turning into isolated moments, impulses. Creativity processes either freeze, giving way to states of obscurity, prostration, or go into the development of a new media reality, into the public sphere of the digital environment and social communication. The above-described properties of the modern social world have allowed Sigmund Bauman to metaphorically describe

it as “fluid modernity”. But if the borders are fluid and “pass everywhere” (M. Bakhtin), then the global question arises of the place and position of culture and, in particular, art.

In the article, music as a form of culture is considered in relation to the social theory of Z. Bauman. And also mentioned D.D. Shostakovich in the context of the double meaning of his work.

▪ **Keywords:** musical culture; Z. Bauman; “fluid modernity”; time; space; D.D Shostakovich; aleatorika.

Сегодня современный мир переживает, пожалуй, беспрецедентные социальные вызовы, которые очерчивают границы предшествующего края недавнего прошлого и нового настоящего, с его неясными и тревожными ожиданиями в будущем. Перед угрозой пандемии вся мировая культура замерла и приостановила все публичные практики взаимодействия, перейдя на социальные дистанции, изоляцию, меняя привычные пространства и границы. Внешнее оцепенение общественных процессов обернулось интроверсией внутренней активности, обнаруживая свою динамику и скорость в сфере цифровых социальных коммуникаций. Всё произошедшее, всё с большей силой требует нашего внимания, рефлексии и осмысления, разворачивает поиск ответов в область рациональных концепций о наличном бытии.

Если обратится к метафорам З. Баумана о «текучести» социального мира, данное понятие связывается автором с качествами, присущими не твёрдым телам, а жидкостям. Соединяясь, данные субстанции не могут надолго удерживать форму, и даже, напротив, они стремятся к постоянному её изменению. Пространство и время как фундаментальные формы бытия, в данной размерности по-особому себя проявляют. Пространство теряет свои контуры, оно не удерживается в постоянстве изменений. А время, напротив, становится доминирующим ощущением, наиболее значимым. Обращаясь к сравнению жидких и твёрдых тел, Бауман перечисляет несколько ярких свойств жидкостей: «текут, проливаются, иссыкают, брызгают, переливаются, просачиваются, затопляют, распыляются, капают, просачиваются, выделяются» [2, с. 8], что позволяет ему утверждать о метафорической схожести перечисленных качеств и современных социальных процессов. Но если всё перетекает и переплавляется и ничто не имеет очерченных контуров, то что же происходит с современностью, если культура всегда мыслится в определённых границах. Как замечал М. Бахтин, каждое культурное действие осуществляется в границах, их присутствие делает событие значимым и устанавливает его в данном пространстве культуры. Если культурный акт теряет почву и границы, он теряет свое содержание и умирает [3, с. 25]. С чем же мы имеем дело?

Первое, что необходимо отметить в качестве устойчивого ощущения, — изменение положения человека в современном обществе, обречённого находиться в состоянии постоянной неопределённости, неуверенности, непрочности, скоротечности и неустойчивости своего социального положения. Данные характеристики выстраиваются из реальности повседневности, в которой, казалось бы, привычные и усвоенные правила и взгляды утрачивают свою эффективность, а нередко сбивают с толку, выступают препятствием для выстраивания социальных коммуникаций. Мир изменяющийся становится новой реальностью, с которым мы ежедневно вступаем в диалог.

Приведем несколько тезисов к характеристике текучей современности З. Баумана. Современная социальная ситуация, согласно Бауману, такова:

1. Как мы уже выше отмечали — это трансформация пространства и времени как социальных оптик реальности [2, с. 15]. Пространство активно расширяется за счёт его активного освоения, преодоления, пересечения. Мобильность, возрастающая в ходе развития технического прогресса, позволяет сокращать расстояния во времени, путешествовать на легке. И, кроме того, особым маркером выступает появление приоритета мобильности, кочевности над осёдлым образом жизни [2, с. 20]. «Быть подвижным, лёгким — признак прогресса и совершенства» — пишет З. Бауман [там же]. В данном описании замечаем, что пространство теряет ценность в качестве закреплённого «удельного царства», феодального владения в вечное пользование. Очевидно, что границы, заборы, барьеры становятся формальными, и, в целом, исчезают. Актуальность получает виртуальное цифровое пространство, без границ и контрольно-пропускных пунктов. Социальный мир переходит в дигитальную реальность электронных коммуникаций.
2. Скорость пронизывает мир человеческих отношений и время скоростных изменений становится актуальной потребностью, экономически востребованной наравне с привычными витальными ресурсами человека: деньги, знания, энергия и др. Скорость — категория эффективности распоряжения

временем, вызов успешности, своевременности принятых решений, его рационального распределения и экономического эффекта.

3. Выше обозначенные изменения трансформируют и область смыслов, ценностных установок. Прежние основания социальной размерности: неспешность, стабильность, оседлость уступают место хрупкости, быстротечности, уязвимости, дистопии и дезинтеграции [2, с. 1] социальных связей. На практике это проявляется в размножении вещей, их быстрой утилитарной сменяемости, одноразовости. В тенденциях к рециркуляции, старению, демпингу [2, с. 20] как условиям успешности в бизнесе, как пример механизма извлечения прибыли и роста капитала. В постоянном обновлении и перезагрузке программного обеспечения, технических устройств и т. п. В актуализации простых, мобильных сооружений, которые можно распечатать на 3D-принтере, собрать и разобрать, перенести в другое место, согласуясь с социальными целями и запросами настоящего времени.

И в этой связи, позиции, которые фиксирует Бауман в своей теории, говорят о наличии базовых противоречий. Так, для культуры как символического образования, в отличие от природы свойственны процессы не ускорения, а удержания («держания» М. Мамардашвили), взвешенного осмысления, пролонгированного решения, раздумья, что связано со сложным процессом мышления и формированием отсроченного, с задержкой ответа. Данное свойство сознания отличает человека от животных с их органическими быстрыми реакциями. И именно в данном значении Ж.Ж. Руссо говорил о человеке как об испорченном животном, по причине того, что человек размышляет. Ибо мысль требует приостановки, паузы. И нередко в условиях тяжести раздумий решение откладывается на неизвестно долгое и неопределённое время. Язык, миф, искусство, религия — нити, из которых сплетается сложная ткань человеческого опыта. Физическая реальность отдаляется от человека по мере того, как растёт символическая активность человека: вместо того, чтобы обратиться к «самим вещам», человек обращён к «самому себе»: в лингвистические формы, художественные образы, символы мифа, религиозный ритуал.

Вышеописанная ситуация говорит об обратном: современная практика демонстрирует войну с промедлением. Чем это грозит? С какой новой культурной ситуацией мы имеем дело?

С одной стороны, можно признать, что скорость — есть закономерное следствие исторического развития культуры. И гегелевское развитие «свободы», реализованное в современном обществе, становится не только кульминацией развития истории, но и определённым вызовом, проблемой. Как не вспомнить античный миф об Одиссее, в котором освобождённый от чар герой Элленорос восклицает: «Я был так счастлив, я мог валяться в грязи. А вы подвергаете снова наши тела опасностям и вынуждаете наши сердца *принимать новые решения*» [2, с. 23]. В данной фразе мы видим отчаяние и усталость человека справляться с напряжением человеческого мира, отвечать на вызовы, создавать мир каждый день заново. Очевидно, рост и развитие информационного поля культуры, ведёт к интенсификации интеллектуальной активности субъекта, а установки генерировать мир снова и снова, осуществляя открытия, инновации, прорывы, реформы подвергает субъекта высоким когнитивным нагрузкам. Воздействия на человека информационной среды в её количественном, лавинообразном прогрессе непременно сказываются не только на его здоровье, но и формируют новые социальные характеристики личности. Так, Г. Зиммель, размышляя о жизни в больших городах, описал человека, в котором отчуждённость, ментальная перегруженность обилием социальных контактов, а также притупленность восприятия различия (вещей), их ничтожение и нивелирование становятся объективно узнаваемыми и фиксируемыми социологами чертами личности [7].

Всё вышеописанное говорит о современном состоянии культуры как переходности, утраты границ и определённости. И такое пограничное состояние свободы и несвободы является одновременно счастьем и болью, благословением и проклятием. Ибо неведение и бессилие создаёт в культуре крайне неустойчивые и тревожные ситуации и вся жизнь превращается в привычный режим неопределённости. Но есть в этом и свои положительные эффекты, произрастающие из установки, что именно на грани бытия и небытия рождаются новые смыслы культуры, как вызов, который принимает и решительно отвечает человек. Бегство от свободы, ответственности, чуда есть угроза тоталитаризма. Но мы знаем, что логика культуры — логика творения, свободы, логика парадоксов и диалога. В данном случае, несовпадение жизни и творчества в истории прошлого (Возрождение) являло собой благодатное время для озарения, самокритики во всей её парадоксальной непредсказуемости.

Искусство как памятник и хранитель переживаний эпохи объективирует в произведении как «существо – ощущение» [6, с. 271], закрепляет в своих художественных формах и опыте перцепции реальность, которая не воплощена в вербальных знаках. Интуиции и символы искусства, которые обладают с одной стороны пронзительным художественным образом, с другой стороны, не всегда фиксируют однозначность и предметную определённость своего послания. Поэтому обращение к искусству открывает возможность рассмотреть смысл художественного послания как своеобразный документ эпохи, летопись времени, фиксирующую пульс и дыхание его ритмов и остроту его чувств, особую тематику размышлений и умонастроений. Увидеть актуальное произведение — это заглянуть в себя как в зеркало, без прикрас и предварительного разъяснения.

Искусство, которому изначально характерно существование на грани бытия и небытия, творчество как созидание мира из ничего, обнаружение сокровитного и выведение его из укрытия на свет [12]. В этом значении искусство как форма созидания культуры всегда осуществляет ценностную функцию определения и установления границ и пределов, их пересечение и разрушение, экспериментального прорыва и сохранения традиции. В оппозициях высокого и низового, нового и старого, подлинного и имитированного в их диалектическом пересечении как в тигле противоположностей сил, интенсивностей перцепции и средств выразительности осуществляется искусство. Музыкальная культура европейского континента не может быть отделена от мироощущения эпохи, и её откровения звучат порой пронзительнее и красноречивее, чем многие вербальные тексты.

Признаки энтропии, которые сегодня пропитывают глобальный социальный мир, а также утрата институций как инстанций норм социальных изменений [11, с. 13–14] на уровне творческого мышления выражена апатией, растерянностью, иногда противоречивостью и поиском новых опорных точек. Трансформации, которым подвержены сегодня многие институции, не прошли и мимо музыкальной культуры. Сегодня искусство выходит за границы своих функций быть мимезисом, источником перцепций в области концепций [8]. «На трансдисциплинарных позициях сегодня усиливаются социально-гуманитарные дискурсы, разворачивая общество к переоценке ценностей, к рефлексии и принятию решений» [1, с. 184]. З. Бауман, говоря о разжижении мира, подчеркивал, что ему можно придать любую форму и при

этом сложно её удержать. Музыкальная культура сегодня в пундан баумановскому времени представлена разнообразно, разноколейно и разнонаправленно в своих музыкальных формах, антиформах, перформанс — в моментах, коллажах и репетиционной музыке, и многом другом. Многоголосица и звуки окружающей городской среды, не позволяющие казаться музыкальными тонами, но шумами; переключки в эфире разных радиоволн, эксперименты с компьютерными программами, заменяющими творчество и вдохновение, отданные математическому расчету и аналитике. Всё это иллюстрирует огромный глобальный музыкальный мир, представляющий мозаику образов, отрезков и периодов времени, их пересечение и мимолетность, математический расчет и абсурдность, тишину затянувшейся паузы и просчитанную серию.

Черты неопределенности можно проиллюстрировать на примере алеаторических опытов, в которых границы текста «хаотизируются» и утрачивают общепринятые регламенты, приводя к индивидуализации систем нотации у Дж. Кейджа, К. Штокхаузена, игре случайности у П. Булёза. Несмотря на то что данные эксперименты европейской музыкальной культуры осуществлялись в середине XX в., мы не можем не связать данный факт с современной реальностью XXI в., понимая, что музыкальное мышление не всегда идёт в ногу со временем, а порой его опережает, продумывая и озвучивая то, что только будет в будущем воплощено как реальность. В качестве примера можно отметить неопределенность как принцип в работах Эрла Брауна, воплотившего идею открытой формы. Так, в 1952 г. композитор выбирает в качестве графической записи не традиционную нотную запись, а линии и прямоугольники разных размеров и плотности нарисованных линий, которые имитируют громкость, длительность звучания. При этом сам исполнитель выбирает как их читать. Такое намерение продиктовано импровизацией, абсолютной свободой в творческом воплощении замысла.

Поиск и стремление нащупать истину направлял композиторов на развитие новых художественных установок. Изобретаемые музыкальные форматы демонстрировали осведомленность и освоение музыкантами новых пространств художественной выразительности и выработки неожиданных приемов. Но парадоксальным образом всё новое, как можно заметить, реализовывалось как разрушение традиции, отказ от устойчивости, от устоявшихся гармонических субординаций, ладового тяготения, мажора — минора, а также

многих других устоявшихся позиций, включая эксперименты с классическими формами и жанрами, вплоть до разрушения традиционных стандартов публичного взаимодействия публики и исполнителя. И в этом намерении проглядывается поиск альтернативных начал настоящему. Но как все новое, получив свою актуализацию и подтверждение в культуре, оно укореняется и становится традицией, нормой. И сегодня тенденция искусства в целом такова, что она, в пандан «текучей современности», требует новой скорости изменений, обновления музыкальных средств композиции. Намерение удивлять, шокировать, обескураживать стало самодовлеющим трендом, а вереницы стилей не успевают отлиться в идентифицируемую форму, поэтому каждое произведение является исключительным и уникальным.

Что касается восприятия искусства, то здесь фактор скорости имеет огромное значение. В реестр понятий современной культуры вошёл и укоренился пресловутый «клипированный взгляд», в котором подчеркивается мимолетность, мгновенность, скорость переключения восприятия и удержания внимания только на мельчайших мгновениях времени. Взгляд мечется, прыгает с одного предмета на другой, не может ни на чём остановиться. Серфинг кадров, сцен, быстрое переключение и промотка треков и т. п. как никогда иллюстрируют состояние лёгкости «текучей современности», необременённой тяжестью и постоянством, углублением и очерчиванием границ территории, отобранной для своего присутствия. Такая быстрая смена событий упускает из своего всеохватывающего, скользкого по поверхности обзора дополнительные измерения: глубину, фактуру, смысл, связи и цели. Симульный бег в производстве расфокусированного удовольствия отражает, на наш взгляд, отчаяние и пустоту, желание жить налегке, без усилий и раздумий, обрести новые возможности, которых не имеешь. Именно в этом желании и видит З. Бауман объединение людей в массы, группы, классы. Наличие возможностей разделяет людей и, наоборот, их отсутствие — предпосылка к омассовлению.

И в этой связи актуальным становится не только восприятие современного контента, рождённого на территории музыкальной Европы XXI в., но переосмысление и реконструкция недавнего исторического прошлого в части аналитики и рецепции творчества композиторов. Так, в канун годовщины памяти Д.Д. Шостаковича в 2020 г. мы снова обращаемся к великому художнику, как возможности дешифровать и герменевтически

осмыслить его тексты и биографию, эпоху и события, в тигле которых вершились музыкальное время композитора. Реставрация наследия Д.Д. Шостаковича сегодня получает новые векторы развития. И в числе значимых линий развития можно отметить «двуосмысление» музыки композитора: возможность выделить неоднозначность осмыслений, их множественность, которая, в частности, была продиктована сталинским периодом и трагическим двоемыслием художника, мыслящего себя в контрверзе с эпохой и временем. Как замечает Е.Я. Бурлина, Шостакович жил во времени, «был одинок в пространстве собственной эпохи и опережал её» [4, с. 77]. Политизированность труда, о котором писал П. Вирно [5, с. 59], и творчества, добавим мы, создавало двойные стандарты в эпоху социалистического режима в СССР. И зная обстоятельства исторического периода, мы можем понимать, что в музыке упакованы, как мы уже отмечали в исследованиях [9], смыслы, которые не совсем совпадают с её настоящим, но нередко пронизательно и точно озвучивают то содержание, которое не продумывается, но переживается интуитивно. Музыка, таким образом, как сейсмограф культуры и её исторического мироощущения, нередко выступает важным документом эпохи, позволяющим исследовать и свидетельствовать о сознании, мышлении композитора. Ввиду того что мир не есть простая констатация фактов, и не простая наличность всех существующих вещей, но и, главным образом, *горизонт событий* [10, с. 5–6], не существующий вне человеческого сознания, то данный тезис позволяет нам исследовать и высматривать сущность, отделяя её от простого описания фактов.

Итак, мы сегодня переживаем «время текучей современности», которое нашло своё выражение не только как концепт в социальной теории Баумана, но и как перцепт, воплощенный в практиках и оптиках искусства. Такое текучее время есть переходный период, двоеосмыслимое состояние культуры, которая устремлена через свою энергию скорости к концептуальному разрешению и обретению новых границ.

Литература

1. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. «Динамическое теоретизирование» З. Баумана: критическая оптика или поиск жизненных стратегий? // *Философия науки и техники*. – 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 182–191. [Bagdasaryan NG, Korol MP. “Dynamic theorizing” by Z. Bauman: critical optics or the search for life strategies? *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2016;21(2):182-191.

- (In Russ.)). <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2016-21-2-182-191>.
2. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с. [Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. Transl. from Engl. Yu.V. Asochakova. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Piter; 2008. 240 p. (In Russ.)]
 3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. 502 с. [Bakhtin MM. Voprosy literatury i estetiki. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1975. 502 p. (In Russ.)]
 4. Бурлина Е.Я. Художник и власть: хронотоп двоемыслия и двусмысливания // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 112–115. [Burlina EYa. An artist and power: chronotype of doublethink and two senses of culture. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2015;1(1):112-115. (In Russ.)]
 5. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с франц. А.Г. Петрова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015 — 144 с. [Virno P. Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoy zhizni. Transl. from French A.G. Petrov. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 144 p. (In Russ.)]
 6. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с франц. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с. [Deleuze G, Gvattari F. Chto takoye filosofiya? Transl. from French S.N. Zenkin. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; Saint-Petersburg: Ale-teyua; 1998. 288 p. (In Russ.)]
 7. Зimmel Г. Большие города и духовная жизнь [интернет] // Логос: литературно-философский журнал. – 2002. – № 3. [Zimmel' G. Bol'shiye goroda i dukhovnaya zhizn' [Internet]. *Logos: literaturno-filosofskiy zhurnal*. 2002;(3). (In Russ.)]. Доступно по: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf>. Ссылка активна на 21.04.2020.
 8. Кошут Д. Искусство после философии / пер. с англ. А.А. Курбановского // Искусствознание. – 2001. – № 1. [Koshut D. Art after philosophy. Translated from Engl. A.A. Kurbanovskiy. *Iskusstvoznaniye*. 2001;(1). (In Russ.)]
 9. Петина М.А. Темпоральность музыки: социальные и культурнофилософские основания музыкальной культуры XX века. – Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. – 186 с. [Petinova MA. Temporal'nost' muzyki: sotsial'nye i kul'turfilosofskie osnovaniya muzykal'noy kul'tury XX veka. Samara: Samar. gos. tekhn. un-t; 2016. 186 p. (In Russ.)]
 10. Романо К. Авантюра времени / пер. с франц. Р. Лошакова. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 220 с. [Romano K. Avantiyura vremeni. Transl. from French R Loshakov. Moscow: RIPOL klassik; 2017. 220 p. (In Russ.)]
 11. Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 6–11. [Turen A. Sociology without societies. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2004;(7):6-11. (In Russ.)]
 12. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. А.В. Михайлова. – М.: Академический Проект, 2008. – 528 с. [Khaydegger M. Istok khudozhestvennogo tvoreniya. Transl. from German A.V. Mikhaylov. Moscow: Akademicheskii Proyekt; 2008. 528 p. (In Russ.)]

▪ Информация об авторе

Марина Александровна Петина — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: shloss@yandex.ru.

▪ Information about the author

Marina A. Petinova — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: shloss@yandex.ru.

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВУЮЩИХ СТРАТЕГИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

В.Е. Тюриков

Институт философии и социально-политических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

Для цитирования: Тюриков В.Е. К вопросу о существующих стратегиях противодействия экстремизму и терроризму // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 29–34. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.29-34>

Поступила: 17.04.2020

Одобрена: 23.05.2020

Принята: 29.05.2020

▪ Данная статья посвящена рассмотрению и обобщению основных теоретических подходов и воззрений, на которых строятся сегодня современные стратегии противодействия и профилактики экстремистских и террористических угроз. Описывается и определяется характер используемых практик, а также те «социальные последствия», к которым может привести та или иная избранная тактика. Обобщается ряд научных позиций относительно того, на какие аспекты необходимо обратить внимание при реализации антитеррористических стратегий, приводятся критические мнения ряда экспертов по поводу возможности нахождения универсальных оснований в данном вопросе. Обращается внимание на имеющиеся общие затруднения в данной области исследований, существенным образом влияющие на их успешность. Указывается на важность взвешенного подхода к данной сфере, как со стороны общества, так и государства.

▪ **Ключевые слова:** эффективная стратегия; экстремизм и терроризм; противодействие; профилактика; культура.

ON THE ISSUE OF THE EXISTING COUNTER — EXTREMISM AND TERRORISM STRATEGIES

V.E. Tyurikov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

For citation: Tyurikov V.E. On the issue of the existing counter — extremism and terrorism strategies. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(3-4):29-34. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.29-34>

Received: 17.04.2020

Revised: 23.05.2020

Accepted: 29.05.2020

▪ This article presents a review and a synthesis of basic strategies and approaches, which constitute the basis of modern strategies for combating extremist and terrorist threats or their prevention. The approaches to the matter are defined, and their social consequences are considered. It summarizes the issues, concerning prior aspects of counter-terrorism strategies, which should be taken into consideration. It also presents some critical expert views whether any universal foundations for counter-terrorism strategies could be found. The author pays attention to the existing general difficulties at this scientific field, which directly affect the study's success. It focuses on the importance of careful approach to the issue from both by the general public and policy makers.

▪ **Keywords:** effective strategy; extremism and terrorism; counter-measures; prevention; deradicalization.

Вопросы выработки и реализации стратегий противодействия экстремизму и терроризму давно и прочно вошли в научный и политический дискурс, обретя глобальный характер. Параллельно этому не утихают дискуссии относительно гуманности и моральности, равно как и излишней наивности предлагаемых «рецептов» для борьбы с данными деструктивными явлениями. Зачастую, реакцией общества и правительств тех или иных

стран в отношении данных явлений, становятся стратегии, направленные на противодействие экстремизму и терроризму, включающие в себя комплекс из «мягких» и «жестких» мер. Между тем, избираемые в ситуации с экстремистским насилием стратегии представляют собой более комплексные построения, нежели просто противодействие при помощи устрашения или предупреждения, и не могут исчерпываться и быть описаны лишь

рамками принимаемого в этой области законодательства, или же правоприменительной практикой.

Как показывает проведённый нами анализ, вопросы борьбы с экстремизмом и терроризмом так или иначе имеют под собой социально-философское основание, становились предметом пристального рассмотрения в рамках самых разных философских концепций и идей.

В данной статье мы попытаемся обобщить существующие базовые подходы, лежащие в основе имеющихся стратегий противодействия данным явлениям, проанализировать основные меры, реализуемые в области борьбы/профилактики экстремизма и терроризма, сгруппировать ряд исследовательских позиций по данной проблематике. При этом считаем целесообразным миновать анализ конкретных доктринальных установок и нормативно-правовой базы, реализуемых в данной сфере как на региональных, так и международных уровнях. Равно как и не касаться существующей проблематики выработки общепризнанных определений экстремизма и терроризма, вопроса о природе данных явлений.

Возвращаясь к заявленной проблематике, отметим, что стратегия противодействия отнюдь не является единственной возможной формой реакции на экстремистское насилие. Так, отечественный философ Е.В. Сальников, занимающийся исследованием природы экстремистского насилия, указывает на нередкую трактовку экстремизма в качестве некой социальной патологии, альтернативной формы организации политической власти, ошибочной защитной реакции и т. д. [6]. Подобные идеи можно встретить в работах известных мыслителей Ф. Фукуямы [11, с. 27], Х. Ортега-и-Гассета [4, с. 116–117]. Как отмечает Е.В. Сальников, на фоне разворачивающихся сегодня процессов так называемого «религиозного ренессанса», возврата человека к трансцендентному миру, сама стратегия допущения экстремизма кажется несостоятельной, а игнорирование экстремистского насилия — ошибочным [6].

К отдельной группе можно отнести существующие скептические позиции ряда экспертов и авторов как по отношению к самим мерам, реализуемым в области борьбы с экстремизмом и терроризмом, так и самой возможности обоснования данной проблематики. Среди авторов, придерживающихся наиболее радикальной позиции, — израильский эксперт А.Д. Эпштейн, российский специалист О. Васильев, считающие проблему экстремизма частью дискурса действующей

власти и ставящие под сомнение обоснованность большинства отечественных междисциплинарных исследований в области экстремизма [10]. Мнения об избыточности и политизированности мер, принимаемых в области борьбы с терроризмом, придерживаются, например, американские исследователи Дж. Най [16] и Дж. Эвери [12]. При подобных взглядах существование самого явления терроризма, однако, не отрицается.

Наиболее же привычным и распространённым способом реагирования на экстремистское насилие, безусловно, можно считать действия, нацеленные на максимально полное устранение последнего из жизни общества — стратегию противодействия. В рамках данного подхода возможно говорить, по меньшей мере, о двух коррелирующих, но все же разнонаправленных векторах — противодействию через карательные меры или же посредством предупреждения [5]. Зачастую они реализуются одновременно с преобладанием подхода, продемонстрировавшего наибольшую эффективность в конкретных взятых условиях.

Говоря о потенциале способов защиты общества посредством карательных мер, о том насколько они способны отвлечь экстремистов от совершения ими незаконных деяний, нельзя не упомянуть один из древнейших философско-правовых принципов построения систем противодействия преступности — принцип «устрашающего возмездия» [5]. Последний может включать в себя как воздействие физическое, так и психическое. К примерам построения системы противодействия экстремизму и терроризму, берущим так или иначе за основу данный принцип, можно отнести доктрину президента США Дж. Буша младшего «О войне против терроризма» или израильскую практику «точечных ликвидаций» террористов и т. д. Чётко и ясно принцип «устрашающего возмездия» был сформулирован ещё в Уложении российского царя Алексея Михайловича: «Наказать нещадно, чтобы другим неповадно было» [5].

Как показывает практика, успехи от «принципа устрашения» являются весьма кратковременными, и сами по себе не способны решить проблемы, порождающие террор и насилие. «Спутниками» стратегий подобного рода неизменно выступают ожесточённые общественные дискуссии. Критическое отношение к подобного рода репрессивным практикам высказывалось ещё итальянским философом Ч. Ломброзо. Исследователь предлагает обратить внимание на особый статус смерти в аксиологии экстремизма, её особой положительной ценности [3]. Смерть экстремиста

в качестве некоего последнего предела не будет выступать устрашающим фактором для других, а напротив может стать лучшим средством для привлечения новых членов в ряды экстремистских формирований.

Стоит отметить, что уголовно-исполнительные системы большинства современных стран положения об устрашающем воздействии уголовного наказания не содержат. Их целью выступает исправление осуждённого. Так, мы подходим ещё к одному пути выстраивания стратегии противодействия экстремизму и терроризму — теории исправления.

Теория исправления фокусирует свой взгляд не на совершённых преступлениях, а на личности самого преступника. С позиций данной теории, исправить — означает добиться законопослушного поведения. Отечественным исследователем Е.В. Сальниковым в рамках данной концепции выделяется несколько основных подходов: утилитаристский, марксистский и религиозно-философский [5, с. 308].

Первый подход ставит во главу «принцип пользы», некой разумной идеи, благодаря которой преступник, подвергшийся карательному воздействию, опеке общества, делает необходимые выводы и откажется от совершения преступлений [5, с. 308–309]. Подобные идеи связываются с теорией видного английского правоведа XVIII в. И. Бентама. Идеи марксистского подхода, наиболее полно были отражены в исправительно-трудовой педагогике А.С. Макаренко [5, с. 308–309]. Не наказание, травмирующее человека психически и физически, а трудовые отношения в коллективе должны создавать условия для рождения новой личности. Последняя из упомянутых нами религиозно-философская концепция отталкивается от идей о перерождении преступника в наказании под воздействием веры. Принципиальным моментом в рамках данного подхода выступает отказ от смертной казни.

Как абсолютно справедливо указывает Е.В. Сальников, модели, предлагаемые в рамках теории исправления, оказываются в случае с экстремизмом малоэффективными. В рамках рассмотренных нами выше вариантов, антиобщественная природа совершённых преступником деяний не ставится под сомнение, а сам он руководствуется сугубо личным корыстным мотивом в своих действиях. В случае же с экстремизмом субъект страдает за идею, руководствуется некими альтруистическими, по его мнению, целями, что делает общие подходы исправления малоэффективными [5, с. 312].

Ещё одним наиболее закономерным и наиболее исследуемым направлением в рассма-

триваемой нами проблематике выступает предупреждение/профилактика экстремизма и терроризма. Подобные идеи нельзя считать новацией. Так, ещё в работах философа XVIII в. Ч. Беккариа можно встретить идеи о том, что «лучше предупреждать преступления, чем карать за них» [1]. И именно достижение данной задачи составляет цель любого хорошего законодательства.

Отметим, что с учётом актуальности и востребованности данной проблематики, количество исследований и публикаций подобного рода в современной отечественной и зарубежной академической периодике всё возрастает, и потому даже простое перечисление хотя бы некоторых из них в рамках данной статьи кажется нам вряд ли возможным и малопродуктивным. Наиболее подходящим и допустимым в данной связи представляется обозначить основные аспекты, на которые те или иные авторы предлагают обратить внимание при реализации профилактических мер.

Так, в большинстве работ и публикаций отечественных авторов мы можем выделить ряд общих направлений, на которые предлагается обратить внимание в деятельности по профилактике экстремизма и терроризма. Среди них: использование в профилактике социально-культурной работы (работы Н.Е. Продиблоха, Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова, Е.И. Григорьевой, Н.Н. Ярошенко и т. д.), необходимость более широкого задействования потенциала культуры, на который обращают внимание В.В. Сударенков, В.В. Миронов и др., вопросы использования в полной мере возможностей среднего общего и высшего профессионального образования, разрабатываемые М.В. Авакьяном, И.В. Абакумовой, В.С. Щербаковым, П.Н. Ермаковым, Т.М. Надыршиным, Р.Б. Дякиевой и др. О необходимости утверждения в деле борьбы с экстремизмом принципа толерантности, толерантных отношений пишут исследователи Л.В. Карнаушенко, А.А. Акулова, П.А. Кисляков, А.А. Хашир и др. Вместе с тем, нацеленность именно на вышеперечисленные направления в вопросах профилактики встречает и вполне обоснованную критику. Как полагает исследователь Е.В. Сальников, вопрос эффективности профилактики экстремизма и терроризма соотносится напрямую с её «внутренним наполнением и конкретными формами реализации» [6].

В настоящее время конкретные меры по предупреждению экстремизма, как правило, реализуются по схемам, использующимся для предупреждения общеуголовной преступности, что на фоне удержания экстремистским

насилием своих позиций или даже наблюдаемой динамики роста подтверждает ошибочность такого подхода. Американский эксперт М. Сейджман говорит об отсутствии безоговорочной зависимости экстремизма от уровня достатка, образования или специфических культурных факторов [7, с. 90], подтверждая свою позицию эмпирическими данными. Рядом исследователей, в частности Г.В. Кожевниковой [2] и М. Сейджманом [7], ставится под сомнение и факт возрастной локализации экстремизма, подчёркивается тенденция взросления членов, вступающих в те или иные движения, в то время как при разработке программ по профилактике экстремизма, большее внимание уделяется зачастую подростковому возрасту. Примечательным в данной связи можно считать мнение исследователей В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, полагающих возможным говорить об отсутствии универсальных методов борьбы с экстремизмом и необходимости в каждом конкретном избирать индивидуальный подход [8, с. 217–218].

Обращаясь к зарубежным исследованиям в области профилактики экстремизма и терроризма, отметим, что ключевым элементом данной системы выступают здесь так называемые программы по дерадикализации (реинтеграции, перевоспитанию, «выходу»), моделируемые для работы с лицами, подвергшимися процессу радикализации самым различным спектром экстремистских идеологий. Ключевое значение в исследованиях подобного рода уделяется изучению момента «перехода» индивида от радикальных идей к их непосредственному претворению в жизнь [14, с. 109]. Существующие в рамках исследований радикализации подходы могут быть сгруппированы по двум основным направлениям: изучение трансформаций мышления индивида, способствовавших принятию им экстремистской идеологии; или же исследование поведения индивида, того, как он «пересекает черту», ведущую к насилию [14, с. 109–110]. Американский профессор О.К. Кронин, анализируя данные направления исследований, считает их малоэффективными в деле построения прочной системы противодействия терроризму, иронично указывая на то, что иногда люди могут только помышлять ничего не предпринимая, или же непосредственно переходить к действию без какого-либо обдумывания [14, с. 109–111].

Некоторые исследователи предлагают проводить чёткую грань между понятиями дерадикализации, противодействием радикализации (counter-radicalisation) или же антирадикализацией (anti-radicalisation), учитывая степень

вовлечённости индивида в экстремистскую и террористическую деятельность [13]. Согласно европейской практике все данные меры подпадают под универсальную дефиницию европейских программ по противодействию насильственному экстремизму. Так или иначе в независимости от используемой терминологии программы подобного спектра реализуются сегодня в самых разных вариантах и объёмах множеством стран мира, отличаются друг от друга в плане целей, структуры, бюджетов и основополагающей философии [18].

Сам же процесс дерадикализации можно обозначить в качестве усилий, которые должны привести к отказу индивида от экстремистских взглядов и возврату к нормальной жизни, либо же просто отказу от применения насилия, но не от радикальных воззрений (disengagement). Количество исследований и разработчиков данной проблематики в зарубежной академической среде обширен и постоянно пополняется. Среди них Л. Видино, Ф. Рейнарес, А. Ритцманн, М. Гудвин, Т. Бьорго, Л. ван дер Хейде, Р. Гунаратна, М.Р. Торрес, Дж. Белазио, С. де Силва, Б. Схюрман, Э. Баккер, Л. Клатербак, А.П. Шмид и многие другие.

Задачи, стоящие перед подобными программами, весьма трудно достижимы, они предполагают изменение самого мышления экстремистов посредством донесения до них идей о возможности выбора иной жизненной альтернативы [18]. Данные виды деятельности принимают нередко самые разные формы (спортивные клубы, наставничество, переобучение, психологическая помощь и т. д.), а сами программы отличает комплексность, финансовая и временная затратность. Кроме того, серьёзные вопросы имеются в отношении подтверждения их действительной эффективности эмпирическими данными.

Подобные обстоятельства не могут не вызывать обоснованной критики в адрес представленных программ как со стороны научной среды, так и правительственных органов некоторых стран. Например, Министерством внутренних дел Великобритании, после проведённого в 2018 г. анализа лишь две из 33 спонсируемых государством программ смогли подтвердить свою практическую эффективность, что заставило говорить здесь, если не о свёртывании реализуемых инициатив, то, как минимум, о необходимости поиска их «нового наполнения» [19]. Сильно разнятся и взгляды экспертов на подобную проблематику — от наиболее категоричных, выражаемых, например, австралийским профессором М. Багаричем, скептически относящимся к возможностям изменения образа

мышления террористов [15], или же отечественного специалиста в области безопасности Ю.Б. Щегловина, считающего, что без создания популярной «социальной альтернативы» любая сила слова будет бесперспективной [9, с. 155–158], до позиции немецкого исследователя Д. Киллера, подчёркивающего необходимость выработки терминологического единства в сфере дерадикализации и разработки действенных инструментов измерения эффективности таких программ [17].

Подводя итоги всему сказанному, мы вынуждены отметить, что проблема поиска действенного средства противодействия терроризму и экстремизму остаётся во многом «задачей со многими неизвестными». На фоне несостоятельности борьбы с терроризмом и экстремизмом лишь военными средствами, инициативы, нацеленные на упреждение данных угроз, также не достигают желаемого результата. Безусловно, слабыми местами данной области исследований остаются: отсутствие терминологического единства, конъюнктурность установок тех или иных исследователей, недостаточность имеющихся механизмов измерения эффективности реализуемых превентивных мер. Вместе с тем очевидной и незыблемой в данном контексте является необходимость создания более широкой социальной альтернативы терроризму и экстремизму, нацеленность на поиск конструктивных основ для налаживания взаимопонимания между людьми.

Литература

- Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М.: Инфра-М, 2004. – 184 с. [Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. Moscow: Infra-M; 2004. 184 p. (In Russ.)]
- Кожевникова Г.В. Изменения неонацистской среды и тактики действия российских ультраправых во второй половине 2000-х // Сб. ст. Всероссийской конференции «Экстремизм как социально-философское явление». Орел, 2008. [Kozhevnikova G.V. Izmeneniya neonatsistskoy sredy i taktiki deystviya rossiyskikh ul'trapravyykh vo vtoroy polovine 2000. (Conference proceedings) Sb. st. Vserossiyskoy konferentsii "Ekstremizm kak social'no-filosofskoye yavlenie". Orel; 2008. (In Russ.)]
- Ломброзо Ч. Анархисты [интернет]. [Lombroso C. Anarhisty [Internet]. (In Russ.)]. Доступно по: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php. Ссылка активна на 20.04.2020.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. — Гродно: Гродненская типография, 2003. – С. 116–117. [Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass. Grodno: Grodnenskaya tipografiya; 2003. P. 116-117. (In Russ.)]
- Сальников Е.В. Философско-правовая концепция социальной защиты как основа стратегии противодействия экстремизму: критический анализ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8. – С. 303–312. [Sal'nikov E.V. The philosophical and legal concept of social protection as the basis of the strategy for countering extremism: a critical analysis. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo.* 2012;(8):303-312. (In Russ.)]
- Сальников Е.В. Экстремистское насилие в обществе: феномен, сущность, стратегии социального бытия: Автореф. дис. ... докт. философских наук. – Краснодар: 2015. – 41 с. [Sal'nikov E.V. Ekstremistskoye nasilie v obshchestve: fenomen, sushchnost', strategii sotsial'nogo bytiya. [dissertation abstract] Krasnodar; 2015. 351 p. (In Russ.)]. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005570630>. Ссылка активна на 20.04.2020.
- Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 90 с. [Seydzhman M. Setevye struktury terrorizma. Moscow: Ideya-Press; 2008. 90 p. (In Russ.)]
- Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. – М.: Academia, 2009. – С. 217–218. [Chuprov V.I., Zubok Yu.A. Molodezhnyy ekstremizm: sushchnost', formy proyavleniya, tendentsii. Moscow: Academia; 2009. P. 217-218. (In Russ.)]
- Щегловин Ю.Б. Размышления об «Исламском государстве». – М.: Ин-т Ближнего Востока, 2016. – 215 с. [Shcheglovina Yu.B. Razmyshleniya ob "Islamskom gosudarstve". Moscow: In-t Blizhnego Vostoka; 2016. 215 p. (In Russ.)]
- Эпштейн А.Д., Васильев О. Полиция мыслей. Власть, эксперты и борьба с экстремизмом в современной России. – М.: Издательство: Гилея, 2011. – С. 155–158. [Epshteyn A.D., Vasil'ev O. Politsiya mysley. Vlast', eksperty i bor'ba s ekstremizmom v sovremennoy Rossii. Moscow: Izdatel'stvo Gileya; 2011. P. 155-158. (In Russ.)]
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. – 27 с. [Fukuyama F. Konets istorii i posledniy chelovek. Moscow: AST; 2004. 27 p. (In Russ.)]
- Avery JS. Terrorism: A False Threat [Internet]. 2019. Available from: <http://eacpe.org/app/wp-content/uploads/2019/12/Terrorism-a-False-Threat-by-John-Scales-Avery.pdf>.
- Clutterbuck L. A Perspective on the Challenges and Benefits [Internet]. 2015. Available from: <http://www.mei.edu/content/deradicalization-programs-and-counterterrorism-perspective-challenges>.
- Cronin A. Examining deradicalization programs. Pathways to Peace and Security. 2017;1(52):106-115. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2017-1-106-115>.

15. Hook C. What should we do with terrorists? Experts divided over Australia's 'soft' approach [Internet]. 2019. Available from: <https://7news.com.au/news/terrorism/australia-is-too-soft-on-terrorists-and-we-need-them-locked-up-for-longer-to-keep-us-safe-legal-expert-says--c-592644>.
16. Nye JS. Five truths about terrorism. Project Syndicate [Internet]. 2020. Available from: <https://www.project-syndicate.org/commentary/terrorism-not-biggest-threat-to-americans-by-joseph-s--nye-2016-02?barrier=accesspaylog>.
17. Price M. Can terrorists be deradicalized? [Internet]. 2017. Available from: <https://www.sciencemag.org/news/2017/05/can-terrorists-be-deradicalized>.
18. The challenge of Jihadist Radicalisation in Europe and Beyond Paperback [Internet]. Brussels, Belgium; European Policy Centre; 2017. Available from: <https://euagenda.eu/upload/publications/untitled-74555-ea.pdf>.
19. The Week UK. Vast majority of deradicalisation programmes "ineffective" [Internet]. 2018. Available from: <https://www.theweek.co.uk/94112/vast-majority-of-deradicalisation-programmes-ineffective-and-benefits>.

▪ **Информация об авторе**

Владимир Евгеньевич Тюриков — очный аспирант кафедры социальной философии, ФГАОУ ВО «Южный Федеральный Университет», Ростов-на-Дону. E-mail: turikov.vladimir@mail.ru.

▪ **Information about the author**

Vladimir E. Tyurikov — Postgraduate student of the Department of Social Philosophy, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: turikov.vladimir@mail.ru.

ПРЕЕМСТВО ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ

В.Л. Афанасьевский

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», Самара

Для цитирования: Афанасьевский В.Л. Преемство византийской церковной традиции в русской книжной культуре // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 35–40. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.35-40>

Поступила: 11.04.2020

Одобрена: 25.04.2020

Принята: 11.05.2020

- В статье предпринята попытка наметить тенденцию восприятия русскими книжниками византийской церковной традиции. Автор выстраивает представление, согласно которому движение идёт от предвосхищения унаследования традиций христианской византийской церковности и государственности к процессу прямого восприятия русской церковью государственной власти и церковного авторитета церкви византийской. Византийские богословы раскол христианства трактовали как появление наряду с истинно православной церковью западной церкви, в теологии которой была осуществлена десакрализация человека. После падения Византии именно рожденная Русская православная церковь выступила в роли хранителя канонической и догматической традиции истинного православия. И, прежде всего, это выразилось в преемстве традиций целостности духовного и светского элементов власти. Автор рассматривает способ выражения этих процессов в богословско-политических трактатах рождающейся русской книжной традиции, которые и дали начало формированию специфического русского идеократического проекта. Выдвинутая русскими книжниками идеология Москвы как Третьего Рима стала возможной в силу того, что православная Русь взяла на себя важнейшую сакральную миссию.
- **Ключевые слова:** Византия; Москва — Третий Рим; Русь; православная церковь; преемственность; десакрализация; книжность; Бог; культурные миры; история.

THE CONTINUITY OF THE BYZANTINE CHURCH TRADITION IN RUSSIAN BOOK CULTURE

V.L. Afanasevsky

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia

For citation: Afanasevsky V.L. The continuity of the byzantine church tradition in russian book culture. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2020;(3-4):35-40. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.35-40>

Received: 11.04.2020

Revised: 25.04.2020

Accepted: 11.05.2020

- The article attempts to outline the trend of Russian scribes to perceive the Byzantine Church tradition. The author also builds a view that the movement goes from anticipating the inheritance of the traditions of the Christian Byzantine Church and statehood to the process of direct perception of the Byzantine Church state power and authority by the Russian Church. The Byzantine theologians interpreted the split of Christianity as the appearance, along with the true Orthodox Church of the Western Church, in which a person was the individual desecralization. After the fall of Byzantium, it was the destined Russian Orthodox Church that acted as the guardian of the canonical and dogmatic tradition of true Orthodoxy. And, first of all, this was expressed in the continuity of the tradition integrity of the spiritual and secular authorities. The author considers the way of expressing these processes in the theological and political treatises of the aborning Russian book tradition, which gave rise to the formation of a specific Russian ideocratic project. The ideology of Moscow as the Third Rome, launched by Russian scribes, became possible due to the fact that Orthodox Russia has assumed the most important sacred mission.
- **Keywords:** Byzantium; Moscow — the Third Rome; Russia; the Orthodox Church; continuity; sacralization; bookishness; God; cultural worlds; history.

В 1054 г. произошло важнейшее событие для всего христианского мира, а именно разделение Церкви на западную и восточную. Для

византийского православия очевидной стала интерпретация этого события как появление рядом с цельной истинно православной

церковью особой части, для которой был характерен отошедший от истины десакрализованный индивид. Эта часть только внешне могла считаться христианской: «Западная церковь вернулась, в каком-то смысле, к первому Риму, к тому состоянию, когда Империя ещё не была воцерковлена, ещё не приобрела особой спасительной онтологии, начавшейся с эпохи Константина Великого» [1, с. 185]. Однако, после падения Византийской империи в Царстве Православной Империи в 1453 г. эта цельная церковь нашла своё новое воплощение в Москве как Третьем Риме. По мнению православных богословов Русская православная церковь сумела сохранить все фундаментальные канонические и догматические пропорции истинной веры при наличии политической независимости Российского государства. Русская церковь сумела сохранить и выстроить симфоническую целостность христианского духовного господства и советской власти. Однако, в отличие от западноевропейского христианства, культуротворческая миссия византийского влияния распространялась, прежде всего, на пространство религиозного творчества. Это влияние русским священством и книжниками использовалось для адаптации православия к социальным и духовным особенностям русского народа: «Свою главную функцию в культуре — быть *основой православной веры* не только в отправлении церковных служб, но и в проповедовании церковной морали — древнерусская книжность выполняла до времен раскола, который разделил на Руси не только общество и церковь (по началу и клир, и мирян), но и книги» [3, с. 16]. Эта тщательно оберегаемая духовная связь между византийской церковью и становящимся русским православием позволила выстроить и духовную преемственность между Византией и Русью как двумя разными социокультурными мирами. Данный факт великолепно выразил В.В. Розанов в виде метафоры: «Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные ярости и стоны и завещала крепко их хранить России. Россия, у постели умирающего, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла их нежно к детскому своему сердцу и дала клятвы умирающему...» [7, с. 330]. И вот все эти византийские нашептывания оказались воплощёнными в трактате «Слово о Законе и Благодати» первого митрополита из русских Илариона. Здесь Московское царство было представлено в качестве исполнения пророчеств о специфической богоизбранности русского народа и русского Государя. Предвосхищая обоснованную

старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем идеологему «Москва — Третий Рим», Иларион рассматривает Москву в качестве прямой и единственной историко-культурной наследницы государственности римской (Первого Рима) и византийской (Второго Рима) империй. Именно с этой точки началась история возникновения, становления и развития того русского (российского) идеократического проекта, который сумел, в конечном счёте, увязать концепт империи с глубинами русской ментальности.

В трактате Илариона, написанном между 1037 и 1050 гг., представлена оригинальная версия богословия истории, которая представляла большой интерес для русской книжности. Это внимание определялось тем, что для русской книжной культуры универалистская парадигма истории превратилась в тот естественный контекст, в топосе которого могла быть выстроена идентичность христианского народа-неофита. В нём нашло свое выражение предчувствие разрыва целостности христианского мира и предвосхищение процесса унаследования византийского церковно-христианского опыта. Иларион сумел предложить глубокое осмысление исторических событий своей эпохи и готовности русских людей принять константинопольскую православную веру: «Благодатная вера распространилась по всей земле и достигла нашего русского народа. И озеро закона пересохло, евангельский же источник, наполнившись водою и покрыв всю землю, разлился и до наших пределов» [2, с. 38]. Однако в заключительной части «Слова» Иларион концентрированно выражает его ключевую смысловую идею, а именно идею автокефалии Русской церкви и независимости русской государственности. Этому способствовало и то, что Киевская Русь уже представляла собой высокоразвитое в культурно-историческом плане государство.

Если говорить о том, какие византийские традиции наследует русское православие, то, прежде всего, необходимо отметить неоплатонический метод умственного рассмотрения. Используя умственное зрение, русские книжники при всматривании в сущность истории, представляли время истории не как хронологию событий и фактов, но давали их интерпретацию, высвечивая конкретную направленность событий и выстраивая их прикладную взаимосвязь. Это было восприятие, прежде всего, греко-православных традиций. Как известно, ещё Платон, используя мифологические сюжеты в своих философских изысканиях, уделил огромное внимание обустройству государственного механизма.

При этом великий мыслитель не стремился к изложению действительной истории, но, используя диалектический метод, он размышлял над пятью формами устройства государства. В концепции Платона историческое движение представлено символом переплетения, искусством управления гражданами без сдерживающих и писаных законов. Представители неоплатонической философии рассматривали платоновскую дихотомию мира идей и материи (ничто) как продукт эманации Единого, где мир прекрасной материи является пристанищем человеческих душ, вечно стремящихся соединиться с исходным бестелесным Единым. Являясь бестелесной, душа, по мнению неоплатоников, после распада тела в мире феноменов восходит в сферу надфеноменальную. В христианской интерпретации отмечается, что человеческая душа постоянно стремится вернуться к Богу, что и представляется в качестве результата жизни души в историческом, временном и материальном мире. На протяжении всей своей истории античная философская мысль базировалась на древних мифологических представлениях о бесконечном движении от хаоса к космосу и обратно: «Античная мысль вообще двигалась в направлении тех формул, которые можно было бы привлечь для характеристики хаоса как принципа становления. Стали замечать, что в хаосе содержится своего рода единство противоположностей: хаос всё раскрывает и всё развёртывает, всему дает возможность выйти наружу; но в то же самое время он и всё поглощает, всё нивелирует, всё прячет внутрь. <...> Хаос мыслится как некоего рода вечность» [5, с. 581]. Православная философия базируется на идее, что полное спасение всех возможно лишь через процесс слияния с Богом, но условием этого является следование нормам праведного (правильного) богоугодного поведения. А это вытекает из того, что данные нормы заложены Богом в сущность природы человека, ибо человек был создан по образу и подобию Божию. Русские книжники как старательные восприимчивики византийского православия в своих умозрительных конструкциях сформировали представления о судьбах русского народа, который ведом своим правителем к единению с Богом. Этот правитель управляет посредством благодатных разумных законов, почерпнутых из православной сакральной истории.

Любая интерпретация исторических событий базируется на конкретных теоретических основаниях. Дело в том, что время истории формируется из определённых временных структур, которые причудливо переплетаясь,

дают возможность эксплицировать тот подход, который даёт возможность понять эти структуры. Процедура интерпретации требует наличия таких категорий, как изменение, становление, движение, развитие, которые позволяют трактовать трансформации общественной жизни. Каждая из временных структур, материально заполненная, развёртываясь в конкретном направлении, приобретает определённый смысл. Любой феномен определяется своим прошлым и определяет будущее. Общество представляет собой совокупность находящихся в конкретном пространстве и времени индивидов, деятельность которых имеет определённую векторную направленность. Именно поэтому процедура интерпретации исторического времени представляет собой придание смысла действиям индивидов, их прошлого и будущего [см. подробнее об этом: 4]. В своём большом трактате «О граде Божьем» Аврелий Августин впервые чётко сформулировал и обосновал идею о векторной направленности исторического процесса. Поэтому христианское пространство — это пространство историческое: от первого пришествия ко второму. Если с этой позиции проанализировать подход Илариона к интерпретации исторических событий в «Слове о Законе и Благодати», то выстраивается следующий образ.

Бог даёт людям постоянно становящийся Закон сущего с той целью, чтобы они сумели преодолеть хаос природных сил. Этот Закон находит своё выражение в Евангелиях. Каждому индивиду этот Закон вверяется посредством таинства крещения, тем самым «вводя в обновление воскресения жизни вечной». Закон является слугой Благодати и Истине, предназначенных для будущей нетленной жизни. Конкретное выражение такого становления Иларион видит в библейском повествовании об Аврааме и Сарре, которым было предначертано оставаться бездетными по установлению природных стихий. Однако Бог, послав им своего Сына, тем самым явил Благодать. Иларион отмечает, что Благодать уже являлась тайной в зрелости Сарры, была утаена мудростью божьей, но в старости Сарры Благодать явилась к ней. Родив сына Исаака, Сарра обрела Истину, но не Закон: «Так движется благодатная вера по всей земле, евангельский источник божественной мудрости распространён на всей земле и проявляется в нашей стране» [2, с. 40]. Как и весь христианский мир, русичи прославляют святую троицу, войдя в соборность Православия. Иларион рассматривает русское государство как место развёртывания Закона Священного

писания в судьбах людей. Этот Закон был дан им при крещении Руси. Именно таким образом Русь обрела путь объединения с божественным в нетленной жизни.

Иларион исходит из того, что каждое государство и его народ по учению православной веры своей историей обязаны конкретному учителю, которого они почитают и прославляют: «Римская страна хвалит Петра и Павла, ... Индия — Фому, Египет — Марка». Русь своей верой и историей обязана великому князю Владимиру, внуку Игоря, сыну Святослава, которые «славно властвовали не где-нибудь, но в Русской земле, известной везде, во всех концах света» [2, с. 56]. Деятельная личность князя Владимира выступает в качестве объективной основы, задающей принятие веры становящегося Закона в мире русичей.

Подтверждая соборность православия с входящим в него русским народом, Иларион описывает свой город Киев, где, по его мнению, благоверие разлито в святых церквях и где славят Христа и поклоняются его имени. Принимая всю настоящую земную реальность, Иларион трактует историю посредством описания величественного Киева с растущим христианством как ожидающего благодати от Вечного Бога, а, следовательно, и от соборного христианского мира, устремлённого к вечному трансцендентному. Киев в описании Илариона предстаёт как город, «блистательно освещаемый иконами святых, благоухающий фимиамом и оглашаемый хвалами и святым божественным пением во имя благого Бога» [2, с. 56], который выстроил его во славу Закона-логоса, данного русичам Богом при крещении.

Если «Слово о Законе и Благодати» Илариона предстаёт в качестве предвосхищения унаследования христианских византийских традиций, то в «Повести о Новгородском Белом Клобуке» прямо высказывается мысль о непосредственной преемственности Русской церковью власти и церковного авторитета Церкви византийской. Автор повести, вероятно, им был переводчик Дмитрий Герасимов, писал на русском языке в конце XV в. Падение же Константинополя, то есть Второго Рима, датируется 1453 г., то есть произошло в середине XV столетия. Специалист по древнерусской и византийской литературе, богослов Г.М. Прохоров констатирует, что «свое универсальное христианское государство, Римскую империю, византийцы всегда должны были считать обречённой. И — не вследствие конечности мира. Ещё во время, о котором, как и о конце света, ничего невозможно точно сказать, они провидели торжество и царство

антихриста» [6, с. 3]. Начало мира совпадает с актом творения. За шесть дней был создан весь мир. Однако шестой день, продолжаясь «тысячи», ведёт к окончанию всего и всякого. Бог в один день вместил тысячу лет. В период с начала образования Византии до 1453 г. прошла тысяча лет византийской истории — время благодатной свободы. Но Второй Рим, павший под ударами турок, по мнению русских книжников пал именно в результате своего духовного падения. Несмотря на то что ожидание конца света захватило русских православных гораздо позднее, чем жителей Западной Европы, а именно в конце XV в., русская православная церковь выработала представление, согласно которому Святая Русь как государство Святого Духа должно стать «островом спасения» для подлинной православной веры, для Благодатной свободы всего христианского мира. Именно на Святой Руси должны переплестись в гармоничном единении «духовное владычество» и «временная власть». Здесь «последние станут первыми». Русские православные церковные иерархи и писатели считали, что фундаментом русской государственности должна стать симфония власти, при которой власть политическая должна находиться в гармонии с ключевой для православной веры устремленностью церковного домостроительства.

Третий Рим как апокалиптическая держава XV–XVII столетий утверждал отдаление краха павшего мира, ибо на двести лет (с 1453 по 1656 г.) задерживал приход «сына погибели» с его патриаршеством и уникальным в мировой истории феноменом православного царизма. Именно 1656 г., ознаменовавшийся реформами патриарха Никона, с его стремлением распространить спасительный свет русского православия, многими трактовался как год падения Третьего Рима. В этих исторических событиях переплетениях в «Повести о Новгородском Белом Клобуке» тщательно выработывается новое толкование исторического процесса. В повести констатируется, что после реформ патриарха Никона подлинный христианский мир потерял своё единство, ибо оказался расколот на благочестивую веру Христову и «скверныхъ латынь». Латинские священники, «отнюдь не любя христовой веры и учений и святых преданий», отвергают поклонение перед святыми иконами; в то время как православные священнослужители «украшены постом и всякой добродетелью». Формирование в православном сознании представлений о наличии позитивного и негативного полюсов высвечивает только внешнее единство Церкви. В действительности же

в своем отношении к Богу она уже не является однородной. По мнению православных богословов, Бог может судить о человеческой душе по её творческим проявлениям в материальном мире, ибо телесное рассматривалось в качестве поддержки человека в его стремлении к соединению с трансцендентным — своей творческой активностью индивиды прославляют божественного Создателя.

Фундаментальное различие западного и восточного христианства, воплощенное материально, автор «Повести о Новгородском Белом Клобуке» демонстрирует на образах определённых исторических деятелей. Латинянин Римский папа, направляемый бесами, решительно не принимает предания о святых и истинную христианскую православную веру. Это он делает сознательно и умело, ибо он разумом «злехитр» и лукав. Он закончил свою жизнь очень некрасиво: его тело изуродовала неизлечимая болезнь, а его лукавый разум сподвиг его на такие поступки, узнав о которых, горожане Рима не проигнорировали его погребение и прокляли его. В свою очередь Константинопольский патриарх Филофей как глава истинной православной церкви характеризуется как честный и открытый человек, но в то же время, прельстившийся «святым клобуком, добротой сияющим» и стремился сохранить его в Константинополе, в то время как он должен был передать эту священную реликвию в землю Русскую, так как только там «и ныне воистину славима есть Христианская Вера» [6, с. 88]. Когда же клобук и дары Филофея прибыли на Русь и русский архиепископ Василий, характеризуемый как добродетельный, прочитал грамоты патриарха, то он «воздал славу Богу и возрадовался». И далее! После акта надевания клобука на «главу свою», от иконы с изображением господина доносилось — «Святая Святим!». Приведённые характеристики этих конкретных исторических персонажей призваны были показать различные моменты исторического процесса, а через них и процедуру формирования Руси как истинно православного государства, Богом избранного на эту роль.

Сама православная история трактовалась русскими книжниками следующим образом. Сотворив человека по образу своему и подобию и запретив ему вкушать «плоды с древа добра и зла», Бог поставил человека в ситуацию экзистенциального выбора, он наделил его свободой. Именно в этом акте можно усмотреть божественное установление Добра и Блага. Если сотворённый по образу и подобию Бога человек в своих действиях движется вопреки своей природе, то, следовательно, он

нарушает божественные установления — он творит зло. Такая трактовка смысла исторического процесса продемонстрировала современникам православный образ исторического становления. Автор «Повести о Новгородском Белом Клобуке» чётко противопоставляет погрязший в ереси латинский Рим и культивирующую истинно православную веру в Святую Русь. Он рисует следующую картину истории православия: люди Ветхого Рима «отпали от славы и веры христовой гордостью своей по своей воле», но в Новом Риме христианская вера погибнет «насилием агарянским», и только в Третьем Риме, на русской земле возвысится благодать Святого Духа. Данное выражение вектора истории автор «Повести» вкладывает в уста папы Сильвестра, который занимал папский престол в латинском Риме в эпоху становления христианства в IV столетии. Однако так как католики не оправдывали надежд «вседержителя», то Сильвестр, прибыв к патриарху Византии, предлагает передать клобук, являющийся венцом священной власти, в царство Русское во имя Иисуса Христа [см.: 6].

Сам смысл исторического развития здесь совпадает с интерпретацией истории в «Повести», ибо папа Сильвестр предсказывает, что все христиане объединятся в симфоническом Царстве Русском во имя истинной православной веры. И в дальнейшем истинная вера будет прославляться именно православными русичами. Подтверждением этому является акт передачи священного клобука русской православной церкви, что и ставит её в положение венценосной. В дополнение к этому русские книжники утверждали необходимость передачи русскому государю царского венца императора Византии. Только тогда «всё святое будет передано от Бога великой Русской земле в свои времена, и царя русского возвеличит господь на многих языках. Под властью их — патриарха и царя — будет много царей иноязычных... Страна наречётся Светлая Россия, Богу так изволившему прославить таким благодарением русскую землю» [2, с. 98].

Таким образом, разрабатывая свою интерпретацию направленности исторических событий, окрашивая их в цвета истинной православной верой, русские книжники как XI, так и XV столетий выражали церковную и государственную миссию Руси — воспринять традиции Византийской православной церкви и византийской имперской государственности. Руси было суждено, по их мнению, сотворить гармоническое единение Царствия и Царства в государстве Святого

Духа — Светлой Руси. Сам акт провозглашения Москвы в качестве Третьего Рима стало возможным не только и не столько потому, что она выступила как восприемница византийского имперского статуса, а, прежде всего, в связи с тем, что она приняла на себя конкретную сакральную миссию.

Литература

1. Дугин А.Г. Пути Абсолюта // Дугин А.Г. Абсолютная родина. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – С. 5–206. [Dugin AG. Puti Absolyuta. In: Dugin AG. Absolyutnaya rodina. Moscow: ARKTOGEYA-centr; 1999. P. 5-206. (In Russ.)]
2. Иларион. Слово о Законе и Благодати. – М.: Столица, Скрипторий, 1994. – 146 с. [Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati. Moscow: Stolitsa, Skriptoriy; 1994. 146 p. (In Russ.)]
3. Киселева М.С. Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности. – М.: Индрик, 2000. – 256 с. [Kiseleva MS. Uchenie knizhnoe: tekst i kontekst drevnerusskoy knizhnosti. Moscow: Indrik; 2000. 256 p. (In Russ.)]
4. Лосев А.Ф. Античная философия истории. – М.: Наука, 1977. – 207 с. [Losev AF. Antichnaya filosofiya istorii. Moscow: Nauka; 1977. 207 p. (In Russ.)]
5. Лосев А.Ф. Хаос / Мифы народов мира. Т. 2. – М.: Российская энциклопедия, 1994. – С. 579–581. [Losev AF. Khaos. In: Mify narodov mira. Vol. 2. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya; 1994. P. 579-581. (In Russ.)]
6. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. – Л.: Наука, 1987. – 293 с. [Prokhorov GM. Pamyatniki perevodnoy i russkoy literatury XIV–XV vekov. Leningrad: Nauka; 1987. 293 p. (In Russ.)]
7. Розанов В.В. Русская Церковь. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С. 327–354. [Rozaov VV. Russkaya Cerkov'. Sochineniya v dvukh tomakh. Vol. 1. Moscow: Pravda; 1990. P. 327-354. (In Russ.)]

▪ Информация об авторе

Вадим Леонидович Афанасьевский — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России», Самара. E-mail: adler_vadim@mail.ru.

▪ Information about the author

Vadim L. Afanasevsky — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russia. E-mail: adler_vadim@mail.ru.

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ В ФИЛОСОФИИ М.М. БАХТИНА*Н.В. Барабошина*

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Самара

Для цитирования: Барабошина Н.В. Феномен границы в философии М.М. Бахтина // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 41–47. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.41-47>

Поступила: 27.03.2020

Одобрена: 01.05.2020

Принята: 28.05.2020

▪ В статье даётся анализ феномена «граница» в философии М.М. Бахтина. Аргументирован тезис, что граница в концепции М.М. Бахтина может быть рассмотрена как диалог, в котором каждая реплика участников представляет собой полноценное вопрошание о бытии, требующее индивидуальной ответственности и соотнесённости смыслов. Граница в теории Бахтина рассматривается с позиции «участного мышления», как момент перехода в ответственном деянии, в котором человек утверждает бытие. Показана перспективность рассмотрения границы как со-бытия (события) — момента смыслополагания в ситуации «контекстуально-событийной мотивированности» и самоопределения человека в мире культуры. В статье обозначен потенциал «границы» как одного из значимых концептов в «антропологической онтологии» Бахтина и современной философии.

▪ **Ключевые слова:** диалог; граница; полилог; участие мышление; высказывание; интертекстуальность; со-бытие.

BOUNDARY PHENOMENON BAKHTIN'S PHILOSOPHY*N.V. Baraboshina*

Samara State Medical University, Samara, Russia

For citation: Baraboshina N.V. Boundary phenomenon Bakhtin's philosophy. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(3-4):41-47. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.41-47>

Received: 27.03.2020

Revised: 01.05.2020

Accepted: 28.05.2020

▪ The article analyzes the phenomenon of “boundary” in the philosophy of M.M. Bakhtin. The thesis that the boundary in the concept of M.M. Bakhtin can be considered as a dialogue in which each remark of the participants presents a full-fledged questioning about being, requiring individual responsibility and correlation of meanings. The boundary in Bakhtin's theory is considered from the perspective of “participatory thinking,” as the moment of transition in a responsible act in which a person affirms being-co-being. The perspective of considering the boundary as an event (event) — the point of meaning in a situation of «context-event motivation» and self-determination of a person in the world of culture is shown. The article outlines the potential of the “boundary” as one of the significant concepts in Bakhtin's “anthropological ontology” and modern philosophy.

▪ **Keywords:** dialogue; boundary; polylogue; participatory thinking; utterance; intertextuality; co-being.

Антропологический поворот начала XX в. обозначил поворот философской мысли к человеку. Но, достаточно быстро, стала очевидной неувлачиваемость для рационального мышления индивидуальной жизни человека в ситуации единственного и неповторимого со-бытия. Традиционный, неоднозначно центрированный, культурно детерминированный, существенно определённый субъект в поисках

ответа на вопрос: «кто я есть?» вынужденно обращается за пределы себя, к Другому. В этом антропологическом поиске, обозначенном метафорично как «смерть человека» [14, с. 362], «смерть автора» [2], особый интерес представляет анализ конструктов, связанных с практиками трансформации и конституирования субъективности вне логики тождества, вне жёстких предметных

областей, которые Ж. Делез определяет с позиции *doxa* (репрессивности общепринятого), а М. Хайдеггер объясняет как механизм «освобождения» человеческой экзистенции из её фактического присутствия. Назревшая потребность в создании новой антропологической модели позволяет обратиться к концептам «различия», «диалога», «границы», поскольку, согласно замечанию С.С. Хоружего, наиболее точный способ определения чего-либо «состоит в указании его Иного, того, что отлично от него и тем самым, конституирует его предел, границу» [15, с. 15].

М.М. Бахтин, остро чувствуя кризис антропологической ситуации своего времени, в своих работах выразил это непреодолимое влечение Человека к «горизонту» своего существования, к своему пределу. Человек у Бахтина выкристаллизовывается только как совокупность неких предельных проявлений в усилии поступка на границе культурных сред. Человек у Бахтина полифоничен и многомерен, обращен к Другому как со-участнику со-бытия.

Идея Бахтина заключалась в том, чтобы ввести в диалог между Субъектом и Другим понятие границы, обозначаемой словом «между». Дело в том, что Бахтин не приемлет идею «Я» как оппозиции, которая обретает смысл только в противопоставлении себя (зачастую в конфликте) окружающей действительности. Для Бахтина не так важна идея свободы человека как автономного внешнему миру сознания, обречённого всю жизнь переживать несовпадение должного и сущего. Бахтина также нельзя в полной мере считать экзистенциалистом, поскольку он не акцентирует внимание на том, что представляет собой человек как «голая биологическая субъективность, акти-потребность», переживающая заброшенность, кризисность, безысходность, одиночество в мире [4, с. 8]. Но для Бахтина важна сама идея поступательного участия в мире жизни и творчества, которая проявляется «между» как «бытие со-бытия».

Не получая чёткого понятийного оформления, идея границы/межи присутствует во всех основных трудах М.М. Бахтина. В работе «Проблемы поэтики Достоевского» она представлена как идея социального контекста, поле социального и коммуникационного смыслообразования, в «Философии поступка» как «участное мышление» и, спустя несколько лет, в работе «Формальный метод в литературоведении» как концепт «между»: «Мы охотнее всего представляем себе идеологическое творчество как какое-то внутреннее дело понимания, постижения, проникновения и не

замечаем, что на самом деле оно всё сплошь развернуто во-вне — для глаза, для уха, для рук, что оно не внутри нас, а *между нами*» [8, с. 190]. Таким образом, феномен границы концептуально присутствует в работах Бахтина и, на наш взгляд, является «ключом» к пониманию идей «антропологической онтологии».

Бахтин отказывается от традиционного для философии тождественного самому себе субъекта и предлагает интерсубъективную модель децентрированного субъекта, который в каждый момент Диалога стремится к установлению собственной идентичности, посредством различения, отделения себя от окружающего (природного и социального) мира. Механизмом такого смысловозначения, самоопределения, самоотнесения служит граница, которая, не имея собственной внутренней территории различает и соединяет различаемое. Бахтин, анализируя диалоги в романах Достоевского, обращает внимание на то, как умело автор «придвигает» к границам судьбы, переживания, идеи людей, где «всё как бы готово перейти в свою противоположность» [7, с. 89]. Как отмечает В.Г. Каганский, анализируя подход М.М. Бахтина, жизнь человека всюду «чревата границами» и перманентной их генерализацией [12]. Граница — есть означивание. А.А. Сауткин отмечает, что Бахтин хотел подчеркнуть отсутствие у человека собственной суверенной территории, отсутствие возможности видеть себя «своими глазами», но только глазами Другого. Другими словами, у человека нет ничего своего (даже собственное сознание, видение не может быть замкнутым на себе самом), «но все значения вырабатываются на вышеупомянутой границе как созданные в диалогическом напряжении различных сознаний» [13, с. 18].

В теории Бахтина интерсубъективность фактически предстаёт как интертекстуальность. Бахтина интересуют не сами интенциональные акты, но состояние непосредственного диалога как открытой коммуникации, как высказывания, как «мысли изречённой». Первые представления о себе самом, всё что человек мыслит о себе он слышит о себе от других, начиная со своего имени, произнесенного матерью — интонации и эмоционально-ценностные тональности пробуждают сознание человека из небытия [3, с. 34]. Диалогичность — это само свойство языка, отдельной фразы и слова (двухголосое слово у Бахтина). Любая единица языка, наполненная мыслями, экспрессивными средствами, смысловыми оборотами другого предстает

как «потенциальный текст». Бахтин пишет: «Логические и предметно-смысловые отношения, чтобы стать диалогическими, как мы уже сказали, должны воплотиться, то есть должны войти в другую сферу бытия: стать словом, то есть высказыванием, и получить автора, то есть творца данного высказывания, чью позицию оно выражает» [7, с. 206].

Так, для Бахтина, особенно важна фигура автора, поскольку только на примере созданного им произведения возможно проследить сам процесс разграничения, освобождение мыслью себя для поступка. По мнению Бахтина, гений Достоевского состоял в том, что он был мастером сохранения дистанции (артикуляции границы), при которой Идея не принадлежит автору (не воспроизводится от имени героя, не обозначается как общая мораль произведения и способ видения автора), но постоянно «нащупывает» себе оппонента, требует ответа от участников действия и читателя на многочисленные вопросы в ходе полилога [7, с. 90–99]. Другими словами, Бахтин говорит о «высказывании» как механизме ограничения смысловой позиции говорящего. Поэтому, по мнению А.Б. Бочарова, не язык или «речь» рассматриваются Бахтиным как первичные акты мышления, а текст, в том значении, в котором его будет использовать позднее структуралистский анализ [9].

Бахтин подробно описывает процесс разграничения как процедуру различения, смыслообразования. Границы высказывания в теории Бахтина определяются сменой говорящего и слушающего, это точка соприкосновения смыслов — того, что вложено в текст изначально и того, что стало результатом «вменения смысла». В ходе диалога невозможно говорить о чем-либо предзаданном (тождественном), сюжетном, формальном, данным как основание для сравнения, предшествующем мысли. Принудителен только сам диалог (необходимость восприятия Другого): «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса — минимум жизни, минимум бытия» [7, с. 280].

Бахтин полагает, что в произведении для определения границы высказывания также важен показатель завершенности. Он достигается за счёт внутренней смены речевых субъектов, когда читатель чувствует, что автор сказал всё, что к настоящему моменту он запланировал сказать, но, тем не менее, имеется и некая незавершенность, побуждающая к ответу, обладающее реактивной силой слово, которое требуется произнести автору для мобилизации читателя.

Завершенность в произведении определяется тремя критериями. На наш взгляд, их можно считать самым механизмом разграничения.

Первое условие — предметно-смысловая исчерпанность — некий смысловой минимум, который позволяет дать ответную реакцию в пределах определённого авторского замысла. Бахтин неоднократно подчеркивает, что объективно нельзя говорить о неисчерпаемости предмета, но, будучи темой высказывания (текстом научной статьи, художественным текстом), он обретает относительную завершенность (единство) в заданных автором условиях и авторских целях, при определённом ракурсе рассмотрения вопроса, при особых контекстуальных данных.

Еще одним аспектом разграничения является, по Бахтину, речевой замысел или речевая воля автора как субъективный акт высказывания сопряжённый с конкретной ситуацией общения, её предметно-смысловой стороной. Речевая воля звучит как убежденность, которая позволяет читателю понять ситуацию сверх объёма сказанного текста, ощутить себя частью саморазворачивающегося хода диалога.

Третий аспект границы — это жанровая форма высказывания. Выбранный жанр окончательно оформляет речевую волю говорящего в индивидуальной ситуации общения. Причем речь может идти не только о специфических художественных жанрах, но и обыденной топики речи, которая вырабатывается в ходе повседневного общения и в любом случае приобретает характер жанровой формы даже без теоретического обоснования. Другими словами, любой человек обладает способностью восприятия жанрового целого, улавливая нюансы композиционного построения речевого потока. Разнообразие этих жанров столь велико, что существует множество типологий лингвистических жанров (профессиональных, исторических, искусствоведческих), что по мнению самого Бахтина заслуживает от исследователя их общелингвистическую природу, не позволяет рассматривать слово как коррелят сознания.

М.М. Бахтин предлагает делить жанры на простые и сложные. Простые, первичные жанры — это реплики бытийного диалога, предполагающие «непосредственное отношение к реальной действительности и к реальным чужим высказываниям» [6, с. 161]. Сложные жанры предполагают сложные и глубокие по природе высказывания, ставящие своей целью охватить важнейшие грани смысла (таковы, например,

полилогические романы Ф.М. Достоевского). Е.Я. Бурлина, следуя логике Бахтина, предлагает мыслить жанр многоаспектно — как тип художественного произведения, форму пространства-времени, а в качестве метажанра, как формообразование определенной эпохи. По мнению Бурлиной, жанрообразование может рассматриваться как «цитология культуры», как мироанализ, позволяющий раскрыть принцип смыслообразования от единичного высказывания до оформленной смысловой структуры [10, с. 9–12].

Эвристический потенциал идеи границ текста в теории Бахтина позволяет проследить, как речевые структуры «сорбируют» смысл, отделяя его от единиц языка и преобразуя в готовое решение, в убежденность поступать определённым образом, в необходимость выразить себя, сделать действительным и действующим. Бахтин не понимает высказывание как некий предмет речи (то, о чем я хочу сказать), но понимает его деятельностно, как потенциал раскрытия мысли в определённой ситуации и относительно Другого [11, с. 88]. Высказывание имеет смысл только относительно «целостного активно-ответного понимания», которое, с свою очередь актуализуется в последующем ответе как «участное мышление», как единство мысли, высказывания и следующего за ним действия [6, с. 169]. В этом суть философии поступка Бахтина.

В самом начале своей работы «К философии поступка» Бахтин определяет существенные черты поступка: ответственный поступок есть осуществление решения уже безысходно, непоправимо и невозвратно; поступок — последний итог, всесторонний окончательный вывод; поступок стягивает, соотносит и разрешает в едином и единственном и уже последнем контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо всё входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда [4, с. 7]. В.А. Конев, развивая идею Бахтина обращает внимание на то, что действие обретает характер поступка при определённости, устремлённости, направленности действий в соответствии осознанным планом исходя из контекста. Поступком может считаться не любая активность человека, но ответственное деяние, в котором человек утверждает бытие-со-бытие. Поэтому, «ответственность для Бахтина является не ответственностью перед кем-то, а онтологической ответственностью за что-то, за то событие, которое возникает» [13, с. 73].

Любой поступок, по Бахтину, несёт в себе оценку, суть этой оценки в разграничении, выявлении сути происходящего и в осознанности действия как личного поступка. Поэтому Бахтин говорит о поступке-признании, удостоверяемым подписью и решением брать обязательство. В этом плане всё содержание поступка есть момент перехода границы, в котором соединяются единственное и неповторимое, эмоционально-волевое и конкретно-индивидуальное со-бытие-бытие. Причем, человек несёт ответственность не за истинность, правильность решения, а за его единственное возможное в конкретной ситуации утверждение-неутверждение: «Ведь можно пройти мимо смысла и можно безответственно провести смысл мимо бытия», — пишет Бахтин [4, с. 42].

Может ли человек избавиться от этой ответственности? Переложить её на Другого? Бахтин считает, что нет. Нудительная сила диалога, длящегося всю жизнь принуждают человека выбирать, различать и брать ответственность за свой выбор. Бахтин пишет: «Я в мире безысходной действительности, а не случайной возможности» [4, с. 42]. Человек в теории Бахтина не может быть безразличным, не имеет права на уклонение от ответственности, поскольку сам процесс диалога как разграничения, побуждает к «поступку», каким должна явиться вся его жизнь. В этом плане, поступок в теории Бахтина может рассматриваться как категория онтологическая и одновременно эстетическая, поскольку «искусство и жизнь не одно», но должны обрести единство в ответственности человека как единство слов, переживаний, действий, прошедших через нравственное сознание [5, с. 8].

Ещё одной пограничной темой в творчестве Бахтина является тема самоопределения человека в культуре, возможности культуры как самостоятельной сферы человеческого бытия. Общие представления Бахтина об устройстве сферы культуры известны: «Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её... <...> Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьёзность и значительность; отвлечённый от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [4, с. 262]. И в этом плане для Бахтина очень важна идея культуры как выхода мышления из пределов жёстких границ к диалогу на границе. Бахтин не мыслит границы культуры как окончательные (они устанавливаются,

стираются, заменяются новыми), их предназначение — фиксировать логику развития смыслов в горизонте культуры. Иными словами, культура для Бахтина возможна только как открытая коммуникационная модель, как разговор на границе о границах человеческого бытия.

Любой человек с самого рождения вовлечен «в работу границ, производящих сходства и различия», отождествляя себя с чем-то уже данным или противостоя ему. В этом плане — задача человека состоит в том, чтобы приблизиться к антропологической границе, требующей жизни на пределе диалогических возможностей, в ситуации «контекстуально-событийной мотивированности» и переживаемости со-бытия. Для Бахтина показателен тот факт, что наука говорит о культуре как об исторически действительном бытии, как об особом отвлечённом предмете, вне контекста содержания-акта конкретного действия в момент смыслопорождения. По мнению Бахтина, происходит подмена реальности на объективированную фикцию, тогда как должно быть по-другому: «Истинно реален, причастен единственному бытию-событию только этот акт в его целом, только он жив, полностью и безусловно есть, становится, свершается, он действительный живой участник со-бытия-бытия: он приобщён единственному единству свершающегося бытия, но эта приобщённость не проникает в его содержательно-смысловую сторону, которая претендует самоопределиться сполна и окончательно в единстве той или другой смысловой области: науки, искусства, истории, а эти объективные области, помимо приобщающего их акта, в своем смысле не реальны» [4, с. 7]. Такая ситуация приводит к взаимному отторжению мира культуры и мира жизни. Ключевая идея философии Бахтина состоит в том, чтобы восстановить это единство в процессе «участного мышления» в пограничной ситуации, в точке, где конкретная ситуация жизни понимается как «конечность» моего поступающего («нравственного») бытия в соотнесении с предметным содержанием моей мысли. Это и есть момент совпадения мира единого и единственного события бытия [4, с. 45].

Тогда возникает вопрос: «А возможна ли культура как целостность в отсутствие границ и при наличии множества неповторимых ценных миров?» Бахтин отвечает на этот вопрос положительно, говоря о том, что множество поступающих субъектов тем не менее сохраняют целостность действительного мира: «Нудительно-конкретно-реальная значимость действия в данном

единственном контексте (каким бы он ни был), момент действительности в нём и есть его ориентация в действительном единственном бытии в его целом» [4, с. 8]. В этом плане, культура представляет собой не готовую отвлечённую модель, а конкретный план как произведение мира единого и единственного поступка. Культура не может существовать как искусственный мир культурных продуктов, где мыслимое отделено от событийного контекста, где диалог невозможен, но может существовать как содержание теоретического знания о мире, существующего в своих границах осмысленного, но любой человек отчетливо осознает это несовпадение с тем единственным миром бытия-со-бытия человеческой жизни. В данном контексте граница «между» всегда онтологически событийна, даже в отсутствие активного взаимодействия, она «междучеловечна и межпредметна». М.М. Бахтин пишет: «Только изнутри моей участности может быть понята функция каждого участника. На месте другого, как и на своём, я нахожусь в том же бессмыслии» [4, с. 21]. Попадание в «правду» дела, как обретение смысла, по мнению Бахтина, происходит, когда между человеком и предметной средой или другими людьми хронотопически (здесь и сейчас). Бахтин фактически предугадывает культурную ситуацию второй половины XX в., когда культура становится пространством самовыражения, демонстрации, декларативного слова. Это пространство многоголосья, где каждый хочет высказаться и жаждет быть услышанным, Бахтин прогнозирует идею непрекращающегося полилога, в который погружено сознание обывателя и где любой текст подлежит прочтению.

Таким образом, анализируя теорию Бахтина, возможно проследить, как в первой половине XX в. философия избавляется от так называемой презумпции объективного субъекта и обращается к анализу практик конструирования субъективности в ходе диалога. Интерсубъективное взаимодействие предстаёт как линия напряжения «Я – Другой», определяется «прочерчиванием границ» в разных направлениях, начиная от принятия-непринятия, через согласие-несогласие, готовность дать ответ — нежелание продолжать общение (отторжение). Диалог невозможен как обмен единицами языка (буквами, словами, предложениями) в системе языка, но возможен как ограничение самого высказывающегося относительно Другого. Сложные жанры насколько не теряют этого принципа ограничения, но требуют особых внутренних границ,

которые только частично обеспечиваются за счёт жанра. Граница задаётся завершённой целостностью высказывания, которая возможна при соблюдении трёх принципов — разной степени предметно-смысловой исчерпанности темы высказывания; постижения речевого замысла или речевой воли говорящего; и устойчивой жанровой формы высказывания. Человек становится человеком только на границе. Как отмечает С.С. Аванесов: «Мир даёт человеку сбываться в качестве человека» [1, с. 129]. Социальный контекст, непрекращающийся диалог не позволяет сознанию замыкаться в самом себе и сам мир оказывается возможным только в акте действительного участия как единственный и уникальный, по библейскому принципу: «Да будет!» за который человек отвечает всей своей жизнью [13, с. 73]. Граница — это межа, на которой свершается человек и осуществляется его жизнь, это точка сборки мира с его условием в виде нравственного сознания, это и есть тот горизонт практической онтологии о котором размышляет Бахтин. Вскрыть сущность границы — значит опередить «между» как диалогическую и полифоническую структуру различия до поступательного предела, который оборачивается единством и единственностью выбора.

Литература

1. Аванесов С.С. К вопросу «человеческой» онтологии: актуальность мысли М.М. Бахтина // *Человек.RU*. – 2017. – № 12. – С. 127–158. [Avanesov SS. To the problem of “human” ontology: actuality of bakhtin’s thought. *Chelovek.RU*. 2017;(12):127-158. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.32691/2410-0935>.
2. Барт Р. Смерть автора // *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – С. 384–391. [Bart R. Smert’ avtora. In: *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. Moscow: Progress, Univer; 1994. P. 384-391. (In Russ.)]
3. Бахтин М.М. Из записей 1970–71 гг. // *Эстетика словесного творчества*. – М.: Искусство, 1979. – 423 с. [Bakhtin MM. Iz zapisey 1970-71 gg. In: *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo; 1979. 423 p. (In Russ.)]
4. Бахтин М.М. К философии поступка. *Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 20-х гг.* – М.: Русские словари, 2003. – С. 7–68. [Bakhtin MM. K filosofii postupka. *Sobr. soch. Vol. 1. Filosofskaya estetika 20-h gg.* Moscow: Russkie slovari; 2003. P. 7-68. (In Russ.)]
5. Бахтин М.М. *Литературно-критические статьи*. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с. [Bakhtin MM. *Literaturno-kriticheskie stat’i*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura; 1986. 543 p. (In Russ.)]
6. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. *Собр. соч. Т. 5. Работы 1940–1960 гг.* – М.: Русские словари, 1996. – С. 159–206. [Bakhtin MM. Problema rechevykh zhanrov. *Sobr. soch. Vol. 5. Raboty 1940-1960 gg.* Moscow: Russkie slovari; 1996. P. 159-206. (In Russ.)]
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. *Собр. соч. Т. 6.* – М.: Русские словари, 2002. – 505 с. [Bakhtin MM. Problemy poetiki Dostoevskogo. *Sobr. soch. Vol. 6.* Moscow: Russkie slovari; 2002. 505 p. (In Russ.)]
8. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. *Марксизм и философия языка: статьи*. – М.: Лабиринт, 2000. – 640 с. [Bakhtin MM. Freydzizm. Formal’ny metod v literaturovedenii. *Mark-sizm i filosofiya yazyka: stat’i*. Moscow: Labirint; 2000. 640 p. (In Russ.)]
9. Бочаров А.Б. М.М. Бахтин: от филологии к философии, от металингвистики (метариторики) к философии языка // *Русская и европейская философия: пути схождения*. [Bocharov AB. M.M. Bahtin: ot filologii k filosofii, ot metalingvistiki (metaritoriki) k filosofii yazyka. In: *Russkaya i evropejskaya filosofiya: puti skhozheniya*. (In Russ.)] Доступно по: <http://anthropology.ru/ru/text/bocharov-ab/mm-bahtin-ot-filologii-k-filosofii-ot-metalingvistiki-metaritoriki-k-filosofii>. Ссылка активна на 04.04.2020.
10. Бурлина Е.Я. Жанр в контексте культуры и научной рефлексии // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. – 2014. – № 1–2. – С. 9–21. [Burlina EYa. Genre in the context of culture and scientific reflection. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2014;(1-2):9-21. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.12217-2.17>.
11. Гуревич П.С. Расколотость человеческого бытия. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с. [Gurevich PS. Raskolotost’ chelovecheskogo bytiya. Moscow: IF RAN; 2009. 199 p. (In Russ.)]
12. Каганский В.Г. Ситуация границы и логико-семиотические типы границ // *Международный журнал исследований культуры*. – 2015. – № 4. – С. 5–27. [Kaganskiy VG. The situation of the border and logico-semiotic boundary types. *International culture research magazine*. 2015;(4):5-27. (In Russ.)]
13. Конев В.А. Монологи в диалоге о едином и различии // *Смыслы культуры: сб. ст.* – Самара: Из-во «Самарский университет», 2016. – С. 67–94. [Konev VA. Monologi v dialoge o edinom i razlichii. In: *Smysly kul’tury: sb. st.* Samara: Iz-vo “Samarskiy universitet”; 2016. P. 67-94. (In Russ.)]

14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, ОЗТ «Талисман», 1994. – 407 с. [Fuko M. Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnyh nauk. Transl. V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. Saint Petersburg: A-cad; OZT "Talisman"; 1994. 407 p. (In Russ.)]
15. Хоружий С.С. Человек: сущее, трояко размыкающее себя // Очерки синергийной антропологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 408 с. [Khoruzhiy S.S. Chelovek: sushchee, troyako razmykayushchee sebya. In: Ocherki sinergiynoy antropologii. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy; 2005. 408 p. (In Russ.)]

▪ **Информация об авторе**

Наталья Владимировна Баробошина — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России, Самара. E-mail: baraboshina@mail.ru.

▪ **Information about the author**

Natalia V. Baraboshina — Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University, Samara, Russia. E-mail: baraboshina@mail.ru.

Д.Д. ШОСТАКОВИЧ В САМАРЕ — УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРОЕКТ**Е.Я. Бурлина**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Самара

Для цитирования: Бурлина Е.Я. Д.Д. Шостакович в Самаре — университетский проект // Аспирантский вестник Поволжья. — 2020. — № 3–4. — С. 48–54. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.48-54>

Поступила: 30.04.2020

Одобрена: 12.05.2020

Принята: 29.05.2020

- Актуальность крупнейшего события мировой культуры XX в. — премьеры Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича, исполненной 5 марта 1942 г., в Куйбышеве (ныне Самаре). Автор статьи выдвигает гипотезу о закреплённости в гомосфере города определённого образа Шостаковича, а именно автора «военной симфонии». Другие сочинения, созданные им в «запасной столице», не получили философско-культурологического осмысления. В статье излагается также проективная идея: музыка Шостаковича как промоутер университетов. В данной работе впервые описывается интернациональная презентация альманаха и выставки «Самарское приношение». Самарский проект был представлен в Бонне, в Российском Генеральном консульстве, в годовщину окончания Второй мировой войны. На презентацию также были приглашены профессора университетов Европы. В первый раз описывается участие в межкультурном проекте писателя Ч.Т. Айтматова. Целый ряд интернациональных контактов Самарских университетов стартовали благодаря названному культурному событию. В заключение автор приходит к выводу, что куйбышевский период Д.Д. Шостаковича значительно укорочен и прочитан далеко не окончательно, в том числе, в философско-культурологическом и коммуникативном ключе.
- **Ключевые слова:** война; «запасная столица» — Куйбышев; Д.Д. Шостакович; мировое значение Седьмой симфонии; интернационализация университетов; прочитанные сочинения куйбышевского периода.

D.D. SHOSTAKOVICH IN SAMARA — UNIVERSITY PROJECT**E.Ya. Burlina**

Samara State Medical University, Samara, Russia

For citation: Burlina EYa. D.D. Shostakovich in Samara — university project. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2020;(3-4):48-54. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.48-54>

Received: 30.04.2020

Revised: 12.05.2020

Accepted: 29.05.2020

- Once of the largest event in the world culture of the twentieth century is premiere of the Seventh Symphony by D.D. Shostakovich in Kuibyshev. It took place on March 5, 1942 and is described in detail. The author of the article puts forward a hypothesis about the fixed image of Shostakovich in the city's homosphere, namely as the author of the "military Symphony". Other works created by him in the "reserve capital" did not receive a philosophical and cultural understanding. The article also presents a projective idea: Shostakovich's music as a communication and University promoter. The article describes for the first time the internationalization of the almanac and the exhibition "Samaras Hommage". The Samara project with this name was presented to Bonn, at The Russian Consulate General, on the anniversary of the end of World War II. Professors from Europa universities were also invited to the presentation. For the first time, describes how to participate in the intercultural project of the writer CH.T. Aitmatov. The author conclusion that the Kuibyshev period of D.D. Shostakovich is significantly shortened and read far from completely, including in a scientific and communicative way.
- **Keyword:** war; "spare capital" — Kuibyshev; D.D. Shostakovich; the premiere of the Seventh Symphony; internationalization of universities; unread works of the Kuibyshev period.

5 марта 1942 г. в Куйбышеве, в «запасной столице», как именовали тогда город, состоялась премьеры Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича. Культурное событие оше-

ломило антифашистский мир. Сошлемся на мнение исследователей о военном и дипломатическом контингенте запасной столицы в этот период [8]. Первыми слушателями

симфонии были дипломаты и военные высшего уровня, журналисты крупнейших информационных агентств мира, а также городская интеллигенция. Эту премьеру в наши дни называют мощнейшим пиар-проектом XX в. Напомним, что вскоре исполнение Симфонии повторили в Москве и Ленинграде. 9 августа 1942 г., после Ленинградской премьеры под управлением дирижера Карла Элиасберга, композитор написал на титульном листе партитуры: *Седьмая Ленинградская симфония*. Все названные культурные события, относящиеся к самым известным явлениям культуры XX столетия, пересекаются с университетским городом на Волге: Куйбышевым/Самарой.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать, как культурное событие, произошедшее в 1942 г., продолжает воздействовать на город. Ключевым понятием анализа будет термин **«гомосфера города»**, выдвинутый уже в 1980-е гг. академиком Д.С. Лихачёвым [7].

Учёный считал, что городские культурные события, свершившиеся в прошлом, обладают способностью длительное время влиять на настоящее и даже будущее. Они фиксируются в памятниках культуры, в традициях, деятельности различных институтов. Эта концепция лежит в основе современных культурологических и урбанистических теорий.

«Гомосфера города» — это не только таблички: «Охраняется как памятник культуры». Под «гомосферой города» понимается живое и обновляющееся влияние культурных наследий на горожан [2]. Гомосфера города транслируется институтами, средствами массовой информации и закрепляется в памятниках, а главное, в деятельности творческих личностей. Гомосфера города особенно крепко связана с университетами, которые готовят не только специалистов, но также граждан и горожан.

Обратим внимание на то, что городская среда Самары, мягко говоря, небогата памятниками великим деятелям искусства. Нет памятника А.М. Горькому, который, по его собственным словам, «стал в Самаре писателем». В год 150-летия со дня рождения великого писателя был закрыт его Самарский музей (!). Странно, что нет памятника Ф.М. Шаляпину, который пел в Самаре и его буквально носили на руках. Не найти хотя бы мемориальной доски Н.Г. Гарину-Михайловскому — гениальному инженеру и писателю. Нет визуальных знаков писателям-современникам — Василию Аксёнову или Владимиру Войновичу, посвятившим Самаре немало страниц и времени в 1990-е гг. «Аксёнов-фест», который

фактически начинался в Самаре, переместился в Казань.

Этот беглый перечень приведён к тому, что счастливым исключением городской гомосферы являются памятники Шостаковичу, украшающие разные места Самары. Присутствие образа Шостаковича в городском пространстве влияет на горожан, напоминая вновь и вновь о Куйбышеве как запасной столице.

Справедливости ради, скажем, что есть и другое «Самарское исключение»: памятник В.С. Высоцкому — прекрасная работа Михаила Шемякина, которую скульптор подарил городу. Парадоксально, что Шостакович и Высоцкий оказались в одной группе городских реликвий. Выбор персоналий predeterminedили «группы поддержки». «За Шостаковича» ратовали музыкальные институты — Оперный театр, Филармония, Музыкальные школы, Самарский Союз композиторов. «За Высоцкого» стояли шестидесятники — ГК (Городской Молодежный клуб), бывшие студенты политехнического. Такова гомосфера Самары. Мы не видим в этом ничего странного, гомосфера собирает и кристаллизует прошлое.

Назовём несколько новых скульптурных работ, посвящённых Шостаковичу. Масштабный памятник в сквере возле Театра оперы и балета, где состоялась премьера Седьмой симфонии в 1942 г., — работа самого известного в современной России монументалиста З.К. Церетели.

Появились новые памятные доски и бюст Шостаковича в вестибюле Самарского театра оперы и балета, выполненные молодым талантливым скульптором К.Б. Саркисовым. Образ Шостаковича, также в исполнении Карэна Саркисова, вошёл в музей Оперного театра и Филармонии.

Наконец, гомосферу города создают и питают различные институты, в которых укоренён культ Шостаковича. В легендарной Первой музыкальной школе и Куйбышевском музыкальном училище преподавали композиторы А.В. Фере и Л.Ф. Другов, спасённые Шостаковичем в военные годы. В этой школе хранятся документы, фотографии и даже роля времен Шостаковича.

В музее Куйбышевской филармонии, где всегда звучали превосходные интерпретации Симфоний Шостаковича под управлением выдающихся дирижеров: от Н. Рахлина, Г. Проваторова до М. Щербакова и Е. Хохлова, бережно хранится визуальная шостаковичиана. Отдельно хотелось бы выделить созданный и поставленный Сергеем Курановым музыкально-драматический спек-

такль «Антиформалистический раёк», посвящённый 100-летию Д. Шостаковича.

В театре оперы и балета также выставлены реликвии, связанные с Шостаковичем: от балета «Барышня и хулиган», который обожала публика в 1960-е гг., до оперы «Леди Макбет», поставленной Александром Анисимовым в 2017 г., к 110-летию композитора.

Говоря о гомосфере города, необходимо упомянуть Самарские газеты. Автор данной статьи, Е.Я. Бурлина, более всего была связана с «Волжской коммуной», где многие годы отделом культуры заведовал талантливый журналист Е.Н. Жоголев, а позже — музыковед-эрудит Н.А. Эскина. Самарские журналисты сделали невероятно много, чтобы приблизить Шостаковича к слушателям.

Современная научная «Шостаковичиана» очень сильно изменилась. К сожалению, резко сократились в Самаре библиотечные службы, связанные с искусством; нет библиографов и просветителей-музыковедов, которые бы насыщали атмосферу города. Между тем, в книжном мире огромное множество новых изданий, записей и книг. Здесь мы ненадолго выйдем за пределы Самарской гомосферы, чтобы увидеть, как много изменений в глобальном мире Шостаковича. Они произошли уже в конце XX–XXI вв.

Сошлёмся на международную конференцию в Петербурге в 1994 г. и сборник статей под редакцией профессора Л.Г. Ковнацкой «Шостакович в меняющемся мире», охвативший самых известных авторов мира [4]. Новым словом о времени Шостаковича стали фундаментальные работы музыковеда и философа М.Г. Арановского, изданные в Москве в 2000-е гг. Учёный показал, что *человечность и антиутопии* никто не выразил в XX столетии так, как это сделал Шостакович [1].

Событием настоящего времени стали опубликованные относительно недавно *письма композитора* к самым близким друзьям: выдающемуся музыковеду — философу И.И. Соллертинскому [9], оперному режиссеру И.Д. Гликману. Это — открытия конца XX в. И, наконец, появились книги С.М. Волкова. Одну из них мне подарили студенты, она называется: «Шостакович и Сталин: художник и царь» [3]. Книга безупречна по качеству и скрупулёзности музыкального анализа; также понятно, чем она привлекла студентов. С. Волков, как и некоторые другие авторы, стремится понять своё время, он идёт за Шостаковичем и смотрит в будущее.

В Куйбышевском периоде немало вопросов, адресованных будущему. Великий композитор пробыл в эвакуации около двух

лет, но невероятно много написал в городе на Волге. Однако, ни одно из его сочинений, последовавших за Седьмой симфонией, до сих пор не прозвучало в «запасной столице»: ни опера «Игроки», ни «Романсы на стихи английских поэтов», ни многое другое.

В 1990-е гг. к опере «Игроки» обратились ведущие оперные театры — Большой театр, Московская камерная опера и Санкт-Петербургская опера. Сочинение было важным для композитора, оно посвящено Галине Уствольской — самой талантливой его ученице. В Самаре опера не ставилась.

Несколько десятилетий пролежал «под спудом» исповедальный для композитора и уже упоминавшийся вокальный цикл с персональными посвящениями друзьям: И.И. Соллертинскому, И.Д. Гликману, Д.Л. Атомьяну, Ю.А. Шапорину. В нем было то, что можно доверить только самым близким: про свободу и несвободу, про страхи и спасение в любви. Самый первый номер посвящён маленькому сыну, которому только исполнилось два года. Романс начинался трагически: «*Помолимся об избежании участи быть повешенными...*».

«Куйбышевский период» Шостаковича располагает выдающимися сокровищами. Насколько современный образ Шостаковича доступен настоящей гомосфере Самары?!

Важные подвиги произошли в сентябре 2005 г. В день рождения Шостаковича, под памятной доской на доме, где великий композитор заканчивал Седьмую симфонию, собралась с цветами довольно большая группа: председатель Самарского отделения Союза композиторов — Марк Левянт и другие члены Союза композиторов, дирижер Владимир Ощепков, любимый наставник самарской молодёжи — учитель Исай Фишгойт и остальные поклонники. Тема «Шостакович» вышла на улицу.

Тогда же возникла концепция Альманаха «Самарское приношение. Шостакович — 100 лет». Её название — «*приношение*» — **Hommage** — автору этих строк подарил доктор Винрих Майсциес — директор Театрального музея в Дюссельдорфе. Он издавал много лет серию Hommage, адресованную великим актёрам: «Баховское приношение»; «Приношение труппе Луизе Дюмон» и др. Альманах о Шостаковиче проектировался в Самаре, а потом был представлен в разных городах. В том числе в Бонне, в Генеральном консульстве России, 8 мая 2006 г., о чём речь пойдет далее.

Из недавнего времени приведу ещё один пример, лежащий на стыке исполнения музыки Шостаковича, просвещения и прямого

диалога с горожанами. В Самарском государственном Институте культуры проходила серия вечеров, посвящённых «Самарским музыкальным землячествам». Это проект придумал пианист доцент В.Т. Семенов. Эта идея чрезвычайно близка «гомосфере», по Д.С. Лихачёву. Мы попытаемся объяснить, почему...

Первый концерт был посвящён, разумеется, выпускникам Петербургской консерватории в Самаре. Исполнялось много хоровой и инструментальной музыки композиторов, учившихся в городе на Неве. Невероятный успех выпал на долю Эпизода нашествия из I части Седьмой симфонии, соч. 60, «Ленинградской». Известнейший фрагмент из Шостаковича звучал в переложении для 2-х фортепиано и малого барабана. Когда-то такую транскрипцию создал друг композитора Л. Атовмян, а адаптировал для Самарских артистов пианист Виталий Семёнов. За роялем были превосходные пианистки Александра Дятлова и Марина Абросимова, партию малого барабана блестяще исполнила Мария Остроухова.

Зал был восхищён! Думается, что именно такие живые отношения с музыкой, композитор бы поддержал! Данные прецеденты живого общения академик Д.С. Лихачёв включал в «гомосферу города». Напомним, что по мнению Д.С. Лихачёва, городская гомосфера складывается из памятников и мест памяти, из воспоминаний и новых спектаклей, оригинальных музыкальных транскрипций, исполненных любимыми музыкантами. Словом, из всего, что позитивно воздействует на горожан и незабываемо для них.

А попробуем повернуть проблему «гомосферы города» ещё иначе. Есть города в мире, в которых культурные наследия приносят не только духовные, но и материальные преимущества. Как известно, тысячи людей со всего мира ездят в Вену на оперные премьеры и выставки. Или в Пермь, на Дягилевский фестиваль, куда съезжается интеллектуальная элита Уральских городов. Профессора Екатеринбурга и Челябинска берут отпуск, чтобы послушать Густава Малера под управлением Теодора Курентзиса. Ссылаемся на опросы и статьи, опубликованные в альманахе «Город как сцена» [6]. Сегодня мы не назовём в Самаре какого-либо притягательного для страны и мира «Шостакович-феста». В прошлом такие события значительно насыщали гомосферу города. Разумеется, горожане их ждут.

Переходим к последнему разделу нашей статьи, который посвящён уже не локальной

Рис. 1. Генконсульство Российской Федерации Бонн. Презентация. 8 мая 2006 г.

гомосфере Самары, а интернациональным контактам Самарских университетов. Опишем презентацию «Самарского приношения», состоявшуюся в Бонне, в зале российского Генконсульства (рис. 1). Это было на многолюдном приеме 8 мая 2006 г. Акция принесла немалые коммуникативные дивиденды (рис. 2). Повторим, что они связаны, прежде всего, с университетской средой Самары. Путь к немецким университетам «при поддержке Шостаковича» складывался довольно импровизационно.

В конце 2005 г. в Самаре началась подготовка к юбилею Шостаковича. Одним из проектантов был Союз композиторов, заявивший создание альманаха, посвящённого пребыванию в военной столице Д.Д. Шостаковича. Автор данной статьи будучи выпускницей Ленинградской консерватории, членом Союза

Рис. 2. Генконсул Г.А. Геродес и Е.Я. Бурлина. Май 2006 г.

Рис. 3. Писатель Ч.Т. Айтматов с профессорами СамГМУ. Живая беседа — важные советы

композиторов и автором нескольких книг по «Мировой художественной культуре» с главами, посвящёнными композитору, был активным участником проекта.

Параллельно в Самаре готовился ещё один проект, внешне никак не связанный с музыкальной культурой: три проректора Самарского медицинского университета отправлялись в Германию, на стажировку, по теме Life sciences / Науки о жизни. Профессора должны были познакомиться с инновационными организациями биомедицинской тематики. В течение недели мы объездили десятки подобных центров в разных немецких университетах: Дюссельдорфа, Бонна, Мюнстера и других передовых центров. Это были: проректор по учебной работе Н.Н. Крюков; проректор по дополнительному образованию С.Н. Измалков; декан лечебного факультета Ю.В. Щукин. Все трое — профессора, доктора медицинских наук, в составе группы был и автор статьи. Наша группа была командированы Ректором СамГМУ, а ныне его Президентом — академиком РАН Г.П. Котельниковым. Поездка оказалась на редкость удачной, а направление было выбрано с исключительной дальновидностью. О деловой части поездки расскажу позднее.

Финальная культурная составляющая нашей командировки должна была уложиться буквально в пару часов. Мы договорились о встрече с писателем Чингизом Айтматовым, который в ту пору был назначен руководителем Посольства Киргизии и ряда других республик в Брюсселе. Перспектива общения с писателем и дипломатом вызвала интерес учёных-медиков (рис. 3, 4).

На встречу с писателем мы взяли текст, который был написан Айтматовым на кончину Шостаковича. Писатель был близко знаком

Рис. 4. Ч.Т. Айтматов и профессор Н.Н. Крюков

с композитором в его последние годы. Статья была опубликована в газете «Известия», её трудно было скопировать накануне отъезда. Писатель был искренне растроган тем, что мы привезли с собой эту газетную публикацию, он любил Шостаковича.

Айтматов спросил тогда: «Откуда взяли?!» Ответили, что скопировали в Областной библиотеке. В своё время плакали, когда читали проникновенный текст Айтматова, посвящённый Шостаковичу. На этой встрече неожиданно и, скажем прямо, импровизационно возникла тема презентации альманаха о Шостаковиче в Российском Генконсульстве. Чингиз Торекулович молниеносно уловил идею и посоветовал это сделать 8 мая 2006 г.: окончание войны — Российская провинция — 100-летие Шостаковича. С подачи выдающегося писателя и дипломата «Самарское приношение» было включено в программу торжественного приёма, в Генконсульстве Российской Федерации в Бонне, по случаю дня Победы.

Итак, это было 8 мая 2006 г., через полгода после встречи с Айтматовым. Самарская делегация подготовила к этому мероприятию ёмкую программу: презентацию альманаха «Самарское приношение», а также превосходно оформленную выставку редких фотографий, связанных с премьерой Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича в годы войны. Конечно, была представлена Самара как уникальный географический, экономический, научный центр на Волге, спасший в тяжёлые годы войны многих, в том числе, артистов Большого театра.

Российское Генконсульство обеспечило музыкальное сопровождение: Шостаковича играл прекрасный пианист, приглашённый немецкими коллегами. Композитор Марк Левянт

спел один из своих хитов о Самаре. Эпопея «куйбышевской премьеры», состоявшейся 5 марта 1942 г., была представлена устно, выставочными плакатами — коллажами. Вместе с германистом Алексеем Прокаевым мы ещё и модерировали эту выставку (рис. 5).

Была масса отзывов, написанных по-немецки и по-английски. Цитата: «Ваша незаурядная речь...» («herausragende Rede...»).

Однако, как говорят менеджеры, «сухой остаток»: все немецкие университетские профессора, присутствовавшие на торжественном мероприятии, стали впоследствии коллегами и товарищами Самарского вуза. Шостакович был и есть наш лучший пиарщик...

Разумеется, мы помним современную профессиональную поговорку: **«Если нет хороших дел, не спасет пиар отдел»**. Уникальные проекты Самарских инноваторов в сфере медицины много раз выставлялись в Москве и в Дюссельдорфе. Делегациями неизменно руководил профессор РАН, ныне ректор СамГМУ А.В. Колсанов. Под его руководством были созданы проекты, обогнавшие время. И тем не менее доверие к Самарским университетам подпитывалось ещё и высокой культурой.

Вернемся ещё раз к откликам на «Самарское приношение», сразу после памятной презентации в Бонне. Вскоре в журнале Санкт-Петербургской консерватории была опубликована статья об альманахе «Самарское приношение, Шостакович — 100 лет». Известный музыковед и журналистка Лариса Крылова высоко оценила значение проектов, в которых великие музыканты связывают страны. Рефрен высокопрофессиональной статьи: «Что нужно сделать, чтобы тебе доверяли?...» [5].

Были тёплые отклики и в Самаре. Нельзя не упомянуть публикацию Натальи Анатольевны Эскиной в Самарской газете «Волжская коммуна» (апрель, 2006) и посвящённую альманаху о Шостаковиче. Чуткий журналист и талантливый музыковед выделил главное: куйбышевский период в творчестве Д.Д. Шостаковича — наше богатство и наша гомосфера. Статья Натальи Эскиной называлась «Шостакович среди нас» [10]. Автор выделил в ней молодёжную тему. Она описывала первую презентацию альманаха о Шостаковиче в Самарской областной библиотеке. Говоря об участии известных артистов, в том числе, народного артиста России А.Я. Пономаренко, она особенно обратила внимание на студентов.

Цитата из статьи Н.А. Эскиной «Шостакович среди нас»: «На презентации альманаха в областной библиотеке в кустах был

Рис. 5. Е. Бурлина и А. Прокаев на выставке в Российском Генконсульстве

припасен рояль. Даже два — один — кабинетный, играл роль декорации. На нём — нотный листочек, рядом на столе — горящие свечи. Студентки, при свете двух трепещущих язычков пламени, читают жёлтые странички — письма Шостаковича». Она заметила, как студентки раскрывали письма, сложенные треугольником. Как у них дрожали пальчики от сочувствия тем, кто пережил войну. Эти студентки точно никогда не забудут, что сделал для всех нас великий композитор Дмитрий Шостакович.

Итак, крупнейшее культурное событие XX столетия произошло в «запасной столице» — Куйбышеве, сегодня — Самаре. Здесь состоялась великая премьера Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича, она давно стала частью гомосферы города. Музыка гения постоянно звучит в театрах и филармонии. Город украсили памятники композитора. Судьбу композитора переживают студенты. К ней почтительно относятся профессора иностранных университетов. И, всё же, Шостакович прочитан далеко не окончательно.

Литература

1. Арановский М. Вызов времени и ответ художника // Музыкальная академия. — 1997. — № 4. — С. 24. [Aranovskiy M. The challenge of time and the artist's response. *Muzykal'naya akademiia*. 1997;(4):24. (In Russ.)]
2. Бурлина Е.Я., Гранкина Е.А., Наумова О.С. Гомосфера как городская утопия и университетский проект // Культура и цивилизация. — 2016. — Т. 6. — № 6А. — С. 82–94. [Burlina EYa, Grankina EA, Naumova OS. Homosphere as an urban utopia and a university project. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 2016;6(6A):82-94. (In Russ.)]
3. Волков С. Шостакович и Сталин: художник и царь. — М.: Эксмо, 2006. — 656 с. [Volkov S. Shostakovich

- i Stalin: khudozhnik i tsar'. Moscow: Eksmo; 2006. 656 p. (In Russ.)]
4. Шостакович Д.Д. Сборник статей к 90-летию со дня рождения / сост. Л.Г. Ковнацкая. – СПб.: Композитор, 1996. – 400 с. [Shostakovich DD. Sbornik statey k 90-letiyu so dnya rozhdeniya. Ed. by L.G. Kovnatskaya. Saint Petersburg: Kompozitor; 1996. 400 p. (In Russ.)]
 5. Крылова Л.Л. Что нужно сделать, чтобы тебе доверяли? // MUSICUS: Вестник Санкт-Петербургской Государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова. – 2006. – № 7. – С. 11–13. [Krylova LL. What you need to do to be trusted? *MUSICUS: Vestnik Sankt-Peterburgskoy Gosudarstvennoy konservatorii im. N.A. Rimskogo-Korsakova*. 2006;(7):11-13. (In Russ.)]
 6. Курентзис Т. Театр может стать светлым центром, излучающим свет / под ред. Е.Я. Бурлина // Город как сцена. История. Повседневность. Будущее. – Самара, 2015. – С. 29–36. [Kurentzis T. Teatr mozhet stat' svetlym tsentrom, izluchayushchim svet. Ed. by E.Ya. Burlin. In: *Gorod kak stsena. Istoriya. Povsednevnost'. Budushchee*. Samara; 2015. P. 29-36. (In Russ.)]
 7. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. – Л.: Советский писатель, 1989. – 608 с. [Likhachev DS. Zametki i nablyudeniya. Iz zapisnykh knizhek raznykh let. Leningrad: Sovetskiy pisatel'; 1989. 608 p. (In Russ.)]
 8. Храмова Е.Л. Рецензия на монографию Буренок С.О. «Куйбышев – запасная столица СССР: образ города в англо-американском обществе 1941–1945 гг.» // Новейшая история России. – 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 218–225. [Khramkova EL. Review of the monograph Buranok S.O. “Kuybyshev – zapasnaya stolitsa SSSR: obraz goroda v anglo-amerikanskom obshchestve 1941-1945 gg.” *Noveyshaia istoriia Rossii*. 2018;8(1):218-225. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.115>.
 9. Шостакович Д.Д. Письма Ивану Ивановичу Соллертинскому / Публикация Д.И. Соллертинского. – СПб.: Композитор, 2006. – 273 с. [Shostakovich DD. Pis'ma Ivanu Ivanovichu Sollertinskomu. In: *Publikatsiya D.I. Sollertinskogo*. Saint Petersburg: Kompozitor; 2006. 273 p. (In Russ.)]
 10. Эскина Н.А. Шостакович среди нас // Волжская коммуна. – 2006. – № 88. [Eskina NA. Shostakovich sredi nas. *Volzhskaya kommuna*. 2006;(88). (In Russ.)]

▪ Информация об авторе

Елена Яковлевна Бурлина — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России, Самара. E-mail: bis17@mail.ru.

▪ Information about the author

Elena Ya. Burlina — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosophy and Culturology, Samara State Medical University, Samara, Russia. E-mail: bis17@mail.ru.

УСКОЛЬЗАЮЩАЯ КРАСОТА КАК КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ОПЫТ ПЕРЕЖИВАНИЯ

В.И. Ионесов¹, Е.А. Слоева²

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный институт культуры», Самара;

² Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Самара

Для цитирования: Ионесов В.И., Слоева Е.А. Ускользящая красота как культурная реальность и опыт переживания // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 55–62. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.55-62>

Поступила: 30.04.2020

Одобрена: 15.05.2020

Принята: 29.05.2020

■ Эстетические возможности трансформации культуры находятся в фокусе не только гуманитарного знания, но и служат актуальным предметом междисциплинарных исследований. В статье аргументируется взгляд на категорию *красота* как императив культуры и опыт эстетического переживания. Показывается, что понимание красоты состоит не в пунктуальной детализации прекрасного. Красота объекта выше самого объекта — красота в нём есть самостоятельная культурная данность. Обретая свободу через красоту, человек восстанавливает свою утраченную связь с природой и расширяет границы своего бытия, свои желания и возможности. В красоте мир наполняется смыслом и собирается в гармонии. Красота всегда оставалась для человека желанным, но ускользящим феноменом. В эстетическом обрамлении драмы бытия человеческая природа обретает возможность преодоления невыносимой боли от своей антропологической недостаточности и онтологического отчуждения от мира, который его породил и который он всякий раз вынужден создавать заново.

■ **Ключевые слова:** культура; человек; красота; прекрасное; конфликт; воображение; трансформация; преодоление.

RUNAWAY BEAUTY AS A CULTURAL REALITY AND EMPATIC EXPERIENCE

V.I. Ionesov¹, E.A. Sloyeva²

¹ Samara State Institute of Culture, Samara, Russia;

² Samara State Medical University, Samara, Russia

For citation: Ionesov VI, Sloyeva EA. Runaway beauty as a cultural reality and empatic experience. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2020;(3-4):55-62. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.55-62>

Received: 30.04.2020

Revised: 15.05.2020

Accepted: 29.05.2020

■ The aesthetic foundations of culture are in the constant focus not only of humanitarian knowledge, but also serve as an actual subject of interdisciplinary research. The article argues the view of beauty as an imperative of culture and the experience of aesthetic trial. Beauty understanding is not shown to consist of the punctual detailing of beauty. The beauty of the object is higher than the object itself — the beauty is a specific cultural phenomenon. Gaining the freedom through the beauty, a person restores his lost connection with nature and expands the boundaries of his being, his desires and opportunities. In beauty, the world is filled with meaning and assembled in harmony. Beauty has always remained a desirable, but elusive phenomenon for a person. In the aesthetic imagination of the drama of being, human nature finds the ability to overcome unbearable pain from its anthropological insufficiency and ontological alienation from the world that surrounds it and which it creates.

■ **Keywords:** culture; human being; beauty; beautiful; conflict; imagination; transformation; overcoming.

Начнём с того, что явления красоты чрезвычайно многообразны в мире. Мы находим красоту в природе, глядя на цвета радуги, восход и закат солнца, сияние звезд на ночном небе, слушая пение птиц, журчание воды. Мы можем признать одинаково красивыми лицо человека, его тело, мысли, слова, одежду, манеры. Мы можем говорить о красивом поступке, красивой спортивной победе, красивом голосе, красивой музыке, красивой скульптуре, красивом орнаменте и пр. Что же заставляет нас считать столь разные явления одинаково красивыми? В чём смысл той силы, которая очаровывает нашу душу? Что есть красота?

Мы, наверное, не ошибёмся, если скажем, что любая красота начинается с восприятия объекта. Однако этого будет недостаточно, чтобы понять смысл прекрасного, ибо не всякое восприятие удерживает в себе красоту. Быть может, красота есть переживание, эмоциональная реакция на то, к чему мы не равнодушны?

В самом деле, красота всегда заставляет нас переживать. Но разве всякое переживание мы вправе связывать только с ощущением красоты? Нет, конечно. Мы можем переживать от страха, неудачи, утраты, неопределённости и т. п. Однако всё это не имеет прямого отношения к красоте. Прекрасное всегда связано только с теми переживаниями, которые выражают у человека чувство радости, удовольствия, наслаждения. Что же доставляет нам наслаждение — сам объект, его форма, образ или что-то сокровенное внутри нас? То, что красота всегда исходит от любования предметом, ещё не означает, что она и есть сам предмет. Ведь давно замечено, что красота дерева — не есть само дерево, красота природы — не есть сама природа. Значит, красота — это не только предмет, портрет, тело, форма, линия, но и нечто большее, обладающее надтелесной сущностью и объединяющее в себе самые разные свойства и качества.

Красота объекта выше самого объекта — красота в нём самостоятельная сущность. Что заставляет нас считать красивым любимого человека? Его характер, глаза, тело, ум, интересы, поведение? Истинная красота, так же как и любовь, всегда целостна. Ведь части могут меняться, но любовь, красота, истина таковыми остаются! Будучи воплощениями идеального, красота и любовь дарят человеку

...Где была бы красота, если лишить её бытия?
И где было бы бытие, если лишить его красоты?
Ибо если бы в нём не было красоты,
ему не хватило бы и бытия.

Плотин

вечность, они отрицают смерть и утверждают жизнь — «владея вечным, управляют временным».

Итак, красота не есть материальная субстанция — она всегда идеальный образ, продукт воображения, проникновение духа в узренную (разгаданную) им реальность. «Что делает вещи прекрасными?» — задавал вопрос Плотин и отвечал: «Дух в них становится видимым» [9].

Очевидно, красота — не физическая, а духовная сущность. Однако если мы скажем, что красота есть образ, порождённый воображением, или проявление духа, мы скажем слишком мало. Ведь не всякий образ может считаться красивым, а лишь тот, который выражает гармонию объекта на основе нормы и меры его формы. «Красота есть некое согласие и созвучие частей в том, частями чего они являются, — отвечающие строгому числу, ограничению и размещению, которых требует гармония, то есть абсолютное и первичное начало природы», — писал Альберти [1, с. 318].

Но и это ещё не вся правда. Мы хорошо знаем, что одни и те же объекты нередко вызывают у людей противоположные чувства. Так, кто-то находит в картинах и художественных образах Пикассо идеальную гармонию, кто-то видит в них лишь сплошной хаос. Мы видим, что оценка красоты как гармонии недостаточна, ибо всякая оценка субъективна и избирательна, то есть лично окрашена, определяется внутренней готовностью, настроением и расположенностью человека к восприятию прекрасного. «Чувственное познание красоты достигается избирательно, путём сравнения данного предмета со всеми другими предметами, составляющими чувственное богатство мира» [13, с. 76].

В определённом смысле, внешняя красота объекта всегда зависит от внутренней красоты субъекта. Восприятие красоты всегда ограничено духовными возможностями человека. И если человек духовно беден, он будет замечать лишь часть прекрасного, а не всю красоту объекта. Вот почему красота — это всегда состояние души человека, заполненной целостным (идеальным) образом бытия. Этот образ восстанавливает единство мира и нарушенную гармонию жизни.

Красота формирует идеальную среду бытия вокруг и внутри человека. Причём,

в красоте воплощается гармония форм и отношений не столько самого объекта, сколько гармония между внутренним миром человека и внешней средой. Красота, как заметил ещё Дидро, всегда есть результат отношений. Здесь физическое и духовное сливается в одну неделимую точку. По словам В.С. Соловьёва, «красота или воплощённая идея есть лучшая половина нашего реального мира, именно та его половина, которая не только существует, но и заслуживает существования» [14, с. 361]. Великий русский философ понимает красоту «не как отражение только идеи от материи, а действительное её присутствие в материи, предполагающее, прежде всего, глубочайшее и теснейшее взаимодействие между внутренним или духовным и внешним или вещественным бытием». Речь идёт о «превращении физической жизни в духовную» [14, с. 396, 398].

Красота может рассматриваться и как момент соединения человека с природой. Здесь красота являет нам источник и важнейшую предпосылку его истинного существования или *совершенного*, то есть свершившегося, завершённого, заполненного бытия. Всякая красота по И. Канту «есть форма целесообразности предмета, воспринимаемая в нём без представления о цели» [7, с. 74]. Красота всегда самодостаточна. В ней нет целеполагания, она суть завершённости: здесь и «служение предмета как такового человеку и одновременно наслаждение» (С.Л. Рубинштейн) [10, с. 401]. Вот почему так сложно описать красоту словами, — ибо каждое прописанное произнесённое слово нарушает завершённость, гармонию, полноту бытия и привносит что-то лишнее, ненужное, чужеродное. Да и возможно ли описать красоту словами? Ведь всякий, кто созерцает красоту, одновременно созерцает явленную в образе истину (идеальное тождество объекта), а там, где глаголет истина, уста безмолвствуют. «Знаки истины невыразимы в речи», — напоминает нам индийский поэт и суфийский мыслитель Мирза Галиб (1797–1869) [15, с. 159]. Глядя на красоту, человек не нуждается в слове, но испытывает душевную радость, очарование, благоговение.

Можно сказать, что именно в красоте и через красоту человек становится по-настоящему счастливым. Красота — сила поистине чудодейственная, и не случайно в русском языке слово «чудесный» является синонимом *прекрасного* и *совершенного*. То, что красота рождается внутри человека, определяет то, что только он — человек — может хранить её тайну и быть её подлинным идеалом. По этой же причине тайну красоты необходимо искать в самом человеке, в его многострадальной

природе, поскольку он посредством мысли, слова и дела неустанно отыскивает, фиксирует и сохраняет в жизни моменты совершенного бытия и гармонии.

Итак, *красоту* в самом общем виде можно определить как *категорию, обозначающую целостную гармонию (целесообразность) объекта на основе идеального соответствия формы и идеи* [5]. Красота есть дух, формирующий и актуализирующий полноту бытия. В самом общем виде мы можем различать три вида красоты:

- 1) *красоту движения* (танцы, музыка, поэзия, драматургия и пр.);
- 2) *красоту телесных форм* (архитектура, скульптура, живопись, тело человека и пр.);
- 3) *красоту духовного преображения* (ум, воображение, наука и пр.).

Разумеется, все виды прекрасного взаимозависимы и взаимопроникаемы друг для друга. Каждый вид красоты не может существовать сепаратно. Мысль нуждается в слове, слово обращено к чувствам и действию. Речь может идти лишь о внешнем доминировании того или иного проявления прекрасного. Однако высшей формой красоты является именно их внутреннее триединство. В христианстве это получило яркое отражение в знаменитой троице, художественно воплощающей триединство — Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого духа.

Актуализация красоты в культуре неразрывно связана и с такими общечеловеческими ценностями, как истина, любовь, добро («Что есть красота, как не истина, растворённая добротой?» — писал Н.И. Надеждин). Конечно, у каждого из этих понятий есть свои скрытые и явные смыслы, свои характерные свойства и значения, но только в их единстве проявляется их жизнеутверждающая сила. По существу, образы добра, любви, истины и красоты служат для решения одной общей задачи — доопределить, обустроить, упорядочить разрозненный мир. Прекрасное объединяет всё лучшее в этом мире ради блага человека. При этом высшие ценности культуры взаимообуславливают друг друга и пребывают в единой нераздельной целостности [4]. Истина проявляет себя через красоту, красота — через любовь, любовь — через добро, добро проявляет себя через истину: вот так называемый путь спасения человека или «мост, ведущий его из царства необходимости в царство свободы». Можно сказать и так: истинно человеческого в человеке ровно столько, сколько в нём есть красоты и мира. Там, где культура соединяется с прекрасным, всё становится на свои места — идёт сборка человека, собирание им

себя в гармонии; благодаря этому ему удаётся обустроить и преобразовать окружающий социальный и природный мир.

При этом человеческая отчуждённость от мира лишает его возможности быть всегда там, где есть красота. Драма человека в том, что он, в силу своей антропологической недостаточности, обречён открывать прекрасное и радоваться красоте, лишь находясь, по существу, на стороне безобразного. В известном смысле, красота есть идеально переработанный хаос: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда» (А.А. Ахматова) [6].

В антропологической проекции красота подобна «лучу света в тёмном царстве». Красота нужна человеку для того, чтобы освещать, маркировать, различать и уточнять мир, в котором он живёт. Освещать, чтобы маркировать. Маркировать, чтобы различать. Различать, чтобы узнавать и оповещать. Красота всегда постигается через соприкосновение и сопоставление. Путь к красоте лежит всегда через встречу с другими людьми. Красота притягивает, объединяет и принуждает людей искать способ её сохранения и передачи от себя другим. Увидев раз красоту, нельзя промолчать, всегда хочется передать прекрасное тому, кто его не видел. Так, вернувшись из путешествия, порою трудно остановиться в рассказе о пленительной красоте увиденных достопримечательностей. В этом случае кажется, что для передачи своих впечатлений всего недостаточно — и слов, и снимков, и сувениров.

Человек нуждается в диалоге с другим ещё и для того, чтобы быть услышанным. Так же как человек нуждается в культурной самоидентификации, чтобы быть увиденным. Но чтобы быть увиденным и услышанным, необходима сила, которая заставила бы людей тянуться друг к другу. И эта притягательная сила для человека исходит именно от красоты. «Глаза наши слепы, а красота ищет зеркала» — утверждает Мирза Галиб [15, с. 158].

Связь красоты с добром, истиной и любовью была замечена многими мыслителями мира. Вот лишь некоторые из них. «Там, где царит человеколюбие — прекрасно» (Конфуций); «Красота тождественна с благом» (Ф. Аквинский); «Не крепко любим то, что плохо зримо» (Микеланджело); «Конечная цель красоты — любовь» (Н. Кузанский); «Мы называем красоту проявлением блага» (Т. Кампанелла); «Красота есть совокупность тех свойств какого-нибудь предмета, которые дают нам основание ожидать от него блага» (Т. Гоббс); «Истина и благо соединяются родственными узлами лишь в красоте» (Гегель); «Прекрасное есть символ нравственно

доброто» (И. Кант); «Нет красоты без истины» (Г. Гейне); «Красота нужна для исполнения добра в материальном мире» (В.С. Соловьев); «Правда — сама красота. Изучайте благоговейно: вы найдете непременно красоту, так как встретите истину» (П. Роден).

По Ф.М. Достоевскому, «красота всегда полезна», ибо она открывает человеку путь истинной жизни, путь свободы и самоутверждения. Кроме того, «потребность в красоте развивается тогда, когда человек в разладе с действительностью, в «негармонии», в борьбе, то есть, когда наиболее живёт, потому что человек наиболее живёт именно в то время, когда человек чего-нибудь ищет и добивается» [3, с. 75].

Обретая свободу через красоту, человек восстанавливает свою утраченную связь с природой и со своим социальным миром, расширяя границы своего бытия, свои желания и возможности. Н.А. Бердяев в сочинении «Смысл творчества» отмечает: «Творчество красоты в искусстве соединяется с творчеством красоты в природе» [2, с. 57]. Красота освобождает человека от тягот жизни и освещает ему путь для преобразования и преумножения мира. «Мы должны определить красоту как преобразование материи через воплощение в ней другого, сверхматериального начала», — писал В.С. Соловьев [14, с. 358].

Быть может, красота открывается человеку для того, чтобы «всё сущее — увековечить, безличное — вочеловечить, несбывшееся — воплотить» (А. Блок). Действительно, в красоте всё является вершиной и обретает для человека свои истинные смыслы и значения: труд становится творчеством, продукты деятельности — произведениями искусства, чувства — любовью, долг — добром, необходимость — свободой, знание — истиной, форма — гармонией, идеи — гуманизмом. «Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут», «тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей», — писал Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых». В красоте мир собирается человеком в гармонии, преодолевая непрерывно давящую на него стихию природной и социальной неупорядоченности. Вот почему красота всегда приносит людям благо, здоровье, радость преумножения и процветания.

Мысль, правильно находящая путь к истине, есть красивая мысль, ибо истинная мысль всегда прекрасна. Истина как воплощённая в мысли красота преобразует мир, собирая его в целостную гармонию и утверждая полноту жизни. Воссоздание целостности и любование красотой просматривается во

всех художественных жанрах: музыка — это целостность звука в разнообразии, поэзия — целостность слова, танец — целостность движения, живопись — целостность цвета и формы, скульптура — целостность формы и пространства [11]. Можно подумать о том, что, сотворяя красоту, человек творит свою среду выживания и жизнедеятельности. Чем больше он окружает себя красотой, тем естественнее она для него становится. Максимум красоты — максимум естества. Красота, таким образом, являет человеку образ целостной гармонии и полноты жизни и, тем самым, делает его по-настоящему свободным. Сотворяя красоту, человек приумножает жизнь и сам становится воплощением прекрасного в своём максимально упорядоченном, то есть самодостаточном естестве. Целостность индивида выражается в совершенстве реализованных и реализующихся возможностей самообретения и самоутверждения своей культурной идентичности, то есть своего осознаваемого, узнаваемого и самоощущаемого «Я».

Красота всегда оставалась для человека желанным, но ускользающим феноменом. Эстетические основания культуры постоянно находятся в фокусе не только гуманитарного знания, но и служат актуальным предметом междисциплинарных исследований. Однако следует признать, что чем больше мы пытаемся понять красоту аналитически, тем сильнее мы отчуждаемся от неё. Анализ, расчленение — инструмент познания, но не само знание о предмете размышления. Всякие аналитические рассуждения расчленяют объект, а значит, отделяют от него истину. Узреть истинный смысл прекрасного в его целостном охвате можно лишь издали. Только на расстоянии красота предстаёт для нас в целостном виде. Общая картина данного феномена просматривается не в предельном приближении к нему, а со стороны. Понимание красоты не есть пунктуальная детализация прекрасного. В процессе приближения к красоте целостная картина явления распадается. Так же, как вплотную подойдя к экрану кинозала, мы замечаем лишь малый фрагмент большой картины, общие контуры которой нам не видны. Вот почему красота лучше смотрится издали. Проникнув в мир прекрасного, мы, как правило, перестаём его замечать, ибо, находясь внутри красоты, мы становимся частью эстетической реальности [5].

Кроме того, красоту лучше всего видно на фоне безобразного. Именно безобразное, неудовлетворительное заставляет нас замечать красоту. «В творчески-художественном отношении к миру уже приоткрывается мир иной.

Восприятие мира в красоте есть прорыв через уродство «мира сего» к миру иному. Мир, принудительно данный, «мир сей» — уродлив, он не космичен, в нём нет красоты. Восприятие красоты в мире есть всегда творчество — в свободе, а не в принуждении постигается красота в мире» [2, с. 217]. Достигнув своего идеала и находясь внутри своей идеальной среды, человек перестаёт замечать красоту, ибо сам становится её воплощением. В отличие от человека, животные не замечают прекрасного, ибо они не замечают и безобразного, поскольку лишены (присущей человеку) родовой неудовлетворенности, и по этой причине у них нет противоречия со средой их обитания.

Возникает и другой вопрос в поисках онтологического основания красоты: почему, к примеру, Венера Милосская (II в. до н. э.) или Ника Самофракийская (кон. III — нач. II в. до н. э.) видятся нам прекрасными, тогда как современные статуи без рук или без головы представляются нам безобразными? Почему в руинах Афинского Акрополя мы находим благообразие и великолепие, тогда как в недостроенном доме или разрушенном, запущенном и обветшалом здании мы, как правило, обнаруживаем неприглядное безобразие? Можно предложить несколько объяснений этим перевоплощениям прекрасного.

1. Красота воспринимается всегда в целостности отношений объекта со средой, в контексте конкретного места и времени. Ушедшая от нас античность, по сути, архаична, и потому её образцы (артефакты) культуры должны соответствовать в нашем восприятии этой архаике. Можно сказать и так — сколько сохранилось материи и формы, то есть телесности в древних вещах, столько в них сохранилось исторической правды и эпохального смысла (значения), зафиксированных в культурной памяти. Именно эта соразмерность и подчеркивает целостность объекта. Из древних артефактов как бы выглядывает живая история, живая душа времени, эпохи. Тогда как застарелость, обветшалость современной вещи есть, прежде всего, её структурное несоответствие и функциональный диссонанс. Архаическая вещь целостна тем, что она самоощущающа с архаической эпохой, и тем самым исторический артефакт выражает свою предметную самодостаточность. Этим определяется и объясняется уникальная значимость древнего артефакта для современной культуры. Кроме того, как отмечает Э. Сепир, «эти творения прошлого по-прежнему вызывают глубочайший интерес и симпатию

потому и лишь постольку, поскольку мы можем распознать в них выражения человеческого духа, волнующе сходного, несмотря на все внешние различия, с нашим собственным...» [12, с. 485]. Напротив, современная обветшавшая или испорченная вещь отражает свою дисфункциональную сущность, деструктивное начало, иными словами, свою онтологическую недостаточность. Испорченная вещь разрывает присущую ей временную принадлежность (самотождественность), и её отношения со средой в этой функциональной проекции подорваны, размыты и разбалансированы. Следовательно, из современной испорченной вещи (в отличие от исторического артефакта) невольно проглядывает нечто ущербное, безобразное — некая угроза распада и гибели.

2. Есть и другая причина эстетической зависимости артефакта от глубины и качества его визуального восприятия. Исторические артефакты повернуты к нам своей созидательной, жизнеутверждающей стороной (как бы ни были они потревожены временем), ибо смерть унесла уже всё что могла. Остались только расколотые куски жизни, но которые воспринимаются в контексте современного как соответствующая своей архаике историческая целостность. Архаические вещи целостны в границах своей сохранённой для современности исторической телесности, поскольку в них выражает себя то, что было создано, завоёвано и отобрано культурой, иначе говоря — жизнь, победившая хаос и смерть. В этих вещах жизнь и смерть находятся рядом, как бы в одной точке, на границе, в состоянии непримиримой борьбы. Именно поэтому древние артефакты воспринимаются нами так проникновенно — с эмоциональным напряжением и социально-эстетической значимостью. Древняя вещь, даже в плохой своей сохранности, воссоздаёт знания об эпохе (то есть возрождает, оживляет культуру, социальную память и художественный опыт). За каждой вещью стоит конкретный человек, её творец и хозяин. Артефакты древности удерживают в себе сохранённое знание. Тогда как современные испорченные вещи, напротив, уменьшают это знание, то есть они «дезаутируют» опыт, несут ущерб и противостоят движению жизни. Смерть всегда означает для человека раскол, остановку движения и хаос. Тогда как жизнь собирает и утверждает целостность и порядок, устремлённые к новому формотворчеству. Кроме того,

для архаической вещи не требуется утилитарность, функциональность, напротив, современная вещь воспринимается чаще всего именно с этих позиций, то есть со стороны своего утилитарного назначения. Современная повреждённая вещь повернута к нам (в отличие от древней исторически повреждённой вещи) своей деструктивной, антикультурной и разрушительной стороной. Эта вещь как бы выпадает из своего современного утилитарного контекста и потому она сама по себе нарушает целостность, дезорганизовывает и раскалывает действительность. Любая современная вещь так или иначе вписана в систему социальных отношений, в том числе утилитарных, и любое повреждение вещи выталкивает её из функционального пространства жизни. Лишь искусство способно этому противостоять и с помощью художественных манёвров сконструировать из обломков серой повседневности утончённую и возвышенную эстетическую реальность. Таким образом, *красота может рассматриваться как идеальное соответствие идеи и образа, формы и духа*. И потому красота Афродиты вряд ли была бы признана таковой, будь она нашей живой современницей, но, будучи артефактом древности, она нескончаемо манит и безмерно радует созерцающего её потомка.

В дополнение к этому следует процитировать размышления К. Маркса на тему эстетического восприятия действительности. «Трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они всё ещё доставляют нам художественное наслаждение и в известном отношении признаются нормой и недостижимым образцом. Взрослый человек не может снова стать ребенком, не впадая в детство. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизвести присущую ребенку правду? Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает её собственный характер в его натуральной правде? И почему историческое детство человечества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старческие умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым обладает для нас искусство, не находится в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на

которой оно выросло. Наоборот, это обаяние является её результатом и неразрывно с тем, что незрелые общественные условия, при которых это искусство возникло, и только и могло возникнуть, никогда уже не могут повториться вновь» [8, с. 46–48].

Но притяжение прекрасным не лишено драматизма и ожесточённой борьбы. Именно в этой непреодолимой борьбе за красоту рождаются истинные достижения человеческой культуры. По своей сути, эти достижения всегда являются плодом диалога и сотворчества культур, поскольку красота не может проявить себя в однородном пространстве. «Гармония жизни натянута в разные стороны», — утверждал Гераклит. Одинаковость и одномерность губительны для красоты, поскольку красота — это согласование различных форм или гармония «единства и инаковости». Каждая культура пытается обрести своё лицо и стать узнаваемой в мире через красоту. Только через красоту разнообразных традиций, жизненных стилей, ценностей культура каждой нации обретает свое место под солнцем и тем самым приобщается ко всему человечеству.

Красота в своём конечном проявлении всегда неповторима. Тогда как безобразия — безлики. В безобразном нет единства и цельности. Так же как свет позволяет нам различать вещи между собой, фиксируя их различия, а тьма сводит это различие к нулю, к отсутствию формы, то есть к *без-образию*. Следовательно, культура, явленная в красоте, всегда утверждает свою самобытность, формирует её цвет и орнамент в красочной палитре общечеловеческих ценностей. Следовательно, нельзя развивать красоту культуры, её национальный колорит и притягательную силу без её открытости миру, без культурного диалога и сопоставления.

Литература

- Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве. Т. 1. Кн. VI. — М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1935. — 418 с. [Al'berti LB. Desyat' knig o zodchestve. Vol. 1. Book VI. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy Akademii arkhitektury; 1935. 418 p. (In Russ.)]
- Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. — М.: Искусство, 1994. — 542 с. [Berdyayev NA. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo; 1994. 542 p. (In Russ.)]
- Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе. Т. 9 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. — СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1895. — 472 с. [Dostoevskiy FM. Ryad statey o russkoy literature. Vol. 9. In: Dostoevskiy FM. Polnoye sobraniye sochineniy. Saint Petersburg: Izdanie AF Marksa; 1895. 472 p. (In Russ.)]
- Ионесов В.И. Императивы свободы и гуманизма в культуре: некоторые феноменологические прояснения в культуре: феноменологические прояснения // Аспирантский вестник Поволжья. — 2008. — № 1-2. — С. 30–34. [Ionesov VI. Imperatives of freedom and humanism in culture: some phenomenological clearings. *Aspirantskiy vestnik Povolzh'ya*. 2008;(1-2):30-34. (In Russ.)]
- Ионесов В.И., Ионесова Д.А. Экология красоты и гармония мира // Родник. — 1999. — № 4. — С. 18–19. [Ionesov VI, Ionesova DA. Ecology of beauty and harmony of the world. *Rodnik*. 1999;(4):18-19. (In Russ.)]
- Ионесов В.И. Культура как преодоление: о метафорах перехода и символах спасения // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. VI Всероссийская научно-практическая конференция в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца имени Геннадия Власенко; 2018 Март 29. — Самара, 2018. [Ionesov VI. Kul'tura kak preodolenie: o metaforakh perekhoda i simbolakh spaseniya. (Conference proceedings) Natsional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'ny aspekt. VI Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya v ramkakh VII Vserossiyskogo konkursa-festivalya ispolniteley i baletmeystero narodnogo tantsa imeni Gennadiya Vlasenko; 2018 March 29. Samara; 2018. (In Russ.)]
- Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. — М.: Чоро, 1994. — 414 с. [Kant I. Sbranie sochineniy v 8 tomakh. Vol. 5. Moscow: Choro; 1994. 414 p. (In Russ.)]
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 46. Ч. I. — М.: Политиздат, 1969. — С. 46–48. [Marks K. Ekonomicheskie rukopisi 1857-1859 godov. Vvedenie. In: K Marks, F Engel's. Sochineniya. Vol. 46. Part. I. Moscow: Politizdat; 1969. P. 46-48. (In Russ.)]
- Платонополис [интернет]. Плотин. Фрагменты «Эннеад». [Platonopolis [Internet]. Plotin. Fragmenty «Ennead» (In Russ.)]. Доступно по: <http://www.platonizm.ru/content/plotin-fragmenty-ennead>. Ссылка активна на 29.04.2020.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и мир. Человек и мир. — СПб.: Питер, 2003. — 512 с. [Rubinshteyn SL. Bytie i mir. Chelovek i mir. Saint Petersburg: Piter; 2003. 512 p. (In Russ.)]
- Рузер-Браунинг У.М., Ионесов В.И. Искусство как опыт преобразования культуры // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Восьмые Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество»; 2017 Октябрь 20. — Самара, 2017. [Ruzer-Brauning UM, Ionesov VI. Iskusstvo

- как opyt preobrazovaniya kul'tury. (Conference proceedings) Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem "Vos'mye Azarovskie chteniya. Biblioteka. Kul'tura. Obshchestvo"; dated 2017 October 20. Samara; 2017. (In Russ.)
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с. [Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii. Moscow: Progress; 1993. 656 p. (In Russ.)]
 13. Смольянинов И.Ф. Сущность человека и гуманизм искусства. – Л.: Художник РСФСР, 1983. – 370 с. [Smol'yaninov IF. Sushchnost' cheloveka i gumanizm iskusstva. Leningrad: Hudozhnik RSFSR; 1983. 370 p. (In Russ.)]
 14. Соловьев В.С. Красота в природе. Сочинения. – М.: Мысль, 1990. – С. 351–389. [Solov'ev VS. Krasota v prirode. Sochineniya. Moscow: Mysl'; 1990. P. 351-389. (In Russ.)]
 15. Степанянц М.Т. Философские аспекты суфизма. – М.: Наука, 1987. – 192 с. [Stepanyants MT. Filosofskie aspekty sufizma. Moscow: Nauka; 1987. 192 p. (In Russ.)]

▪ Информация об авторах

Владимир Иванович Ионесов — доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории культуры, ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры», Самара. E-mail: acdis@mail.ru.

Елена Анатольевна Слоева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики, психологии и психолингвистики, ФГБОУ ВО «Самарский государственный медицинский университет» Минздрава России, Самара. E-mail: elena-sloeva@yandex.ru.

▪ Information about the authors

Vladimir I. Ionesov — Doctor of Cultural Studies, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Culture, Samara State Institute of Culture, Samara, Russia. E-mail: acdis@mail.ru.

Elena A. Sloeva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Psycholinguistics, Samara State Medical University, Samara, Russia. E-mail: elena-sloeva@yandex.ru.

ХРОНОТОП В КАРТИНЕ МИРА И МУЗЫКЕ ЭПОХИ

Р.С. Ярмухаметова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный институт культуры», Самара

Для цитирования: Ярмухаметова Р.С. Хронотоп в картине мира и музыке эпохи // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 3–4. – С. 63–66. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.63-66>

Поступила: 28.04.2020

Одобрена: 15.05.2020

Принята: 28.05.2020

В настоящей статье автор обращается к философским и культурологическим понятиям «картина мира» и «хронотоп» и обосновывает их толкование в музыковедении. В своей концепции автор исходит из признания содержательности музыкальной материи, которая позволяет атрибутировать историческую принадлежность музыкальных произведений. В наиболее характерных средствах выразительности, опирающихся на музыкальную интонацию, семантику типовых форм и жанров, отражается мироощущение эпохи и картина мира, присущая данному времени. Сочетание методологии философского и музыковедческого анализа пространства и времени в музыке позволяет достичь наиболее адекватной трактовки семантического поля художественного произведения в его исторической интерпретации.

Ключевые слова: картина мира; хронотоп; музыка; время и пространство музыки; философия музыки; метажанр.

THE CHRONOTOPE IN THE WORLDVIEW AND MUSIC ERAS

R.S. Yarmuhametova

Samara State Institute of Culture, Samara, Russia

For citation: Yarmuhametova RS. The chronotope in the worldview and music eras. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhya*. 2020;(3-4):63-66. <https://doi.org/10.17816/2072-2354.2020.20.2.63-66>

Received: 28.04.2020

Revised: 15.05.2020

Accepted: 28.05.2020

In this article the author refers to the philosophical and cultural concepts of “worldview” and “chronotope” and justifies their interpretation in musicology. In his concept, the author proceeds from the recognition of the content of musical matter, which allows attributing the historical belonging of musical works. The worldview of the epoch and the picture of the world inherent in this time is reflected in the most characteristic means of expression, based on musical intonation, semantics of typical forms and genres. The combination of the methodology of philosophical and musicological analysis of space and time in music allows us to achieve the most adequate interpretation of the semantic field of a work of art in its historical interpretation.

Keywords: worldview; chronotope; music; time and space of music; philosophy of music; meta-genre.

Одним из молодых и перспективных направлений философии начала третьего тысячелетия является философия музыки, рассматривающая музыкальное искусство в аксиологическом, феноменологическом, онтологическом, гносеологическом и других аспектах. В центре внимания этой науки становится «человек музыкальный», создающий и воспринимающий музыку как «способ быть в мире», а предметом философии музыки, по мнению Г.Г. Коломиец, являются «субъект-объектные отношения в системе “человек – мир – музыка”» [3, с. 43]. Апробируются

и проходят селекцию терминология и инструментарий философского знания о музыке, формируя «метафизическое ядро» новой научной ветви. Учёные, находящиеся в данном парадигмальном поле, сходятся во мнении о духовной сущности музыки и её всеобъемлющем характере. Информационные и коммуникативные свойства музыкального искусства позволяют говорить о таком феномене, как «музыкальный язык» или «язык музыки». Вопросы семиотики культуры многогранно исследованы в работах С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Л.Н. Лейдермана, А.Ф. Лосева,

Ю.М. Лотмана; выразительности музыкального языка в трудах М.Г. Арановского, Б.В. Асафьева, М.Ш. Бонфельда, Ю.Г. Кона, В.Д. Конена, Е.В. Назайкинского, Л.Н. Шаймухаметовой, В.Б. Носиной, Б.Л. Яворского и др. В результате изучения вышеуказанных научных концепций автор пришёл к следующим выводам: 1) музыка — искусство эйдетическое, содержательное, насыщенное смыслом; 2) музыка — это особый вид общественного сознания (мышления); 3) музыка как способ коммуникации составляет особую область социологии; 4) как вид коммуникации музыка родственна речи, обладает своими синтаксическими и грамматическими структурами; 5) содержание музыки раскрывается через интонации — особые семантические ячейки музыки; 6) восприятие и интерпретация музыкальных интонаций зависит от музыкальной эрудиции субъекта; 7) эйдос (смысл) музыкально-семантических фигур раскрывается в контексте; 8) каждая историческая эпоха формирует свой тип музыкальной интонации, характеризующий определённую картину мира и хронотоп.

Модель мира или картина мира включает в себя ряд основных компонентов, названных А.Я. Гуревичем «семантическим инвентарем культуры»: Бог, человек, время, пространство, право, богатство, труд, справедливость и др. [2, с. 27]. С эволюцией гражданской истории сами компоненты не меняются, меняются их качественные характеристики. Динамика трансформации картины мира прослеживается автором настоящей работы и в музыкальной ткани. Новая картина мира порождает новые хронотопы, новые жанровые установки, а также новую трактовку авторства.

Хронотоп трактуется нами как совокупность пространственно-временных характеристик и средств музыкальной выразительности: специфических интонационных моделей, метро-ритмических и фактурных принципов организации музыкальной ткани, смены музыкальных событий и их обрамления в музыкальной форме и пр., продиктованных условиями бытования произведения, пространством-временем его звучания, то есть жанром. Для доказательства состоятельности введения дефиниции «хронотоп» в музыковедение предпримем попытку анализа двух жанров и двух типов интонирования в русской музыкальной культуре XVII в.: знаменного распева и партесного концерта.

Знаменный распев — это самый древний вид русской профессиональной музыки, названный так в связи с особым способом нотации — знаменным или крюковым. Знаменный распев, регламентированный христианским

канонем, зародился в синкретизме храмового комплекса искусств и являлся неотъемлемой частью богослужения, поэтому в основе вербального компонента распева — богослужебные тексты и писания. Отметим здесь, что хотя распевы создавались профессиональными распевщиками, имен авторов не сохранилось, так как творчество в ту эпоху оставалось принципиально имперсональным, поскольку оно воспринималось как эманация Бога, его воля и провидение.

Метод музыковедческого анализа позволил сделать выводы, что знаменный распев — одноголосная мелодия, состоящая из интонаций-попевок, плавно перетекающих друг за другом, создавая непрерывное мелодическое развертывание. Музыка знаменного распева соответствует картине мира средневекового христианского сознания и исповедальному психоэмоциональному состоянию: умиротворяет, услаждает и вовлекает в процесс богослужения. Стоит отметить, что одноголосная фактура избрана для православного богослужения не случайно и символизирует идею соборности. Песнопение исполняется в медленном темпе с приглушённой динамикой, границы формы едва различимы и связаны со сменой дыхания и знаками препинания в вербальном компоненте. Рассмотрение пространственно-временных характеристик распева, подтверждает тезис, выдвинутый рядом исследователей (М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич, И.С. Кон и др.), что пространство и время в эту эпоху ещё слабо выделены из единого хронотопа — они диффузны. Поскольку для религиозного сознания точкой отсчета в восприятии времени является бесконечность, имеющая линейную структуру «Бог – человек», «личное – сверхличное», монодия знаменного распева фиксирует эту структуру, обнуляя при этом ритмическую организацию как одну из координат хронотопа. Мономерное, бессобытийное развёртывание песнопения представляет собой континуум — трансцендентальное Вечное.

Знаменный распев оставался в практически неизменном виде на протяжении нескольких столетий (X–XVII вв.). С появлением новых жанров и форм знаменный распев не исчез и проявлялся в профессиональной музыке в качестве интонационного «архетипа», одного из базовых семантических конструкторов. Всё вышперечисленное позволяет нам трактовать знаменный распев как метажанр древнерусской музыки [4, с. 89–119].

Каноническая картина мира меняется в XVII в. В России этот век насыщен драматическими и противоречивыми событиями:

непрекращающиеся восстания и войны, смута и церковный раскол — с одной стороны; централизация власти, расширение границ государства, развитие образования и науки — с другой стороны. В насыщенной событиями повседневности человек осознает ускорение темпов жизни, скоротечность времени земного.

Автономизация науки от церкви, великие географические открытия XV–XVII вв., научные исследования Н. Коперника и Г. Галилея приводят к расширению границ пространства, ставят под сомнение христианские догматы о мироустройстве. Зарождающийся процесс секуляризации усиливается в связи с церковными реформами Патриарха Никона и последующим расколом. На смену интровертному, закрытому общению с Богом приходит осознание собственных способностей человека и собственной интеллектуальной природы. А.С. Демин отмечает в это время рождение нового типа человека — «человека деятельностного» [1]. В этот период Россия, как никогда близко, подходит к знакомству с европейской культурой, её смыслами, формами, жанрами, инструментами, сохраняя при этом национальное наследие.

Под влиянием западноевропейского искусства в русскую богослужебную музыку постепенно проникает многоголосное пение. Сначала это были многоголосные «аранжировки» знаменного распева (киевский, греческий и болгарский распевы) с уплотнением и орнаментацией основного голоса распева; затем — первые формы русского многоголосия (демественное и строчное пение), возникающие как сплав гетерофонии и контрапункта; и к концу XVII в. — «полнокровное» многоголосное партесное пение, основанное на гомотонно-гармонической системе. Отметим, что параллельно этим процессам в музыке, в архитектуре так называемого «московского барокко» так же появляются многоярусные композиции; в живописи зарождается «парсунное письмо», а в литературе приключенческие повести и романы, свидетельствующие о появлении интереса собственно к человеку.

Первые образцы партесного пения (партес от лат. *partes* — голоса, многоголосное пение по партиям) в России так же связаны с практикой богослужения и исполнялись в церкви. Многоголосие не сразу принимается и воспринимается прихожанами, которые усматривали в нем экспансию католицизма и «мирской» характер. Многоголосное пение проникает и в светскую жизнь, воплощаясь в новых жанрах — кантах (религиозных, панегирических, приветственных и пр.), «задравных чашах», виватных концертах и т. д.

Многоголосие как тип интонирования основано на согласовании партий между собой, что требует упорядоченности во времени, требует меры. Новое дискретное восприятие времени отражается и в музыкальной форме, которая теперь четко структурируется на части, имеет стереотипные формулы организации начала и конца произведения, раздела формы. Такое формообразование стало возможным при новом стиховом вербальном компоненте, в качестве которого теперь привлекаются авторские стихотворные описания. Музыкальное произведение насыщается событийностью, находящей отражение в смене интонационного материала, средств музыкальной выразительности. Пространство хоровой многоголосной ткани многомерно. В его отношении можно говорить о плотности, объёме, весе, цветности и пр. На смену однотембовости знаменного распева приходит смешанный хор. Количество партий в партесном пении XVII в. не регламентируется и иногда разрастается до 24, и даже 48 голосов, лишь в XVIII в. устанавливается «классическое» четырехголосие. В партитуре партесного пения заложена «игра с пространством»: используя особенности колорита вокальных партий, композитор высвечивает то «верх», то «низ», создает эффекты эха, внося динамические нюансы, моделирует ощущение «близости» и «дали» и т. д. Все эти приёмы моделирования пространственно-временных представлений проявляются в партесных сочинениях В.П. Титова, Н.П. Дилецкого и Д.С. Бортиянского и др.

Таким образом, в русской музыке XVII в. происходят процессы кардинальной трансформации моделей музыкального мышления: на смену длящемуся одноплоскостному знаменному распеву, символизирующему вечному распеву, символизирующему вечности христианского мирозерцания, приходит многоголосие партесного пения с дискретной формулой времени и гиперболизированным пространством. Замена одного типа хронотопа в музыкальной ткани на другой свидетельствует об изменении картины мира в целом. Предложенные автором инструменты анализа являются универсальными и могут быть применены не только в музыке, но и других видах искусства, отображают новый научный подход и представляются автору как весьма перспективные.

Литература

1. Демин А.С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века: Новые худож. представления о мире, природе, человеке. – М.: Наука,

1977. – 296 с. [Demin AS. Russkaya literatura vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII veka: Novyye khudozh. predstavleniya o mire, prirode, cheloveke. – Moscow: Nauka; 1977. 296 p. (In Russ.)]
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с. [Gurevich AYа. Kategorii srednevekovoy kul'tury. 2nd revised and updated. Moscow: Iskusstvo; 1984. 350 p. (In Russ.)]
 3. Коломиец Г.Г. Смысл и ценность музыки // Ценности и смыслы. – 2010. – № 1. – С. 43–57. [Kolomiets GG. The Meaning and value of music. *Cennosti i smysly*. 2010;(1):43-57. (In Russ.)]
 4. Ярмухаметова Р.С. Русская музыкальная культура XVII столетия: переходный тип, жанрообразование, авторство: Автореф. дис. ... канд. искусств. – Саранск, 2018. – 23 с. [Yarmukhametova RS. Russkaya muzykal'naya kul'tura XVII stoletiya: perekhodny tip, zhanroobrazovanie, avtorstvo. [dissertation abstract] Saransk; 2018. 23 p. (In Russ.)]. Доступно по: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008704858>. Ссылка активна на 15.04.2020.

▪ Информация об авторе

Рамяля Салимьяновна Ярмухаметова — кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и истории музыки, ФГБОУ ВО «Самарский государственный институт культуры», Самара. E-mail: Ramila@nxt.ru.

▪ Information about the author

Ramilya S. Yarmukhametova — PhD, Associate Professor of the Department of Theory and History of Music of the Samara State Institute of Culture, Samara, Russia. E-mail: Ramila@nxt.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

В «Аспирантский вестник Поволжья» принимаются статьи и сообщения по наиболее значимым вопросам научной и научно-практической, учебной и учебно-методической, лечебно-профилактической и клинической работы в области медицины, а также итоги научных исследований, библиографические обзоры, рецензии, обзоры научных конференций в области философских наук.

НАСТОЯЩИЕ ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ ЯВЛЯЮТСЯ ИЗДАТЕЛЬСКИМ ДОГОВОРОМ

Условия настоящего Договора (далее — Договор) являются публичной офертой в соответствии с п. 2 ст. 437 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данный Договор определяет взаимоотношения между редакцией журнала «Аспирантский вестник Поволжья» (далее по тексту — Журнал), зарегистрированного Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-13193 от 10.07.2002), именуемой в дальнейшем Редакция, и автором и (или) авторским коллективом (или иным правообладателем), именуемым в дальнейшем Автор, принявшим публичное предложение (оферту) о заключении Договора. Автор передаёт Редакции для издания авторский оригинал, или рукопись. Указанный авторский оригинал должен соответствовать требованиям, указанным в разделе «Оформление рукописи».

При рассмотрении полученных авторских материалов Журнал руководствуется «Рекомендациями к рукописям, представляемым в биомедицинские журналы» (<http://www.icmje.org/recommendations/>).

В Журнале печатаются ранее не опубликованные работы по профилю Журнала. Множественные и дублирующие публикации (публикации статьи, материалы которой во многом совпадают с уже однажды опубликованными) не допускаются. Не принимаются к печати статьи, в которых представлены результаты исследований, выполненные с нарушением Правил и норм гуманного обращения с биообъектами исследований.

Размещение публикаций возможно только после получения положительной рецензии.

Статьи аспирантов и докторантов публикуются бесплатно.

АВТОРСКОЕ ПРАВО

Редакция отбирает, готовит к публикации и публикует переданные Авторами материалы. Авторское право на конкретную статью принадлежит авторам статьи.

Авторский гонорар за публикации статей в Журнале не выплачивается. Автор передаёт, а Редакция принимает авторские материалы на следующих условиях:

1) Редакции передаётся право на оформление, издание, передачу Журнала с опубликованным материалом Автора для целей реферирования статей из него в Реферативном журнале ВИНТИ, РИНЦ и базах данных, распространение Журнала / авторских материалов в печатных и электронных изданиях, включая размещение на выбранных либо созданных Редакцией сайтах в сети Интернет в целях доступа к публикации в интерактивном режиме любого заинтересованного лица из любого места и в любое время, а также на распространение Журнала с опубликованным материалом Автора по подписке;

2) территория, на которой разрешается использовать авторский материал, — Российская Федерация и сеть Интернет;

3) срок действия Договора — 5 лет. По истечении указанного срока Редакция оставляет за собой, а Автор подтверждает бессрочное право Редакции на продолжение размещения авторского материала в сети Интернет;

4) Редакция вправе по своему усмотрению без каких-либо согласований с Автором заключать договоры и соглашения с третьими лицами, направленные на дополнительные меры по защите авторских и издательских прав;

5) Автор гарантирует, что использование Редакцией предоставленного им по настоящему Договору авторского материала не нарушит прав третьих лиц;

6) Автор оставляет за собой право использовать предоставленный по настоящему Договору авторский материал самостоятельно, передавать права на него по договору третьим лицам, если это не противоречит настоящему Договору;

7) Редакция предоставляет Автору возможность безвозмездного получения одного авторского экземпляра из вышедшего тиража печатного издания с публикацией материалов Автора или получения справки с электронны-

ми адресами его официальной публикации в сети Интернет;

8) при перепечатке статьи или её части ссылка на первую публикацию в Журнале обязательна;

9) Редакция вправе издавать Журнал любым тиражом.

ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА И ИЗМЕНЕНИЯ ЕГО УСЛОВИЙ

Заключением Договора со стороны Редакции является опубликование рукописи данного Автора в журнале «Аспирантский вестник Поволжья» и размещение его текста в сети Интернет. Заключением Договора со стороны Автора, то есть полным и безоговорочным принятием Автором условий Договора, является передача Автором рукописи и экспертного заключения.

ОФОРМЛЕНИЕ РУКОПИСИ

При направлении статьи в редакцию рекомендуется руководствоваться следующими правилами, составленными с учётом «Единых требований к рукописям, предоставляемым в биомедицинские журналы» (Uniform Requirements for Manuscripts Submitted to Biomedical Journals), разработанных Международным комитетом редакторов медицинских журналов (International Committee of Medical Journal Editors).

1. Рукопись. Направляется в редакцию в электронном варианте. Файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf).

1. Объём полного текста рукописи (оригинальные исследования, лекции, обзоры), в том числе таблицы и список литературы, не должен превышать 10 000 слов. Объём статей, посвящённых описанию клинических случаев, не более 7000 слов; краткие сообщения и письма в редакцию — в пределах 2000 слов.

2. Формат текста рукописи. Текст должен быть напечатан шрифтом Times New Roman, иметь размер 12 pt и межстрочный интервал 1,5 pt. Отступы с каждой стороны страницы 2 см. Текст можно выделять ТОЛЬКО курсивом или полужирным начертанием букв, но НЕ подчёркиванием. Из текста необходимо удалить все повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк (в автоматическом режиме через сервис Microsoft Word «найти и заменить»).

3. Файл с текстом статьи должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

II. Структура рукописи должна соответствовать приведенному ниже шаблону (в зависимости от типа работы).

1. Русскоязычные метаданные

• Название статьи.

• **Авторы.** При написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров).

• **Учреждения.** Необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую необходимо написать название города, страны. Если в написании рукописи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо соотнести названия учреждений и Ф.И.О. авторов путём добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после фамилий соответствующих авторов.

• **Резюме статьи** должно быть (если работа оригинальная) структурированным: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение. Резюме должно полностью соответствовать содержанию работы. Объём текста резюме должен быть в пределах 100–300 слов.

• **Ключевые слова.** Необходимо указать ключевые слова — от 3 до 10, способствующих индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

2. Англоязычные метаданные

• **Article title.** Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

• **Author names.** Ф.И.О. необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BGN/PCGN (см. ниже).

• **Affiliation.** Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ (<https://elibrary.ru/orgs.asp>).

• **Abstract.** Англоязычная версия резюме статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка.

- **Keywords.** Для выбора ключевых слов на английском языке следует использовать тезаурус Национальной медицинской библиотеки США — Medical Subject Headings (MeSH).

3. Полный текст (на русском, английском или обоих языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвящённой описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы или заключение.

4. Дополнительная информация (на русском, английском или обоих языках)

Информация о конфликте интересов. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. Конфликтом интересов может считаться любая ситуация (финансовые отношения, служба или работа в учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности и др.), способная повлиять на автора рукописи и привести к сокрытию, искажению данных или изменить их трактовку. Наличие конфликта интересов у одного или нескольких авторов НЕ является поводом для отказа в публикации статьи. Выявленное редакцией сокрытие потенциальных и явных конфликтов интересов со стороны авторов может стать причиной отказа в рассмотрении и публикации рукописи.

Информация о финансировании. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.). Указывать размер финансирования не требуется.

Благодарности. Авторы могут выразить благодарность людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

Информация о вкладе каждого автора (и лиц, указанных в разделе «Благодарности»). Пример:

Авторы выносят благодарность (И.О. Фа-милия) за оформление иллюстраций.

5. Список литературы

• **Оформление списка литературы** должно удовлетворять требованиям РИНЦ и международных баз данных. В связи с этим в ссылках на русскоязычные источники необходимо дополнительно указывать информацию для цитирования на латинице. Таким образом:

— англоязычные источники следует оформлять в формате Vancouver в версии

AMA (AMA style, <http://www.amamanualofstyle.com>) — подробно на странице «Оформление библиографии»;

— русскоязычные источники необходимо оформлять в соответствии с правилами ГОСТ Р 7.0.5-2008; после указания ссылки на первоисточник на русском языке в квадратных скобках должно быть указано описание этого источника на латинице.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ (АНГЛОЯЗЫЧНОЙ) ЧАСТИ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ НЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ (В РОМАНСКОМ АЛФАВИТЕ)

Если статья написана на латинице (на английском, немецком, финском, датском, итальянском и т. д.), она должна быть процитирована в оригинальном виде:

- Ellingsen AE, Wilhelmson I. Sykdomsangst blant medisiner- og jusstudenter. *Tidsskr Nor Laegeforen.* 2002;122(8):785-787. (In Norwegian).

Если статья написана НЕ на латинице — на кириллице (в том числе на русском), иероглифами и т. д., если у статьи есть ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД НАЗВАНИЯ, его нужно вставить в квадратных скобках после оригинального написания библиографической ссылки на источник. Проще всего проверить наличие официального перевода названия статьи можно, отыскав статью на eLibrary.ru. Например:

- Григорян О.Р., Шереметьева Е.В., Андреева Е.Н., Дедов И.И. Планирование беременности у женщин с сахарным диабетом // Вестник репродуктивного здоровья. – 2011. – № 1. – С. 23–31. [Grigoryan OR, Sheremeteva EV, Andreeva EN, Dedov II. Planning of pregnancy in women with diabetes. *Vestnik reproduktivnogo zdorov'ya.* 2011;(1):23-31. (In Russ.)]

Если у статьи нет ОФИЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА, то нужно ПРИВЕСТИ ТРАНСЛИТЕРАЦИЮ всей ссылки в квадратных скобках сразу после правильно оформленной ссылки в оригинальном написании. Англоязычная часть библиографического описания ссылки на русскоязычный источник должна находиться непосредственно после русскоязычной части в квадратных скобках ([...]).

Фамилии и инициалы всех авторов на латинице и название статьи на английском языке следует приводить так, как они даны в оригинальной публикации. Транслитерацию следует приводить в стандарте BGN (автоматически транслитерация в стандарте BGN производится на странице <https://translit.net/ru/bgn/>) с сохранением стилового оформления русскоязычного источника. Далее следует транслитерированное название русскоязычного

журнала в стандарте BGN, далее — выходные данные: год;том(номер):страницы.

В самом конце англоязычной части библиографического описания в круглые скобки помещают указание на исходный язык публикации, например: (In Russ.). В конце библиографического описания (за квадратной скобкой) помещают doi статьи, если таковой имеется. Проверять наличие doi у статьи следует на сайтах <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Например:

• Алексеев Л.П., Дедов И.И., Хаитов Р.М., и др. Иммуногенетика сахарного диабета 1-го типа — от фундаментальных исследований к клинике // Вестник Российской академии медицинских наук. — 2012. — Т. 67. — № 1. — С. 75. [Alekseev LP, Dedov II, Khaitov RM, et al. Immunogenetika sakharnogo diabeta 1-go tipa — ot fundamental'nykh issledovaniy k klinike. *Vestnik Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk*. 2012;67(1):75. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.15690/vramn.v67i1.114>.

Примеры правильного оформления ссылок в списках литературы.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ

Обычная журнальная ссылка (есть переводной вариант названия)

• Шестакова М.В., Сухарева О.И. Расширение группы препаратов, основанных на действии инкретинов: новый ингибитор ДПП-4 саксаглиптин // Проблемы эндокринологии. — 2010. — Т. 56. — № 5. — С. 52–60. [Shestakova MV, Sukhareva OI. Extension of the group of incretin-targeted preparations: Saxagliptin — a new dipeptidyl peptidase-4 inhibitor. *Problems of Endocrinology*. 2010;56(5):52-60. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.14341/probl201056552-60>.

• Halpern SD, Ubel PA, Caplan AL. Solid-organ transplantation in HIV-infected patients. *N Engl J Med*. 2002;347(4):284-287. <https://doi.org/10.1056/nejmsb020632>.

Обычная журнальная ссылка (перевод названия нет)

• Сунцов Ю.И., Дедов И.И., Кудрякова С.В. Государственный регистр сахарного диабета: эпидемиологическая характеристика инсулиннезависимого сахарного диабета // Сахарный диабет. — 1998. — Т. 1. — № 1. — С. 41–43. [Suntsov YuI, Dedov II, Kudryakova SV. Gosudarstvennyy registr sakharnogo diabeta: epidemiologicheskaya kharakteristika insulinnezavisimogo sakharnogo diabeta. *Diabetes mellitus*. 1998;1(1):41-43. (In Russ.)]. <https://doi.org/10.14341/2072-0351-6215>.

КНИГИ И МОНОГРАФИИ

У книги один или несколько авторов

• Гиляревский С.Р. Миокардиты: современные подходы к диагностике и лечению. — М.:

Медиа Сфера, 2008. [Gilyarevskii SR. Miokardity: sovremennye podkhody k diagnostike i lecheniyu. Moscow: Media Sfera; 2008. (In Russ.)]

• Murray PR, Rosenthal KS, Kobayashi GS, Pfaller MA. *Medical microbiology*. 4th ed. St. Louis: Mosby; 2002.

• Ringsven MK, Bond D. *Gerontology and leadership skills for nurses*. 2nd ed. Albany (NY): Delmar Publishers; 1996.

У книги один или несколько редакторов

• Инфекции, передаваемые половым путём / Под ред. В.А. Аковбяна, В.И. Прохоренкова, Е.В. Соколовского. — М.: Медиа Сфера, 2007. [Infektsii, peredavaemye polovym putem. Ed. by V.A. Akovbyan, V.I. Prokhorenkov, E.V. Sokolovskiy. Moscow: Media Sfera; 2007. (In Russ.)]

• *Operative obstetrics*. 2nd ed. Ed. by L.C. Gilstrap, F.G. Cunningham, J.P. VanDorsten. New York: McGraw-Hill; 2002.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

• Пархоменко А.А., Дейханова В.М. Оказание медицинской помощи больным, перенесшим инфаркт головного мозга, на амбулаторно-поликлиническом этапе // Всероссийская научно-практическая конференция «Пути развития первичной медико-санитарной помощи»; Ноябрь 13–14, 2014; Саратов. [Parkhomenko AA, Deikhanova VM. Okazanie meditsinskoi pomoshchi bol'nym, perenesshim infarkt golovnogo mozga, na ambulatorno-poliklinicheskom etape. (Conference proceedings) Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Puti razvitiya pervichnoi mediko-sanitarnoi pomoshchi"; 2014 nov 13-14; Saratov. (In Russ.)]. Доступно по: <http://medconfer.com/node/4128>. Ссылка активна на 12.12.2014.

• Germ cell tumours V. Proceedings of the 5th Germ Cell Tumour Conference; 2001 Sep 13-15; Leeds, UK. Ed. by P. Harnden, J.K. Joffe, W.G. Jones. New York: Springer; 2002.

ТЕЗИСЫ В МАТЕРИАЛАХ КОНФЕРЕНЦИИ

• Christensen S, Oppacher F. An analysis of Koza's computational effort statistic for genetic programming. In: Genetic programming. EuroGP 2002: Proceedings of the 5th European Conference on Genetic Programming; 2002 Apr 3-5; Kinsdale, Ireland. Ed. by J.A. Foster, E. Lutton, J. Miller, et al. Berlin: Springer; 2002. P. 182-91.

ДИССЕРТАЦИИ

• Бузаев И.В. Прогнозирование изменений центральной гемодинамики и выбор метода пластики левого желудочка при хронических аневризмах сердца: Дис. ... канд. мед. наук. — Новосибирск, 2006. [Buzaev IV. Prognozirovaniye izmenenii tsentral'noi gemodinamiki i vybor metoda plastiki levogo zheludochka pri khronicheskikh anevrizmakh serdtsa. [dissertation] Novosibirsk; 2006. (In Russ.)]. Доступно

по: <http://www.buzaev.ru/downloads/disser.pdf>. Ссылка активна на 12.12.2014.

- Borkowski MM. Infant sleep and feeding: a telephone survey of Hispanic Americans. [dissertation] Mount Pleasant (MI): Central Michigan University; 2002.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВИЛЬНОСТЬ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ НЕСЕТ АВТОР.

III. Английский язык и транслитерация.

При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BGN/PCGN (United States Board on Geographic Names / Permanent Committee on Geographical Names for British Official Use), рекомендованный международным издательством Oxford University Press, как British Standard. Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BGN можно воспользоваться ссылкой <https://translit.net/ru/bgn/>.

IV. Таблицы следует помещать в текст статьи, они должны иметь нумерованный заголовок и четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны. Таблицы должны иметь заглавие на русском и английском языках.

V. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объём графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещён в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Рисунки должны иметь заглавие на русском и английском языках. Надписи на рисунках также должны быть продублированы на английском языке.

VI. Фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и другие нерисованные иллюстрации необходимо предоставить в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif, *.tif (*.doc и *.docx — в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть >300 dpi. Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

VII. Сокращения. Все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам с указанием на использованные статистические критерии (методы)

и показатели точности оценки (стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего и пр.). Статистическую значимость различий данных, представленных в таблицах, рекомендуется обозначать надстрочными символами *, **, #, ##, †, ††, ‡, ‡‡ и т. п.

VIII. Соответствие нормам этики. Для публикации результатов оригинальной работы необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие. В случае проведения исследований с участием животных — соответствовал ли протокол исследования этическим принципам и нормам проведения биомедицинских исследований с участием животных. В обоих случаях необходимо указать, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, её расположения, номера протокола и даты заседания комитета).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

Рецензирование рукописей статей, поступающих в редакцию журнала «Аспирантский вестник Поволжья», осуществляется с целью отбора наиболее актуальных и перспективных научных работ, результатов диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, отражающих современное развитие научных отраслей. Рецензированию подлежат все рукописи, поступающие в редакцию журнала «Аспирантский вестник Поволжья». Заместитель главного редактора или ответственный секретарь направляют рукопись на рецензирование членам редакционной коллегии, которые являются признанными специалистами в соответствующей области знаний и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых статей. Рецензенты в срок от 2 до 4 недель проводят экспертизу рукописи и направляют в редакцию журнала (по почте, e-mail) рецензию.

При экспертизе специалист даёт оценку структуре, содержанию рукописи, обращая внимание на актуальность, научную новизну, практическую значимость научного исследования, грамотность изложения материала, достоверность полученных результатов, обоснованность выводов, характер иллюстративного материала, стиль текста, оформление списка литературы. Текст рецензии заканчивается рекомендацией рукописи к опубликованию в соответствующем разделе. При наличии замечаний, рукопись возвращается редакцией автору на доработку, после чего отправляется на повторное рецензирование.

После получения рецензии редакцией журнала принимается решение об опубликовании, о возвращении рукописи автору на доработку либо об отказе в публикации. На основе принятого решения автору (авторам) направляется информационное письмо и копия рецензии. Если статья нуждается в доработке, с учётом замечаний рецензента, то в письме даются рекомендации по доработке. Мотивированный отказ в публикации по результатам рецензирования направляется авторам по электронной почте.

Статья, направленная автором (авторами) в редакцию после доработки, рассматривается в общем порядке. В случаях, если автор статьи не согласен с замечаниями рецензентов, возможно привлечение независимых экспертов из числа ведущих научных сотрудников в соответствующей области знаний для проведения повторного рецензирования статьи.

Рецензирование рукописи статей проводится членами редакционной коллегии журнала на общественных началах.

Датой поступления статьи считается дата получения Редакцией первого варианта статьи. Датой одобрения статьи является

дата получения статьи после устранения замечаний рецензента. Датой принятия статьи к печати считается дата одобрения её членами редакционной коллегии. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи (литературная и техническая правка).

АВТОРСКИЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ЖУРНАЛА

Редакция обязуется выдать Автору 1 экземпляр Журнала с опубликованной рукописью. Авторы, проживающие в Самаре, получают авторский экземпляр Журнала непосредственно в Редакции. Иногородним Авторам авторский экземпляр Журнала высылается на адрес автора, ответственного за переписку.

ИНФОРМАЦИЯ

Адрес редакции: 443099, Россия, г. Самара, ул. Чапаевская, 89. Тел.: +7(846)333-30-86. E-mail: aspvestnik@list.ru, aspirantura_samgmu@mail.ru.

Архив журнала «Аспирантский вестник Поволжья» в сети Интернет: www.aspvestnik.com.

